

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОУ ВПО «НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Ю.В. Фоменко

КУЛЬТУРА РЕЧИ. СТИЛИСТИКА. РИТОРИКА

Учебное пособие

Новосибирск
2008

УДК 811. Р61 I
ББК 81.2 Рус-5
Ф 76

Рекомендовано Редакционно-издательским
советом НГПУ

Научный редактор –
кандидат филологических наук
В.А. Глухова

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой
русского языка Омского государственного университета

Л.О. Бутакова,

кандидат филологических наук, профессор кафедры русского
языка Омского государственного университета

М.П. Одинцова,

кафедра общего и исторического языкознания НГПУ

Ф76 Фоменко, Ю.В.

Культура речи. Стилистика. Риторика: учебное пособие /
Ю.В. Фоменко. – Новосибирск: Изд. НГПУ, 2008. – 182 с.

Настоящее пособие содержит сжатое изложение всех основных
вопросов трех родственных дисциплин – культуры речи, стилистики
и риторики.

Пособие адресуется студентам-филологам, учителям-
словесникам, аспирантам и вузовским преподавателям.

УДК 811. Р61 I
ББК 81.2 Рус-5

© Фоменко Ю.В., 2008

© ГОУ ВПО «Новосибирский государственный
педагогический университет», 2008

ВВЕДЕНИЕ

В течение 5 лет учебы в университете студентам филологического факультета предстоит изучить большое число лингвистических дисциплин. Это введение в языкознание, практикум по русскому языку, диалектология, старославянский язык, история русского языка (историческая грамматика), современный русский литературный язык, история русского литературного языка, лингвистический анализ художественного текста, общее языкознание, древние языки. Важное место в этом ряду занимают культура речи, стилистика и риторика. Эти учебные дисциплины очень близки, и есть все основания объединить их в едином учебном пособии. Так поступила, например, Т.В.Матвеева (см. её “Учебный словарь: Русский язык. Культура речи. Стилистика. Риторика”. М., 2003).

Учебных пособий по культуре речи, стилистике и особенно – по риторике много, но их количество явно уступает качеству. В пособиях по риторике много повторов, общих мест, посторонних сведений, неточностей и даже ошибок. В пособиях по культуре речи отсутствуют разделы “Морфология фамилий”, “Семантическое, грамматическое (синтаксическое), эмоционально-оценочное и стилистическое согласование слов”; оставляют желать лучшего разделы, посвященные учению о качествах образцовой речи, нормам языка и типологии речевых ошибок и др.

Автор настоящего пособия стремился к тому, чтобы преодолеть эти недостатки, сделать изложение предельно точным, доступным, экономным и интересным.

КУЛЬТУРА РЕЧИ

Цель и задачи курса

Цель курса «Культура речи» – помочь студентам в овладении речью как важнейшим средством обучения, воспитания и развития учащихся, важнейшим инструментом учителя.

Задачи курса:

1) познакомить студентов с основными правилами (нормами) современного русского литературного языка и с типичными речевыми ошибками;

2) научить будущих учителей владеть своим голосом, речевым аппаратом, чтобы их педагогическое общение было максимально эффективным;

3) научить завтрашних педагогов анализировать и оценивать речь учащихся и свою собственную речь.

Русский язык справедливо относят к числу самых богатых языков мира. «Богатство русского языка, – говорил К.Г. Паустовский, – неизмеримо. Оно просто ошеломляет». И.С. Тургенев призывал: «Берегите наш язык, наш прекрасный русский язык, этот клад, это достояние, переданное нам нашими предшественниками... Обращайтесь почтительно с этим могущественным орудием; в руках умелых оно в состоянии совершать чудеса!»

Развивая эту мысль, В.А. Сухомлинский писал: «По-моему, в школе ... надо ввести четыре культа, которые должны господствовать среди учащихся. Вот эти культи: культ Родины, культ матери, культ книги и культ родного слова».

«Речевая культура и совершенное знание своего предмета, – утверждает В.Ф. Шаталов, – непреложные требования к любому учителю».

Культура речи – важнейший компонент общей культуры, обязательное условие успешной деятельности любого образованного, культурного человека, тем более и в особенности – учителя, учителя-словесника. «Речь человека – это лакмусовая бумажка его общей куль-

туры, владение литературным языком составляет необходимый компонент образованности, интеллигентности» (К.С. Горбачевич).

Культура речи в наши дни оставляет желать много, много лучшего. Ошибки допускают руководители, депутаты, журналисты, дикторы, учителя и вузовские преподаватели. Приведу несколько примеров.

«Более-менее здесь как-то раз, знаете, вот. Но и не так просто здесь» (М.С. Горбачев).

Газета «Вечерний Новосибирск» (29 дек. 2000 г.) прокомментировала это высказывание так:

В умении талдычить ни о чем
Себе не знает равных Горбачев.
Сей монолог переведут едва ли –
Вы, право слово, лучше бы жевали.

«Мне очень жаль, что сегодня многие мы, кто благодаря тем людям, которые делали государство Советский Союз, получили образование, получили возможность говорить с высоких трибун, и нам отшибло многим память» (Н. Харитонов, депутат Госдумы).

«Вечерний Новосибирск» (4 авг. 2000 г.) откликнулся на это яркое высказывание так:

У многих вас, кто Думу обживает,
Случается, чего уж
тут стесняться,
Когда не только память отшибает,
Но и способность
связно изъясняться.

Объявления: «Крупнейшее в России агентство предлагает услуги: няни (беременные, любой возраст)»;

«Начинается распродажа обуви для детей отечественного и импортного производства»;

«С 11 апреля котлопункт закрывается на санитарный день ввиду прихода тараканов»;

«Каждому клиенту – отличную помойку!» (Из соcobязательств работников бани).

Из школьных сочинений: «Герасим вышел – Муму нет. Тогда он стал звать: «Муму, Муму! Где ты?!».

Из речи учителей, преподавателей, торговых работников и др.:

«Сегодня мы начинаем изучать «Войну и мир» Толстого. Это произведение условно можно разделить на две темы – любовь и война. Так вот, сегодня займемся любовью»;

«Глаза – в тетрадь, а уши – на меня».

Учительница говорит: «А в конце урока я покажу вам чучело Пушкина». Объясняя это словоупотребление, она замечает: «Не могу же я при детях сказать «бюст»!».

«Выбейте мне мозги!» – просит покупательница;

«Женщина с бараньими ножками! Подойдите к кассе!»;

«Дворник вел под уздцы лошадь, весело крутя мордой», – сообщает нам начинающий автор.

Из газеты: «Лучшая доярка Марусинского колхоза им. Буденного Козлова М.П. на 28 день после отела получила от коровы под кличкой Маруська 37 литров молока».

О культуре речи

Речь правильная и речь образцовая

Что такое культура речи? Заглянем в толковый словарь. Читаем: «Культура... 1. Совокупность производственных, общественных и духовных достижений людей... 2. То же, что культурность... Человек высокой культуры. 3. Разведение, выращивание какого-н. растения или животного (спец.). К. льна. К. шелкопряда. 4. Разводимое растение, а также (спец.) клетки микроорганизмов, выращенные в питательной среде в лабораторных или промышленных условиях. Технические культуры. К. органической ткани. 5. Высокий

уровень чего-н., высокое развитие, умение. К. производства. К. голоса (у певцов). Физическая к. (физкультура). К. речи» [Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 1994. – С. 307]. Следовательно, культура речи – это ее высокий уровень.

Вспомним теперь (с помощью словаря), что такое речь: «1. Способность говорить, говорение. Владеть речью. Затрудненная р. Отчетливая р. Дар речи (умение говорить, а также красноречие). 2. Разновидность или стиль языка. Устная и письменная р. Разговорная р. Стихотворная р. 3. Звучащий язык. Русская р. музыкальна. Звучит многоязычная р. Язык и р. (противопоставление системы языка и ее функционирования). 4. Разговор, беседа. Умные речи приятно и слушать. Об этом речи не было (ничего не говорилось). О чем идет р.? (о чем разговор?). Об этом не может быть и речи (этого не будет, нельзя). О чем р.! (само собой разумеется, нет никакого сомнения в чем-н.; разг.). 5. Публичное выступление. Выступить с речью. Поздравительные речи. Р. на собрании» [Там же. – С. 667-668].

Таким образом, культура речи – это высокий уровень владения языком, это умение правильно, точно, ясно и ярко выражать свои мысли и чувства.

Кроме того, термином *культура речи* называют раздел русистики, изучающий речевую жизнь общества и описывающий нормы (правила) языка.

Культурной называют речь правильную и речь образцовую. Что это такое?

Правильная речь – это речь, соответствующая всем нормам (правилам) литературного языка, а именно нормам произношения, лексики, фразеологии, морфологии, синтаксиса, орфографии и пунктуации.

Образцовая речь – это речь, которая, кроме того, соответствует нормам (рекомендациям) стилистики – требованиям уместности, доступности, краткости, богатства, благозвучия, образности и своеобразия.

Таким образом, к качествам образцовой речи относятся: правильность; уместность, доступность, краткость, богатство, благозвучие, образность и своеобразие (а также – содержательность, логичность и точность).

Курс культуры речи сосредоточивает свое внимание на правильности речи, а качества уместности, доступности, краткости, богатства, благозвучия, образности и своеобразия, а также содержательности, логичности и точности рассматриваются в курсе стилистики.

Конкретизируем понятие правильности. Как мы уже сказали, правильность речи – это ее соответствие нормам (правилам) литературного языка - нормам произношения, лексики, фразеологии, морфологии, синтаксиса, орфографии и пунктуации.

Норма языка

Что такое норма языка? В «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой слово *норма* толкуется следующим образом: «1. Узаконенное установление, признанный обязательным порядок, строй чего-н.» Теперь приведем несколько определений нормы языка. В «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахмановой [М., 1966] мы читаем: «**Норма** ... 1. Принятое речевое употребление языковых средств, совокупность правил (регламентаций), упорядочивающих употребление языковых средств в речи индивида». «Справочник лингвистических терминов» Д.Э. Розенталя и М.А. Теленковой [М., 1972] пишет: «Наиболее распространенные из числа сосуществующих, закрепившиеся в практике образцового использования, наилучшим образом выполняющие свою функцию языковые (речевые) варианты» [190]. Близкое к этому определение мы найдем в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» [М., 1990]: «Норма языковая – совокупность наиболее устойчивых традиционных реализаций языковой системы, отобранных и закреплённых в процессе общественной коммуникации» [337].

Можно сказать, что норма – это языковой образец, обязательный для всех пользующихся языком.

Понятие нормы появляется там, где существует возможность выбора. В связи с этим можно сказать, что языковая норма – это правило выбора одного из двух (или нескольких) вариантов языкового знака [см.: Головин 1980: 19]. Обычный вид этого правила выбора – «А правильно, Б неправильно» (напр.: *печёт* – *пекёт*). Иногда это правило имеет вид «Правильно и А, и Б» (напр.: *творо́г* – *твóрог*, *мы́шление* – *мышлéние*, *вожжжи* – *вожжж'и*). Правило выбора может также иметь вид «А правильно в стиле Х, а Б – в стиле Y» (напр.: *в цехе* – *в цеху*, *тра́кторы* – *тракторá*).

Как определяется нормативность языкового факта? Каковы ее критерии?

Их три: 1) регулярная употребляемость данного факта, 2) соответствие общим законам языка, 3) общественное одобрение [см.: Горбачевич 1978: 37]. Все эти критерии нужно учитывать одновременно. Например, форма «ложу» вместо *кладу* встречается часто, но она совершенно недопустима в речи образованных людей, т.е. не соответствует 3-му критерию. Слова «*роспись*» («подпись»; от *расписать*) и «*разнос*» («поднос»; от *разносить*) образованы по правилам (критерий № 2), но не приняты в речи грамотных людей. Слово *кофе* часто употребляют как существительное среднего рода (так же, как *кашине*, *фойе*, *амплуа*, *депо* и *рагу*), такое употребление соответствует общей закономерности языка, но не санкционировано передовой частью общества. В актерской среде широко распространено слово «*волнительный*». Но оно признается ненормативным по 2-му критерию: формально оно восходит к слову «*волнить*» (ср.: *пленить* – *пленительный*, *мстить* – *мстительный*, *простить* – *простительный*, *обольстить* – *обольстительный*, *возмутить* – *возмутительный*, *обличить* – *обличительный*, *огорчить* – *огорчительный* и т.д.), которого, однако, в русском языке нет; есть глагол *волновать* и образованное от него причастие / прилагательное *волнующий*. Еще более «модным» является словечко «поначалу». Но это словечко – уродец: такой словообразовательной модели нет, и

нужно использовать нормативное, вполне справляющееся со своими обязанностями слово *сначала*, а не аномалию «поначалу».

Адекватное лингвистическое описание нормы в форме словарей, грамматик и справочников часто называют кодификацией, а литературный язык – кодифицированным.

К понятию *норма* близко понятие *правило*. С.И. Ожегов и Н.Ю. Шведова толкуют это слово следующим образом: «1. Положение, в к-ром отражена закономерность, постоянное соотношение каких-н. явлений. Грамматические правила. Правила арифметики. 2. Постановление, предписание, устанавливающее порядок чего-н. Правила внутреннего распорядка. Правила уличного движения. 3. Образ мыслей, норма поведения, обыкновение, привычка. Человек строгих правил» [с. 566]. В слове *норма* акцентирована идея естественного возникновения, а в слове *правило* – идея установления.

В нашем курсе главное внимание мы будем обращать на наиболее трудные случаи, слабые участки языковой системы.

Типы речевых ошибок

Как мы уже сказали, в языке имеют место нормы (правила) произношения, лексики, фразеологии, морфологии, синтаксиса, орфографии, пунктуации и стилистики. Отступления от этих правил представляют собой соответствующие речевые ошибки: произносительные, лексические, фразеологические, морфологические, синтаксические, орфографические, пунктуационные и стилистические. Кроме названных типов ошибок, в речи встречаются также ошибки логические и фактические. Логические ошибки – это отступления от правил логики, а фактические ошибки – это следствие незнания фактов, фактического положения дел. Логические и фактические ошибки имеют место в речи, но не являются собственно речевыми, потому что проистекают не из нарушений норм (правил) языка. Отразим теперь нашу типологию ошибок в специальной таблице.

Нормы языка	Типы ошибок
нормы произношения	произносительные (Пр)
нормы лексики	лексические (Л)
нормы фразеологии	фразеологические (Фраз)
нормы морфологии	морфологические (М)
нормы синтаксиса	синтаксические (С)
нормы стилистики	стилистические (Ст)
правила орфографии	орфографические (О)
правила пунктуации	пунктуационные (V)
-----	-----
правила логики	логические (Лог)
знание фактов	фактические (Ф)

Эту типологию ошибок можно характеризовать с помощью формулы «Необходимо и достаточно»: все выделенные нами типы ошибок действительно встречаются в речи; с другой стороны, в речи нельзя встретить ошибку, которая бы не нашла отражения в нашей типологии.

Эту типологию принимают очень многие языковеды. В «Рекомендациях Всероссийской научно-практической конференции «Русский язык и культура речи» как дисциплина государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования: опыт, проблемы, перспективы» (Барнаул, апрель 2003 г.) говорится: «Конференция обращается в Министерство образования России с просьбой уточнить типологию речевых ошибок, используемую в средней и высшей школе. Считать целесообразным выделение ошибок произносительных, лексических, фразеологических, морфологических, синтаксических, стилистических, логических, фактических, орфографических и пунктуационных; разработать описание каждого типа ошибок и лингводидактический комментарий к описанию»¹.

Настоящую типологию можно было бы усложнить, выделив ошибки собственно речевые (произносительные, лексические, фразеологические, морфологические, синтаксические, стилистические,

¹ Сибирский филологический журнал. – 2003. – № 2. – С. 144.

орфографические и пунктуационные) и несобственно речевые (логические и фактические); ошибки, имеющие место только в письменной речи (орфографические и пунктуационные), только в устной речи (произносительные; впрочем, произносительные ошибки часто отражаются и на письме; напр.: «транвай», «заглянём») и в любой форме речи (остальные). Можно было бы включить в эту типологию разновидности каждого типа ошибок, но такая типология была бы фактически необозримой и неусвояемой.

«Ошибки, – пишет С.Н. Цейтлин, – могут быть также классифицированы по виду речевой деятельности, с которым они связаны. Различаются ошибки говорения и ошибки понимания. Связь между ними не подлежит сомнению: синтез речи неотделим от ее анализа. Ошибки говорения (мы используем этот термин в условном смысле – применительно не только к устной, но и к письменной форме речи) более очевидны, так как поддаются непосредственному наблюдению, фиксации. Ошибки понимания выявить труднее; как правило, для этого требуется проведение специальных экспериментов. Чаще всего встречаются лексико-семантические ошибки понимания¹, заключающиеся в неверном (т.е. не соответствующем норме) определении значения слова: первоклассный – «тот, кто учится в первом классе»; дворовые – «те, кто служит при дворе царя или короля». Неверно могут пониматься и грамматические значения. Многие ошибки говорения прямо обусловлены ошибками понимания: если, например, учащийся неверно понимает значение того или иного слова нормативного языка, то он может неверно использовать его в своей речи. Объектом описания в данном пособии служат ошибки говорения...» [Цейтлин 1982: 14].

Ошибки можно также делить на грубые и негрубые. Грубая (непозволительная, недопустимая) ошибка – это нарушение жесткого прави-

¹ Есть основания предполагать, что ошибки понимания могут быть только (или почти исключительно) семантическими: объектом процесса понимания (осмысления) является именно значение (семантика) слова, а не его форма. Понять значит «уяснить себе, усвоить смысл, содержание ... чего-л.».

ла, охватывающего все однородные факты или касающегося единичного, но высокочастотного явления (напр.: «вада», «пекём», «матеря», «более умнее», «всувай», «Лифты остановлены перед пыткой на два дня», «Метелица закобенился и не стал отвечать на вопросы» и т.п.). Негрубая (т.е. такая, с которой легче примириться) ошибка – это нарушение нежесткого правила (прежде всего, таких рекомендаций стилистики, как рекомендации доступности, краткости, благозвучия и своеобразия) или правила, касающегося отдельного, малочастотного, периферийного факта языка, в частности непроверяемых написаний (напр.: «спанталыку», «котовасия», «коровай» и т.п.).

Очень грубые, досадные, нелепые ошибки называют ляпсусами, а негрубые ошибки – недочетами, неточностями, погрешностями, шероховатостями.

Слово *ошибки* нельзя подменять словом *недочеты*.

Кроме ошибок, в речи могут иметь место оговорки и описки. Оговорка – это слово (или фраза), нечаянно, по ошибке сказанное вместо другого, нужного; описка – это ошибка в письменном тексте, сделанная по рассеянности, невнимательности.

Вопрос о причинах речевых ошибок изучен недостаточно. С.Н. Цейтлин называет три причины: давление языковой системы (давление «системы» на «норму»), влияние нелитературного просторечия и сложность механизма порождения речи [Цейтлин 1982: 5-12]. «Под системой языка, – пишет исследовательница, – обычно понимают систему его возможностей, норма же представляет собой конкретно-историческую реализацию системы. Чтобы говорить на том или ином языке, нужно владеть не только его системой, но и нормой. Однако норма усваивается гораздо позднее, чем система» [Цейтлин 1982: 6].

Нелишне заметить, что понятия системы и нормы, извлеченные из трихотомической концепции языка, включающей еще понятие индивидуальной речи, являются дискуссионными [см., напр.: Фоменко 1990: 14-15]. Однако если под системой понимаются общие закономерности языка, а под нормой – частные закономерности и индивидуальные факты, то эти термины можно принять.

«Значительная часть детских речевых ошибок (их можно называть системными), – пишет С.Н. Цейтлин, – представляет собой нарушение языковой нормы вследствие слишком прямолинейного следования системе. Относительно языковой системы такие образования, как «карандашов», «радуются», «на метре» и т.п., могут быть оценены как вполне «правильные» [Цейтлин 1982: 7].

С.Н. Цейтлин выделяет 4 разновидности «системных» ошибок: 1) ошибки типа «заполнения пустых клеток» (например, форма родительного падежа «мечт»), 2) ошибки типа «выбор ненормативного варианта из числа предлагаемых языковой системой» (напр.: «раскрашать», «украшивать», «в террасе»), 3) ошибки типа «устранение фактов, чуждых языковой системе» (напр.: «ехали метром», «одна качель», «киса кашу едит», «человеки»), 4) ошибки типа «устранение идиоматичности» (напр.: «Когда я вырасту, буду *спасателем*: буду всех от войны спасать!»).

«Просторечные» ошибки – это ошибки, являющиеся следствием влияния нелитературного просторечия (напр.: «одежа», «послабже», «дадено»).

«В качестве фактора, способствующего возникновению речевых ошибок, выступает *сложность механизма порождения речи*» [Цейтлин 1982: 11; выделено автором. – Ю.Ф.]. «В сознании производителя речи происходит несколько сложных процессов: отбор синтаксической модели из числа хранящихся в долговременной памяти, выбор лексики для заполнения синтаксической модели¹, выбор нужных форм слов, расстановка их в определенном порядке» [Цейтлин 1982: 11]. «При этом огромную роль играет оперативная (кратковременная) память, работающая всего несколько секунд, главная функция которой – «удержание» уже произнесенных фрагментов текста и «упреждение» еще не произнесенных (термины Н.И. Жинкина).

¹ Логика, факты и эксперименты показывают, что процесс порождения речи начинается не с отбора синтаксической модели, а с отбора слов, лексическое значение которых лучше всего покрывает содержание мысли и определяет структуру фразы. Ср.: *Я замерз – Мне холодно – Меня пробирает дрожь.*

Чем опытнее говорящий (пишущий), тем богаче его долговременная память, предоставляющая широкие возможности для выбора синтаксических моделей и лексики, тем совершеннее и оперативная память, выше ее способность «удерживать» и «упреждать» текст. Недостаточным развитием оперативной памяти детей объясняются многие речевые ошибки, которые можно условно назвать *композиционными*» [Цейтлин 1982: 11; выделено автором. – Ю.Ф.].

В разряд «композиционных» ошибок С.Н. Цейтлин включает нарушения правил лексической и синтаксической сочетаемости, местоименное дублирование подлежащего (и других членов предложения), пропуск компонентов предложения.

К числу причин речевых ошибок можно также отнести сходство, подобие различных языковых единиц – слов, форм, фразеологизмов и т.д., объясняющее смешение слов типа *опять – обратно, эскалатор – экскаватор, абонент – абонемент* и т.п., ассоциативные отношения между формой и содержанием слова, с которыми связаны такие распространенные лексические ошибки, как приписывание слову несвойственного ему значения, влияние диалектов («Горбачеу», «любоф», «увидел мыша») и влияние других языков.

Впрочем, все перечисленные причины можно было бы считать условиями, способствующими появлению речевых ошибок, но не определяющими их. Причину же всех речевых ошибок можно видеть в индивидуальных особенностях человеческой психики, памяти [см., напр.: Краси́ков 1980: 5, 19, 109], в степени владения языком, его единицами и закономерностями. Язык – явление необычайно сложное. Никто не владеет им абсолютно. Степень знания / незнания языка индивидуальна. Чем значительнее незнание, тем вероятнее ошибки. Таким образом, все речевые ошибки имеют субъективно-психологическую природу.

Известно, что носители языка, вполне овладевшие его нормами (писатели, журналисты, ораторы и т.д.), часто используют разнообразные речевые аномалии (употребление слов в несвойственных им значениях, необычную сочетаемость, словотворчество, плеоназмы,

тавтологии, повторы и т.п.) как выразительные средства. Сознательное отступление от нормы с целью достижения того или иного художественного эффекта принципиально отличается от речевой ошибки, проистекающей из невладения нормой.

Как ни прискорбно, учителям-словесникам продолжают навязывать «типологию» ошибок, предложенную В.И.Капинос [1973; 1980; 1986]. По мнению В.И.Капинос, в речи имеют место следующие типы ошибок: орфографические (I), пунктуационные (V), грамматические (z), речевые недочеты (p) и ошибки в содержании (c). Эта «классификация» не выдерживает никакой, самой либеральной критики. Каковы же её изъяны?

Во-первых, не сформулирован (и не может быть сформулирован, так как фактически отсутствует) принцип классификации.

Во-вторых, эта классификация не соответствует правилам логики: выделяемые в ней понятия перекрывают друг друга. Орфографические, пунктуационные и грамматические ошибки, как и «речевые недочеты», имеют место в речи, являются следствием нарушения норм языка и, следовательно, тоже являются речевыми ошибками.

В-третьих, резкие возражения вызывает понятие «речевых недочетов». «Речевые недочеты» В.И.Капинос определяет как «нарушение требований богатства, точности и выразительности речи» [Капинос 1973: 75]. «...Речевой недочет связан с неудачным употреблением правильно образованных слов или предложений». По поводу этой характеристики можно сказать следующее. Нарушения требования точности порождают не стилистические ошибки и не «речевые недочеты», а фактические ошибки. Требования богатства и выразительности речи – это требования стилистики. Следовательно, нарушения этих требований должны характеризоваться не размытым термином «речевые недочеты», а конкретным, определенным термином *стилистические ошибки*. Объединять в одном понятии – «речевые недочеты» – совершенно разные типы ошибок (ошибки фактические, стилистические и лексические, а также некоторые синтаксические) нет никаких оснований. Не вполне ясен смысл выражения «неудачное употребление

правильно образованных слов или предложений». Что такое «неудачное употребление»? Что такое «правильно образованных слов»? Разве слова делятся на «правильно» и «неправильно» образованные? Разве в речи слова образуются, а не воспроизводятся? Что такое, наконец, «неудачное употребление правильно образованного предложения»? У В.И.Капинос нет ни одного примера «правильно образованного», но «неудачно употребленного» предложения.

Еще больше драматических вопросов возникает у нас тогда, когда мы знакомимся с разновидностями «речевых недочетов», фигурирующими в статьях В.И.Капинос. «Наиболее типичными для речи детей, - пишет В.И.Капинос, - являются следующие речевые недочеты: 1) Употребление слова в несвойственном ему значении: «Чтобы быть грамотным и с большим жаргоном слов, надо много читать». 2) Нарушение лексической сочетаемости: «дешевые цены» (вместо низкие); «у девочки были коричневые глаза» (вместо карие). 3) Употребление лишнего слова (плеоназм): «Прилетели пернатые птицы»; «Негодовал от возмущения». 4) Употребление рядом (или близко) однокоренных слов (тавтология): «В рассказе «Муму» рассказывается...»; «В образе Ниловны изображена...» 5) Повторение одного и того же слова: «Недавно я прочла одну интересную книгу. Эта книга называется «Никогда не угаснет...» В этой книге рассказывается...» 6) Употребление слова (или выражения) иной стилевой окраски: «Попечитель богоугодных заведений подлизывается к ревизору». 7) Неудачное употребление экспрессивного, эмоционально окрашенного средства: «У Олега Кошевого были дружки – Иван Земнухов и Сергей Тюленин». 8) Неоправданное употребление просторечных и диалектных слов и выражений: «На пришкольном участке мы посадили капусту, морковь, бураки». 9) Смещение лексики разных исторических эпох: «На богатырях кульчуга, брюки, варежки» (в сочинении по картине Васнецова). 10) Неудачное употребление личных и указательных местоимений: «Я вынула книгу из сумки и положила ее на стол» (книгу или сумку?). 11) Неудачный порядок слов: «Есть немало автобиографических произведений, повествующих о детстве автора, в ми-

ровой литературе» [Капинос 1973: 75-76]. Как видим, к речевым недочетам отнесены ошибки лексические (пункты 1,2,3,4,9 и 10), стилистические (пункты 5,6,7 и 8) и синтаксические (пункт 11). На каком основании произведено такое причудливое объединение, остается загадкой.

В-четвертых, многие «речевые недочеты» являются не недочетами, а ошибками (что признает и сама В.И.Капинос [см.: Капинос 1986: 86]), причем грубыми: это лексические и многие стилистические ошибки. Напр.: «Чтобы быть грамотным и с большим жаргоном слов, надо много читать»; «Прилетели пернатые птицы»; «В образе Ниловны изображена...».

В-пятых, можно подвергнуть сомнению понятие грамматических ошибок, объединяющее ошибки морфологические и синтаксические. Поскольку во всех лингвистических курсах (и в вузе, и в школе) грамматика делится на морфологию и синтаксис, вместо обобщающего термина / понятия *грамматические ошибки* следовало бы употреблять более конкретные термины / понятия *морфологические* и *синтаксические ошибки*. Без этого уточнения реальный анализ фактов речи практически невозможен. Учащиеся сами поставят вопрос: «Какая здесь грамматическая ошибка? Морфологическая или синтаксическая? Я нарушил правило морфологии или синтаксиса?»

В-шестых, к грамматическим ошибкам, помимо ошибок морфологических и синтаксических, В.И.Капинос относит также случаи «словосочинительства» («растерчива», «трудолюбимая», «обитанище»), чаще интерпретируемые как ошибки лексические. Действительно, когда школьник пишет «Василиса Премудрая была трудолюбимая», то он обнаруживает незнание морфемной структуры и (отчасти) значения слова. Следовательно, ошибки типа «трудолюбимая» логичнее определять как лексические или словообразовательные [см.: Цейтлин 1982: 16], лексико-словообразовательные, но не грамматические (морфологические): вспомним, что морфология изучает грамматические формы слов и выражаемые ими значения.

В-седьмых, не разъяснено понятие «ошибки в содержании». Это ошибки логические? Или фактические? Или те и другие?

В-восьмых, в классификации В.И.Капинос отсутствуют ошибки произносительные, фразеологические и логические, не упоминаются ошибки лексические и стилистические. Между тем все это реальность. Как должен поступить, как поступает учитель (преподаватель), пытающийся использовать «классификацию» В.И.Капинос и встретивший произносительную и фразеологическую (а также лексическую и стилистическую) ошибку? В его распоряжении есть только один знак – *p*. Этот знак он и ставит. Место осмысленного анализа речевых ошибок занимает механическая постановка знака *p*.

Таким образом, проанализированная классификация ошибок содержит целый ряд грубых ошибок и не должна использоваться в практике учителя-словесника.

Перейдем к краткой характеристике основных норм языка и типов речевых ошибок¹.

Нормы произношения и произносительные ошибки

Нормы произношения (орфоэпии) – это правила произношения звуков, звукосочетаний, отдельных грамматических форм и заимствованных слов. К правилам произношения относят также нормы ударения и интонирования. Нарушения произносительных норм – это произносительные (орфоэпические) ошибки. Выделим наиболее важные орфоэпические нормы и наиболее частотные произносительные ошибки.

В нескольких словах русского языка на месте <а> после твердых шипящих в первом предударном слоге произносится звук [ы^в]: *жалеть, жакет, жасмин, лошадей*.

Звук [з] в современном русском языке является взрывным. Однако в нескольких словах (*бухгалтер, ага, ого*) произносится звук [γ].

¹ Примеры ошибок извлечены из устной и письменной речи школьников, абитуриентов и студентов, из речи дикторов радио и телевидения, из газет, журналов и объявлений.

Этот звук также допустим в словах *бога, господи* и *ей-богу*. Произношение этого звука в других словах («ноуа», «уород», «уеуемон») считается ошибкой.

Звук [ц] в современном русском языке всегда твердый. Поэтому не следует говорить «нац'ия», «революц'ия», «интеллигенц'ия».

Некоторые историки в суффиксе -изм (возможно, под влиянием формы предложного падежа) произносят мягкий звук з': «идеализ'м», «социализ'м», «капитализ'м».

Звук [ж] всегда твердый. Поэтому слова *жюри, парашют, брошюра* следует произносить не с мягким, а с твердым [ж].

В словах *платит* и *садит* недостаточно грамотные люди произносят звук о («плотит», «содит»).

В некоторых (как исконно русских, так и заимствованных) словах под ударением произносится звук [’о] вместо [’э] и наоборот: «атлёт», «афёра», «гренадёр», «опёка», «осёдлость», «сёк», «хребёт», «шлём» – «белесый», «блеклый», «желчь», «сметка», «шерстка».

На месте буквосочетания *чн* в одних словах произносится [ч’н] (*точный, сочный, печной*), в других – [шн] (*конечно, пустячный, скучно, Ильинична, Никитична, двоечник, яичница*). Некоторые слова допускают варианты: *булочная, лавочник, порядочный, сливочный*.

На месте буквосочетания *чт* в одних словах произносится [ч’т] (*почти, нечто*), в других – [шт] (*что, чтобы*).

Часто допускают ошибку в произношении слова *легче*. Произношение [л’э’кшъ] считается ошибочным.

Уподобление согласных по мягкости не является общим правилом, но в ряде слов обязательно: *женищина, пенсия, рецензия, мостик, стена* и др.

В сочетаниях *к Игорю, к Ивану* и т.п. гласный звук *и* под влиянием твердого *к* переходит в *ы*: [к-ы]горю, [к-ы]вану и т.п.

Следует избегать скопления гласных: «О именах» (*об именах!*), «Сообщение о актах терроризма», «О ономастике Новгорода».

Ошибочным признается произношение «щас» (*с’и³ча́с!*), «тыща», «щекатурка».

Многие заимствованные слова подчиняются не всем законам русского языка (в том числе законам фонетики). Например, в русском языке действует закон смягчения парных твердых согласных перед гласным переднего ряда 'е': дело, тело, репа. Слова иноязычного происхождения произносятся по-разному: одни – с мягкими, другие – с твердыми согласными.

С мягкостью произносятся, например: *академия, конкретный, пионер, шинель, фанера, рейс, сессия, тема, музей* и др.

С твердостью произносятся, например: *партер, термос, энергия, дельта, морзе, пюре, сервис, шоссе, эстетика, Вольтер, Аннэ Вески, Ареха Агирре, Сибэлектротерм, Хэрманссон* и др.

В русском языке существует явление беглости гласных: *сон – сна, платок – платка, потолок – потолка, день – дня, плетень – плетня* и т.д. В заимствованных словах это явление отсутствует: *бюллетень – бюллетеня* (не «бюллетня»!), *брелок – брелока, свитер – свитеры*.

В нескольких заимствованных словах часто наблюдается лишний звук [н]: «дермантин», «инцидент», «прецендент», «компентентный», «компроментировать», «константировать».

Если между двумя гласными на стыке морфем оказываются два одинаковых согласных, то произносится двойной согласный: *рассадить, беззаботный*. В заимствованных словах встречаются сочетания двух одинаковых согласных букв внутри морфемы. В некоторых словах такого рода произносится долгий согласный: *бонна, ванна, вассал, гамма, касса, манна, масса, сумма, тонна, трупна*. В большей части слов произносится краткий согласный: *аккорд, аккуратный, аттестат, грамматика, группировать, коллектив, корреспондент, оккупация, параллель, симметрия, суббота, эффект* и др.

Некоторые (преимущественно заимствованные) слова в речи недостаточно грамотных людей подвергаются разнообразным звуковым искажениям. Напр.: «Азибаджан», «барелина», «битон» (*бидон!*), «булгахтер», «грейпфрукт» (*грейпфрут!*), «дедектив», «дивидененты», «друшлаг», «жезлонг», «жизофреник», «задолжник» (*задолженник!*),

«интригант», «инциалы», «инциатива», «какава», «кардон», «клован», «колидор», «компасировать», «лаболатория», «любоф», «мармалад», «нервозы», «оверлоки» (*оверлоги!*), «перелина», «перспектива», «перетрубация» (*пертурбация!*), «пинжак», «полувер», «полуклиника», «радива», «скока», «сосиська», «транвай», «троллебус», «щербет», «ярманка».

Как известно, русское словесное ударение является разноместным (т.е. в разных словах падает на разные слоги) и подвижным (т.е. способным в разных формах одного слова перемещаться с одного слога на другой). Это делает русское ударение очень трудным для усвоения и порождает большое число акцентологических ошибок. Обратим внимание на ударение в нескольких «трудных» словах: *áвгустовский, алкогóль, алфавíт, ара́хис, балова́ть, валовóй, в склáдчину, гала́-концерт, грузíло, дефíс, диспансёр, договóр, досу́г, еретíк, загля́нем, за́суха, звонíт, зубча́тое, инсу́льт, йс́кра, ка́мбала, катало́г, каучу́к, кварта́л, ке́та, киломе́тр, коклю́ш, комба́йнер, коры́сть, краси́вее, кремёнь, ку́хонный, молодё́жь, нача́ть, начала́, обле́гчить, осужде́нный, платó, подро́стковый, по́ложу́, преми́ровать, прину́дить, путе́провод, раску́порить, ржа́веть, сабо́, свёкла, семи пяде́й во лбу, сирóты, созы́в, по среда́м, сре́дства, ста́туя, столя́р, уме́ршие, фено́мен, хозя́ева, христиани́н, шо́фер, щавéль, экспе́рт, из я́слей, Ба́льмонт, Бурко́в, Сартако́в, Брюссéль, Тогучи́н.*

Кроме словесного (свойственного каждому отдельному полнозначному слову), выделяют еще ударения тактовое и фразовое.

Если речевой такт состоит из нескольких слов, то в нём может иметь место несколько словесных ударений. Одно из слов в речевом такте является логически более важным, и его ударение оказывается сильнее других. Это ударение есть тактовое ударение. Если фраза состоит из нескольких тактов, то в ней имеет место несколько тактовых ударений. Один из тактов в фразе является логически более важным, и его ударение оказывается сильнее других. Это ударение есть фразовое ударение.

Словесное ударение – это факт языка. Его нужно запоминать, нельзя произвольно изменять. Тактовое и фразовое ударения – это факт индивидуальной речи. Место тактового и фразового ударений определяется говорящим, который с помощью этих ударений указывает на наиболее важные в смысловом отношении слова. В этих случаях говорят о логическом ударении. Логическое ударение связано с явным или подразумеваемым противопоставлением. Напр.: *Младший брат учится в шкóле, а старший – в университетé; Её дочь сейчас живет в Америке* (а не в России). Говорящие довольно часто неправильно расставляют логические ударения. Напр.: «Он иска́л работу, а находил друзей-собуты́льников». В этом высказывании противопоставлены слова-понятия *работу* и *собутыльников*. На них и должны падать логические ударения.

К числу важнейших фонологических (различительных) средств русского языка относится интонация. В интонацию включают мелодику речи (т.е. повышение и понижение тона), паузы (перерывы в звучании), темп, отчетливость и громкость речи, тембр. (Некоторые языковеды включают в интонацию и ударение.) Главные компоненты интонации – мелодика и паузы.

Интонация служит средством выражения синтаксических значений и эмоциональной окраски фразы.

Интонация членит речевой поток на фразы и речевые такты, различает повествовательные, побудительные, восклицательные и другие предложения, передает разнообразные эмоции (удивление, презрение, иронию, радость, негодование, гнев и др.).

В современной лингвистике выделяют 7 интонационных конструкций (ИК).

Речь многих людей, к сожалению, страдает мелодическим однообразием и интонационными ошибками.

Нормы лексики и лексические ошибки

Нормы лексики – это правила употребления слов в соответствии с их нормативными значениями, правила семантического согласова-

ния. Лексические ошибки – это нарушения правил лексики, т.е. употребление слов в несвойственных им значениях и нарушение правил семантического согласования.

1) Наиболее распространенная лексическая ошибка – это употребление слова в несвойственном ему значении (иначе – употребление слова в значении другого, смешение слов). В рамках этого типа можно выделить три подтипа: 1а) смешение слов, близких по значению, 1б) смешение слов, близких по звучанию, 1в) смешение слов, близких по звучанию и значению. Проиллюстрируем эти подтипы.

1а)

«Кто крайний?» (последний!); «Он обратно прочитал книжку»; «Обратно дождь идёт»; «Соседка обратно воду несёт»; «Его инициалы – Иван Петрович»; «Он рано ложится отдыхать» (спать); «Написал доклад порядка (около) тридцати страниц»; «ремонт брюк» (починка); «Я очень уважаю жареные семечки»; «Вы будете слазить на следующей остановке?» (выходить); «Я была шокирована (поражена) красотой этих мест»; «Не ходи без головы» (без шапки); «Я поступила в педвуз» (в пединститут); «Мне помог мой протезе» (покровитель!); «Нам не удастся (придётся) краснеть за наших спортсменов»; «Все замечания были устранены» (учтены); «У нас еще не решена (отсутствует) законодательная база»; «Но этого шага не произошло» (Этот шаг не был сделан); «Мы готовы исправлять (учитывать) критику»; «Лучшие люди литературы умерли в преждевременном (раннем) возрасте»; «Газовые скважины тушить гораздо сильнее» (труднее); «Причины нападения еще не доказаны» (не определены); «Назовите (скажите), из какого языка заимствовано слово «картофель».

Нередко смешивают слова *профессия* и *специальность*, *годовщина* и *юбилей*, *новорожденный* и *именинник*, *учитель*, *преподаватель* и *педагог*.

1б)

Экскаватор – *эскалатор*, *колос* – *колосс*, *инъекция* – *инфекция*, *корейка* – *корейка* («свиная или телячья грудинка»), *индианка* – *индей-*

ка, одинарный – ординарный, алиби – хобби («У меня есть алиби – смотреть на звезды»), *декрет – кредит* (Наша Людмила Васильевна ушла в кредит»), *фауна – флора, фут – фунт, гувернер – губернатор* («Здесь воспитание с ранних лет поручалось губернатору»), *Австрия – Австралия, Швеция – Швейцария* и др. под.

К этому же подтипу есть основания отнести т.н. «произвольную этимологизацию», т.е. приписывание слову значения, не свойственного ему в языке, на основании случайных созвучий или «чтения по морфемам». Напр.:

лодырь – «человек, который делает лодки»;

всадник – «человек, который в саду»;

мельница – «жена мельника»;

языкознание – «знание языков» (Языкознание помогало ему в работе»), хотя это слово имеет значение «наука о языке».

1в)

Однокорневые слова, близкие по звучанию и значению, называются паронимами. В речи недостаточно грамотных людей паронимы (в силу их близости, сходства) нередко смешиваются. Напр.:

«Касса для командировочных» (командированных!); «Вы сходите?»; «Ниловна стала распространять нецензурную (подцензурную) литературу»; «Герасим был крепостник» (крепостной); «Одень плащ» (надень); «Я удачный человек»; «Лифты остановлены перед пыткой на два дня»; «Это была спокойная, чувственная (чувствительная) девушка»; «Экскурсант (экскурсовод!) рассказал о том, какие люди построили театр»; «Граждане! Преждевременно приобретайте абонементные талоны!»; «А вот и Крылов – наш любимец – Сидит, не боясь ничего, И молча глядит проходимец На бронзовый облик его».

Довольно часто смешивают слова: *абонент – абонемент, адресат – адресант, временный – временной, главный – заглавный, дворовые – придворные, дипломат – дипломант, здравица – здравница, невежа – невежда, одеть – надеть, остатки – останки, представить – предоставить, проблемный – проблематичный, сытый – сытный, субъективный – субъектный, факт – фактор*,

экспорт – импорт, эмигрант – иммигрант, эффектный – эффективный и др. под.

2) Словосочинительство

Словосочинительством принято называть лексические ошибки, заключающиеся в замене «законной» морфемы синонимичной «незаконной». Напр.: «грузинец», «рецензисты», «героичество», «благородность», «мотовщик», «гегемонщина», «волокитство», «плагиаторство», «волнительный», «Феодалисты угнетали народ», «полицист», «уезд» (отъезд), «плакун» (плакса), «кричание» (крик), «Потом дедушку посадили в тюрьму за сккрытие подпольцев», «Мама! Купи мне этот самобег (самокат)!».

Как следует квалифицировать эти ошибки? Одни лингвисты считают их лексическими, другие – словообразовательными. Поскольку, говорит С.Н.Цейтлин, в этих случаях «нарушаются словообразовательные нормы, мы относим факты словосочинительства к разряду словообразовательных ошибок» [Цейтлин 1982: 17]. Однако нарушаются ли в случаях «феодалисты» (*коммунизм: коммунисты = феодализм: феодалисты*), «весновать» (*зима: зимовать = весна: весновать*), «развлекатель» (*читать: читатель = развлекать: развлекатель*) и др. под. словообразовательные нормы? Нет, напротив, не нарушаются. «Анализ большого числа самостоятельно сконструированных детьми слов показывает, что все они образованы по высокопродуктивным моделям современного языка» [Цейтлин 1982: 16-17]. «Все без исключения детские новообразования не только не противоречат словообразовательной системе современного языка, но, более того, прямо порождены ею, представляя собой реализацию ее потенциальных возможностей, выявляя скрытые ресурсы словообразования» [Цейтлин 1982: 17]. Из сказанного следует, что в случаях «феодалисты», «весновать», «развлекатель» и др. под. словообразовательных ошибок нет. Значит, эти ошибки имеют другую природу.

Процесс словообразования протекает не в речи каждого отдельного индивидуума, а в общенародном языке. Говорящий не образует

слово, а использует его как единицу готовую, заранее данную, входящую в язык. Если же он искажает морфемную структуру слова то это значит, что он не вполне владеет данной лексической единицей, нарушает лексическую норму, допускает лексическую ошибку¹.

Образования типа «мочильщик» тряпки, «поливальщик» цветов [см.:Цейтлин 1982: 15], «овошихи» («Срочно требуются для продажи овощей овошихи»), «блюдоноски» («В столовую нужны грузчики, блюдоноски, блюдомойки, блюдосортировка и женщина на вешалку»), «утопитие котят», «оголело» («Все вокруг оголело»), «боюн» (трус) и др. под. тоже есть основания рассматривать как лексические ошибки. Говорящий должен знать, что соответствующие клетки лексической системы языка не заполнены. Это знание относится к области лексикологии.

Что же касается ошибок типа «реклеация» [Цейтлин 1982: 22], то это не словосочинительство, а «случайное и внутренне никак не обоснованное видоизменение звучания слова» [Цейтлин 1982: 22].

3) Нарушения правил смыслового согласования слов

Каждое самостоятельное слово в высказывании (если оно не одно) непосредственно связано с каким-либо другим (иногда – не с одним) самостоятельным словом. Так как содержание слова включает лексический, грамматический, эмоционально-оценочный и стилистический компоненты, между непосредственно связанными словами устанавливаются отношения лексического (семантического, смыслового), грамматического (синтаксического), эмоционально-оценочного и стилистического согласования.

Грамматическое (синтаксическое) согласование слов – это приспособление одного слова к другому по грамматическим значениям, это такая подчинительная связь, при которой подчиненное слово уподобляется подчиняющему в формах (и значениях) рода, числа, паде-

¹ В качестве компромиссного можно использовать термин *лексико-словообразовательные ошибки*: этот термин указывает на то, что перед нами – лексическая ошибка, заключающаяся в искажении морфемной (словообразовательной) структуры (состава) слова.

жа и лица. Напр.: *Отец пришел, Мать пришла* – но **Отец пришла, Мать пришел*.

Эмоционально-оценочное согласование слов – это приспособление одного слова к другому по эмоционально-оценочной окраске.

Напр.: *славенькая Машенька, противная Машка* – но **славенькая Машка, противная Машенька*.

Стилистическое согласование слов – это приспособление одного слова к другому по стилистической окраске. Напр.: *лик святого, физиономия бродяги* – но **лик бродяги, физиономия святого*. Нейтральные слова могут сочетаться с нейтральными (*семь + карандашей*), с книжными (*семь апостолов*) и разговорными (*семь + мальчуганов*) словами. Книжные слова могут сочетаться с книжными (*великий + мститель*) и нейтральными (*великий + день*) словами, но не могут сочетаться со словами разговорными (*великий + денек*). Разговорные слова могут сочетаться с разговорными (*хорошенькая + девчонка*) и нейтральными словами (*хорошенькая + женщина*), но не могут сочетаться с книжными (*хорошенькая + королева*).

Лексическое (семантическое, смысловое) согласование слов – это приспособление одного лексического значения к другому. Напр.: *Собака лает, Кошка мяукает* – но **Собака мяукает, Кошка лает*. Допустимость / недопустимость смысловой сочетаемости слов обычно определяется сочетаемостью / несочетаемостью обозначаемых ими предметов и явлений¹. Например, поскольку собаки способны лаять (и часто лают), возможно словосочетание (высказывание) *Собака лает*; поскольку, с другой стороны, собакам не свойственно мяукать, не ожидается и не наблюдается словосочетание (высказывание) **Собака мяукает*. Первое правило смыслового согласования – это наличие у

¹ «...Сочетаемость двух слов в акте речи, - пишут О.В.Загоровская и И.А.Стернин, - зависит прежде всего от реальной совместимости в экстралингвистической действительности их референтов» (Загоровская О.В., Стернин И.А. О семантических компонентах, определяющих сочетаемость слова (общеязыковая и терминологическая сочетаемость) // Термин и слово: Предм. отнесенность и функционирование терминов. – Горький, 1983. – С.127. См. также: Фоменко Ю.В. Учение о слове: Учеб. пособие. – Новосибирск, 1991. – С.35; Фоменко Ю.В., Свистунова Н.Ю. Теория семантического согласования слов и некоторые негативные явления речевой практики // Филологический ежегодник. – Омск: Ом. гос. ун-т, 2002. – Вып. 4. – С. 6-18.

двух синтаксически связанных слов одной общей семы и – соответственно – отсутствие противоречащих сем, сем, исключаящих друг друга. Например, компоненты словосочетания *начитанный человек* семантически согласованы друг с другом, поскольку значения обоих слов содержат повторяющуюся сему (классему) «лицо», а компоненты словосочетания *начитанные глаза* не согласованы друг с другом, поскольку значение слова *начитанный* содержит сему «лицо», а значение слова *глаза* – сему «не-лицо»; компоненты словосочетания (высказывания) *Рыба плавает* (рыба – это «позвоночное водное животное с конечностями в виде плавников, дышащее жабрами», а плавать – «передвигаться по воде») имеют общую сему «передвигаться по (в) воде»; компоненты словосочетания (высказывания) *Птица летит* (птица – это «покрытое пухом и перьями животное из класса позвоночных с крыльями, двумя ногами и клювом, способное перемещаться с помощью крыльев по воздуху», а лететь – «перемещаться по воздуху с помощью крыльев») имеют общую сему (сему) «перемещаться по воздуху с помощью крыльев». Второе правило семантического согласования слов – это запрет на вхождение значения одного слова в значение другого. Например, нормативно словосочетание *дорогие сувениры* и ненормативно – **памятные сувениры*, поскольку значение «памятные» входит в значение «сувениры» и является лишним. Иначе говоря, недопустимы синтагмы, в которых один из компонентов семантически (информационно) дублирует другой. Язык не допускает двойного обозначения одного и того же денотата, подчиняется принципу экономии языковых средств [см.: Фоменко, Свистунова 2002: 14].

Первая разновидность лексических ошибок, представляющая собой нарушение первого правила смыслового согласования, – это словосочетания, компоненты которых содержат противоречащие (взаимоисключающие) семы. Напр.: «большая половина» (половина – «одна из двух равных частей, вместе составляющих целое», большая – «та, которая больше другой»; семы «равных» и «больше другой» противоречат друг другу, и поэтому словосочетание «большая поло-

вина» воспринимается как лексическая ошибка), «поднять тост» (поднять – «переместить наверх», тост – «короткая речь с предложением выпить вина в честь кого-чего-н. за праздничным столом»), «торопливо побрел», «приоткрыла настежь», «медленно грохнулся», «благодаря болезни отстал», «Гипертония у меня нормальная», «исправлять критику», «товары импортного производства» (импортными бывают товары, но не производство), «Выше я уже говорил...» (в устной речи не выделяют верх и низ; можно: «В начале лекции я уже говорил...», «Выше я уже писал...»), «огромный медвежонок», «он, конечно, наверно, придет», «Статья написана достаточно плохо», «Он достаточно глуп», «Запланированы и другие события», «огромная частичка», «Температура не очень холодная», «Завтра в Москве объявлен траур», «одобрительный выпад», «конечно, вряд ли», «конечно, наверно», «полностью подлечила», «...Консультация «Брак и семья»... великолепно лечит вопросы бесплодия», «цена дешевле», «имидж рассыпался», «имидж пошатнулся» и т.д.

Вторая разновидность лексических ошибок, представляющая собой нарушения второго правила смыслового согласования, – это словосочетания, в которых значение одного слова целиком входит в значение другого. Такого рода словосочетания называются плеоназмами (от гр. *pleonasmos* – «излишество»). Приведем несколько примеров: «май месяц» (май – это «пятый месяц»), «частотность употребления» (частотность – это «частота употребления»), «прейскурант цен» (прейскурант – это «справочник цен по видам и сортам товаров»), «памятные сувениры» (сувениры – «памятные подарки»), «подарочные сувениры», «горячий кипяток», «народный фольклор», «первый дебют», «основное ядро», «мемориальный памятник», «большой (огромный) мегаполис», «городской мегаполис», «главный лейтмотив», «наружная внешность», «внешняя наружность», «внутренний интерьер», «старый ветеран», «местные аборигены», «библиотека книг», «биография жизни», «передовой форпост», «глубокая бездна», «успели вовремя», «продолжай дальше», «смело рисковал», «месяц времени», «период времени», «период сезона», «пора курорт-

ного сезона», «хронометраж времени», «коллеги по профессии», «адрес местожительства», «дезорганизатор порядка», «десять человек офицеров», «основной костяк», «главная специфика», «главная суть», «выгодные преимущества», «своя автобиография», «необычный феномен», «впервые познакомился», «очень огромный», «очень прекрасный», «заранее планировали», «промахнулся мимо», «столько много», «спуск вниз», «подъем вверх», «дефекты и недочеты», «дефекты и изъяны», «коррективы и поправки», «лицемерие и ханжество», «облобызал и расцеловал», «на первом месте лидирует», «первые возник», «вместе уживаться», «названия заголовков», «необычный сюрприз», «приподнять вверх», «второстепенный пустяк», «первый пионер», «сплотились все вместе», «финальные итоги», «первый зачинатель», «дым и смог», «ненужный балласт», «студенты вузов», «плакали со слезами на глазах», «другая альтернатива», «согласительный консенсус», «штампованные стандарты», «жизнерадостная оптимистка», «страсть к kleптомании», «страсть к наркомании», «мимика лица», «общие точки соприкосновения», «волю и свободу», «тихо и бесшумно», «перспективные планы», «стереотипы, штампы и клише», «полемика, спор и дискуссия».

Разновидностью плеоназмов, их «крайней формой» [Рус. яз.: Энци. 1979: 210] являются тавтологии. Тавтология – это плеоназм, члены которого имеют один корень. Напр.: «маленький малыш», «проливной ливень», «бездонная бездна», «светлый свет», «значительное по значению», «подробные подробности», «высокопоставленный пост», «наибольшее большинство», «сложнейшее осложнение», «гостеприимно приняли», «По земле мела поземка», «удвоить в два раза», «Мы усилили наши усилия», «сильное силовое давление», «Я могу это твердо утверждать», «Мы готовы его вместе совместно обсудить», «Я желаю вам счастья и долгого творческого долголетия», «Это добровольное изъявление ее воли», «Кружок вновь возобновил работу», «Заданное задание мы выполнили», «Рабочий решил соединить обе операции воедино», «побежала бегом», «старательно старается», «Молодой писатель оказался зорким и прозорливым» и т.д.

В плеоназме имеет место дублирование только на уровне содержания (лексического значения), а в тавтологии – и на уровне содержания, и на уровне формы. С этой точки зрения тавтологию можно считать ошибкой более грубой, чем плеоназм.

Тавтологию не следует смешивать с повторами. Тавтология – это словосочетание, состоящее из двух однокорневых слов («соединить воедино»), а повторы – это многократное использование на небольшом пространстве речи одного и того же слова, словоформы, фразеологизма (а также однокорневых слов). Пример повтора: «Я написал задание в дневник. Придя домой, я начал выполнять задание. С заданием я справился легко».

При повторах нет смысловой избыточности, как при тавтологии. Повторы создают однообразие речи, т.е. делают ее бедной. Это стилистическая ошибка, тогда как тавтология является ошибкой лексической.

Семантические сферы терминов *плеоназмы* и *тавтологии* разграничены недостаточно четко. Многие исследователи продолжают употреблять термин *тавтология* в значении обоих терминов¹ и даже в значении термина *повтор*, что, конечно, нежелательно.

Далеко не все плеоназмы и тавтологии являются нарушением нормы. «П. оказывается мнимым, – пишет Л.Лебедева, – если служит задачам стилистической (гл. обр. эмоциональной) выразительности в разговорной речи (Я видел это собственными глазами), лит. языке («Но им назад не воротиться» – Жуковский) или фольклоре (грусть – тоска, океан–море, хожу да похаживаю). Граница между П. как недостатком речи, ошибкой и П. как стилистической фигурой

¹ «Тавтология... – специальное или непредусмотренное использование слов в составе словосочетания или предложения, основанное на повторении однокоренных слов, уже выраженного смысла, одинаковых звуков. Т.как стилистический прием относится к стилистике..., как способ организации стихотворной речи (тавтологическая рифма, тавтограмма) – к стиховедению, как проявление речевой небрежности – к учению о правильности речи (ортологии), к культуре речи...» [Рус. яз.: Энци. 1979: 346]; тавтология – «1) сочетание или повторение одних и тех же или близких по смыслу слов («истинная правда», «целиком и полностью», «яснее ясного»)» [Сов. энци. сл. 1989: 1311].

прибавления в известной мере зыбка и определяется общим речевым стилем эпохи» [Рус. яз.: Энци. 1979: 210].

Очень подробно нормативные (т.е. мнимые, «бывшие») плеоназмы и тавтологии рассмотрены в книге А.И.Аникина «Употребление однокоренных слов в предложении» [М., 1965]. Проиллюстрируем их основные типы:

1) *редактор отредактировал (статью), тренер тренирует спортсмена, закрыл крышкой, варит варенье, печет печенье, прядет пряжу, увенчал венком, взял взятку, выполнил полностью, отвыкнуть от старых привычек, писцы, переписывающие рукопись, летит самолет, летит вертолет, ходили в турпоходы, вода из водопровода;*

2) *избиратели (какого-либо) избирательного округа, следственные органы расследовали, болен базедовой болезнью, требуют реорганизации Организации Объединённых наций, бригадир комплексной бригады;*

3) *утром завтракаю, ничто не давалось даром, передал в дар, пели петухи, набили набойки, засеять отборными семенами, среда – середина недели, черные чернила (как и: синие, красные чернила), красная краска (как и: черная, белая, зеленая краска), белое белье (как и: голубое, розовое, серое белье), выкрасить красной краской;*

4) *видавший виды, делать дело, жевать жвачку, отдать дань, всякая всячина, разные разности, песенка спета, объять необъятное, бежать бегом, валом валить, стоном стонать, есть поедом, заходил ходуном, сиднем сидеть, ревмя реветь, ливмя лить, кишмя кишеть, дрожмя дрожать, рыдать навзрыд, рубить срубы;*

5) *Москвины вернулись в Москву.*

4) Неснятая (неустраненная) многозначность

Как известно, многие слова русского (и не только русского) языка многозначны. В каждом конкретном акте речи многозначное слово используется не во всех, а лишь в одном своем значении. Напр.: *Поля уже засеяны* (поле – «участок земли»); *Я пишу в тетради с широкими полями* (поля – «узкая полоса по краю листа в книге,

рукописи, тетради и т.п., оставляемая свободной от текста»); *Обе были в соломенных шляпах с широкими полями* (поля – «отогнутые края шляпы»). О том, в каком значении говорящий (пишущий) употребил данное слово, слушающий (читающий) догадывается по окружению (контексту). Если, например, в окружении слова *поля* стоит слово *за-сеяны*, то мы понимаем, что речь идет об участках земли; если в окружении слова *поля* стоят слова *широкие*, *в тетради* и *пишу*, то мы догадываемся, что речь идет об узкой полосе по краю листа в книге, рукописи, тетради и т.п., оставляемой свободной от текста; если в окружении слова *поля* стоит слово *шляпа*, то мы понимаем, что речь идет об отогнутых краях шляпы. Таким образом, контекст обычно снимает (устраняет) многозначность, предотвращая двусмысленность (двусмысленность) высказывания. Если же контекст не снимает многозначность, то слово допускает двоякое осмысление. Напр.: «Эту тему следует оставить» (сохранить или отбросить?); «Студенты разбирают книги» (перебирают или берут себе?); «Я прослушал передачу» (выслушал или пропустил?); «Председатель колхоза и агроном отбирают лучший скот» (выбирают или реквизируют?); Жена спрашивает больного мужа: «Ты уже отходишь?» (выздоровливаешь или умираешь?); «В такие короткие минуты передышки футболисты прикладываются к бутылочкам. Да и понятно: жарко»; «Где напиться?» (заголовок в газете); «Ленин пришел к Горькому, потрогал простыни и сказал: «Надо лечиться»; «Оторвите головы...» (сказала практикантка, имея в виду, что дети должны оторвать головы от парт); «В ближайшее время посетить городской музей и вынести из него все самое полезное, самое интересное» (из плана мероприятий учительницы); «Женщина с бараньими ножками, подойдите, пожалуйста, к кассе!»; «Сделать нового человека – обязанность каждого гражданина»; «Когда Дубровский убил медведя, Троекуров не обиделся, а только велел снять с него шкуру» (с медведя или с Дубровского?); «Он подвел ее к кушетке и сел на нее» (на кушетку или на нее?).

Ошибки, связанные с употреблением предметно-личных местоимений 3-го лица, нередко считают синтаксическими. Но в синтаксисе нет правила об употреблении местоимений. С синтаксической (структурной) точки зрения фразы типа «Когда Дубровский убил медведя, Троекуров не обиделся, а только велел снять с него шкуру» являются правильными. Делаем вывод: рассматриваемые ошибки не должны быть отнесены к синтаксическим.

5) Анахронизмы

Анахронизмы – это слова, не соответствующие изображаемой эпохе. Описывая события прошлого, школьники иногда используют слова «молодые», отражающие явления наших дней. Напр.: «Лиза была домработницей (служанкой) у Фамусова»; «Чичиков за свои махинации был сокращен с работы»; «И вот Чацкий вернулся из командировки»; «Печорин получил путевку на Кавказ»; «Беликов запугал весь педколлектив».

Многие авторы (А.А. Киреев, Н.А. Жданов, Ф.С. Попков, Н. К. Курапов, Т.А. Шаповалова, М.М. Михайлов и др.) относят к лексическим неправильностям употребление просторечных, диалектных и иноязычных слов. Эта точка зрения ошибочна вдвойне: во-первых, просторечная (литературно-просторечная) и иноязычная (заимствованная) лексика не находится за пределами литературного языка, т.е. является нормативной; во-вторых, даже диалектизмы сами по себе не являются ошибками и на законном основании могут быть употреблены в литературно-художественном стиле как средство речевой характеристики персонажей и среды. Все дело - в их уместности.

Особой разновидностью лексических ошибок нередко называют употребление отвлеченных слов в конкретных значениях. Напр.: «Скотинин поехал в деревню и стал разводить там свинство»; «Детство весело развивлось на полянке». Но это и есть употребление слова

в несвойственном ему значении, т.е. первая разновидность лексических ошибок.¹

Неправомерно относить к лексическим ошибкам фразеологические (А.А. Киреев) типа: «Народ совершил победу» (одержал победу); «Роман сыграл большое значение» (сыграл большую роль).

Т.А. Шаповалова относит к лексическим ошибкам пропуск необходимого члена предложения, т.е. синтаксическую ошибку. Напр.: «Знал лично Ленина, поэтому правильно рисует его образ».

Как лексическую ошибку Т.А. Шаповалова рассматривает – в одном ряду с плеоназмами – грамматические перифразы (*принимать участие, дать согласие*), хотя эти последние вообще не являются ошибками.

Нормы фразеологии и фразеологические ошибки

Фразеологические обороты – это устойчивые, воспроизводимые словосочетания, являющиеся единицами языка. Их следует употреблять строго в соответствии с их значением и формой, закреплёнными в языке.

Число фразеологических оборотов в русском языке очень велико, их структуры разнообразны. Рядовые носители языка не всегда отличают фразеологизмы от синтаксических (свободных) словосочетаний. Сказанным объясняется значительное количество фразеологических ошибок, встречающихся в современной устной и письменной речи.

Фразеологические ошибки – это искажение формы фразеологизмов или употребление их в несвойственном им значении.

Можно выделить 7 разновидностей фразеологических ошибок:

¹ Эту ошибку тем более нельзя считать стилистической, как поступает М.М. Михайлов [Михайлов 1963: 216].

К категории стилистических ошибок М.М. Михайлов вообще относит многие лексические и синтаксические ошибки. Напр.: «Благодаря болезни он не пошел в школу»; «Он уважает жаркое»; «В сумраке тумана тускло сияет луна»; «Одеть... калоши, шляпу, перчатки»; «Я одолжил у него 50 рублей», «Он оставил меня со своим чемоданом»; «страсть к графомании»; «моя автобиография»; «молодой юноша»; «незаслуженная клевета»; «очень огромный»; «Негодование крестьян все усиливалось против помещиков»; «Большие и красивые на окраине города здания быстро вырастали»; «Русский народ объединился воедино» [Михайлов 1963: 214-216].

1) изменение лексического состава, 2) усечение, 3) расширение лексического состава, 4) искажение грамматической формы, 5) контаминация, 6) плеонастические сочетания и 7) употребление в несвойственном значении.

Проиллюстрируем эти разновидности.

1) Изменение лексического состава фразеологизмов:

«Он вставлял ему прутья (палки!) в колеса»; «Она держит его в ежовых варежках» (рукавицах!); «Мать держит меня в ежах»; «Подшли к шляпочному (шапочному!) разбору»; «Увы, Александр – не мужчина (герой!) моего романа»; «Иванушка рос не по дням, а по ночам» (по часам!); «На улице было темно, хоть глаз вышиби» (выколи!); «Ему досталась львиная часть» (доля!); «Зашла (нашла!) коса за (на!) камень»; «Я упала с дерева вверх кармашками» (тормашками!); «У них там просто содом и геморрой» (гоморра!); «Реши эту задачку, и дело в шапке» (шляпе!); «Это круглый болван» (дурак!); «Довели меня до белого колена» (каления!); «Ему хоть кол на голове чеши» (теши!); «Заварился (загорелся!) сыр-бор»; «Он играет у нас главную (первую!) скрипку»; «Мороз по коже продирает» (подирает!); «Пока суть (суд!) да дело...»; «В тихом омуте черти возятся» (водятся!); «Пьер связал себя узлами (узами!) брака с Элен»; «Геракл за один день вычистил Авдеевы (Авгиевы!) конюшни»; «Неумение общаться с женщинами было ахиллесовой пяткой (пятой!) Базарова»; «Бабушка на двоих (надвое!) сказала»; «Я должна подстраиваться (плясать!) под его дудку?»; «Помещики давно канули в лето» (Лету!); «Я сегодня не выучил урок и, отвечая, оказался в просаке» (попал впросак!); «Перековали мечи на орла» (орала!); «Язык (рука!) не поднимается говорить об этом»; «вставить точки на и»; «Он вошел (ушел!) в себя» и т.п.

2) Усечение фразеологизмов:

«Успехи этого ученика желают лучшего» (оставляют желать!); «А это чревато» (неприятными / тяжелыми последствиями); «Ему было впору биться (головой) об стенку»; «Я более-менее (более или

менее!) готов», «Вася не терял (присутствия) духа, он старался развлечь Марусю игрушками»; «Она чувствует себя у доски как рыба».

3) Расширение лексического состава фразеологизмов:

«Он этого до своего гроба не забудет» (слово «своего» – лишнее); «Пора тебе взяться за свой ум» (слово «свой» – лишнее); «Вы обратились не по правильному адресу» (слово «правильному» – лишнее); «Ведь не все девочки могут дать хороший, сильный отпор» (слова «хороший, сильный» – лишние).

4) Искажение грамматической формы фразеологизмов:

«Вы ложитесь костями (костьми!), но сделайте!»; «Дети заморили червячков (червячка!) и развеселились»; «Взять быков (быка!) за рога; «Терпеть не могу сидеть сложив (сложив!) руки»; «Кондрашкахватила» (хватил!); «Грабят среди белого дня» (среди бела дня!); «Перестань бить баклушу» (баклуши!); «Не ходи на босую ногу» (на босу ногу!); «крокодилы (крокодиловы!) слезы»; «Вся страна от малого до великого (от мала до велика!) отозвалась на этот призыв»; «Вернулся в родные пенаты» (к родным пенатам!); «Не бери ни с кого дурные примеры» (пример!); «Он, как и прежде, загреб (загреба-ет!) жар чужими руками»; «Я ругала ее на чем свет стоял» (стоит!); «Он всегда знал, откуда ветер дул» (дует!); «сломив (сломив!) голову»; «очертив (очертив!) голову»; «семи пядей на (во) лбу»; «власти придерживающие / придерживающие» (власть придерживающие!) и т.п.

5) Контаминация фразеологизмов

Контаминация фразеологизмов – это объединение, переплетение двух сходных по форме и значению фразеологических оборотов: один компонент первого фразеологизма соединяется с другим компонентом второго фразеологизма.

«Это играет очень большое значение» (играть роль + иметь значение = играть значение); «уделить значение» (уделить внимание + придавать значение = уделить значение); «Эта работа выеденного гроша не стоит» (выеденного яйца + ломаного гроша = выеденного

гроша); «Нельзя же все делать сложа рукава» (спустя рукава + сложа руки = сложа рукава); «Я выбивался из кожи (лез из кожи + выбивался из сил = выбивался из кожи), но у меня так ничего и не получилось»; «тертый воробей» (калач!); «стреляный (тертый!) калач» и т.п.

6) Плеонастические сочетания с фразеологизмами:

«случайная шальная пуля», «тяжелый сизифов труд», «напрасный мартышкин труд», «путеводная нить Ариадны», «имеет место быть» и т.д.

7) Употребление фразеологизмов в несвойственном значении:

«Пришла пора и нам выходить на большую дорогу», – сказала студентка выпускного курса, приписав фразеологизму *выходить на большую дорогу* значение «начинать большую трудовую жизнь», хотя он имеет значение «заниматься грабежом»; «А бывает и так: прошел урок, спета твоя песня, душа как в раю, упиваешься блаженством», – рассказывает студентка о педпрактике, приписывая фразеологизму *спета твоя песня* значение «окончена работа», хотя этот фразеологизм имеет значение «чьи-либо успехи, преуспевание, жизнь кончились, близятся к концу»; «Сегодня мы будем говорить о фильме от корки до корки» (подробно!); «Прошу Вас послать нас с женой в одно место» (пишет студент-выпускник); «Многие смотрят на фокусы предприимчивых дельцов спустя рукава» (работают спустя рукава, но смотрят сквозь пальцы).

Н.А. Жданов по непонятной причине относит к фразеологическим ошибкам плеоназмы, тавтологии и штампы.

Нормы морфологии и морфологические ошибки

Морфология – это раздел грамматики, изучающий грамматические свойства слов, это «грамматическое учение о слове» (В.В. Виноградов). Буквально это учение о формах слова. Морфология изучает в словах грамматические значения, грамматические формы и грамматические категории. Наибольшие трудности представляет для говорящих образование грамматических форм (формообразование).

Именно здесь и наблюдается максимальное число морфологических ошибок.

Назовем наиболее распространенные случаи.

Имена существительные

Морфологические ошибки, связанные с категорией рода имен существительных. Слова *алебастр, глист, ферзь, тюль, кофе, шимпанзе, гороно* (городской отдел народного образования), *роно, юноша* относятся к мужскому роду, поэтому не следует говорить «алебастра», «глиста», «ферзя», «крупная шимпанзе», «наше гороно». Слова *плацкарта, сандалия, тапка, туфля, (застарелая) мозоль* относятся к женскому роду, поэтому не следует говорить «плацкарт», «сандаль», «тапок», «туфель», «застарелый мозоль». Слова *повидло* и *яблоко* относятся к среднему роду, поэтому не следует говорить «Я люблю пирожки с повидлой», «большой яблок». Слова *броня* (на гостиничный номер) и *простыня* относятся к 1-му склонению, т.е. имеют окончание – я. Существительное *юноша* имеет грамматическое значение мужского рода, но склоняется по 1-ому («женскому») склонению, поэтому нельзя говорить «Рахметов был обыкновенным юношем» (*юношей!*). Существительные *сирота, плакса, задира* и т.п. относятся к существительным общего рода, поэтому следует говорить *Маша росла круглой сиротой* и *Гаврик рос круглым сиротой*, но нельзя «Гаврик рос круглой сиротой». Существительные *лиса* и *жертва* относятся не к общему, а к женскому роду, поэтому нельзя говорить «Молчалин оказался очень хитрым лисой» и «Он стал несчастным жертвой этих обстоятельств». Существительные типа *доктор, доцент, профессор* могут относиться не только к лицам мужского, но и к лицам женского пола, однако и в последнем случае сохраняют грамматические признаки существительных мужского рода. Например, говорят: *Сегодня принимает наш новый доктор Петрова* (не «наша новая доктор»!). Иначе говоря, это существительные не общего, а мужского рода. Добавим, что в разговорной речи глагольные

формы могут согласовываться со словами типа *доктор* по женскому роду: «Доктор приехала».

Морфологические ошибки, связанные с категорией числа. Как известно, форма единственного числа имен существительных имеет значение единичности (обозначает один экземпляр), а форма множественного - значение множественности (обозначает два или несколько экземпляров). Конкретные существительные обычно имеют две числовые формы: *дом – дома, парта – парты, село – сёла*. Что касается существительных отвлеченных, вещественных, собирательных и собственных, то парность им обычно (или чаще) не свойственна.

Поэтому ошибочными являются формы: «Слышались гулы (гул!) моторов»; «В СПС начались брожения» (брожение!); «Минимизировали бумажные волокиты» (волокиту!); «Начались недовольства (недовольство!) княгиней-простолюдинкой»; «У большинства были европейские внешности» (внешность!); «Они получали хорошие образования» (образование!). В следующих фразах, наоборот, употреблены формы единственного числа вместо множественного: «Размышление (размышления!) о сокровенном»; «Представить сведения (сведения!) о результатах голосования»; «У него тяжелое жилищное условие» (условия!). Единственное число может иметь значение собирательной или обобщенной множественности. Напр.: *Зритель голосует против; Мягкая игрушка; Готовое платье* (вывески). Но такое формоупотребление не стало правилом и нередко воспринимается как нарушение нормы. Напр.: «Продается диетическое яйцо» (яйца!); «Мужская сорочка» (вывеска; сорочка!); «В продажу поступила новогодняя елка» (елки!). Существительные *pluralia tantum* иногда ошибочно употребляются в форме единственного числа: «Окна мы выкрасили белилом» (белилами!); «Все руки чернилом (чернилами!) перепачканы».

Морфологические ошибки, связанные с категорией падежа. В области падежных форм наибольшие трудности представляют формы именительного падежа множественного числа существительных мужского рода.

В именительном падеже множественного числа существительных мужского рода используются два окончания – *-ы(-и)* и *-а́(-я́)*: *инженеры, торты, супы́ – профессора́, директора́, доктора́.*

Одни существительные имеют форму на *-ы(-и)*: *авиаконструкторы, авторы, архитекторы, боты, брелоки, возрасты, волосы, выборы, выпуски, госпитали, договоры, кабели, контейнеры, лацканы, почерки, прииски, фронты* и т.д.

Другие существительные имеют форму на *-а́(-я́)*: *бега, векселя, катера, кузова, кучера, отпуска, сорта, тополя, штабеля, шулера* и т.д.

Многие слова имеют вариантыные формы: *крейсера – крейсера, прожекторы – прожектора, рапорты – рапорта, секторы – сектора, теноры – тенора, инициели – инициеля, ястребы – ястреба.*

У ряда существительных формы на *-ы* и *-а́* противопоставлены стилистически: формы на *-ы* имеют книжный, а формы на *-а́* – разговорный характер. Напр.: *бухгалтеры – бухгалтера, вентили – вентиля, диспетчеры – диспетчера, инспекторы – инспектора, трюфели – трюфеля, цехи – цеха.*

Выбор флексии зависит от структуры слова, его происхождения, числа слогов, места ударения.

Трехсложные и многосложные слова, имеющие ударение на среднем слоге основы, обычно образуют формы на *-ы*. Напр.: *аптекарки, бухгалтеры, инструкторы, композиторы, редакторы* и др. Слова с ударением на конечном слоге основы тоже образуют формы на *-ы*: *договоры, ревизоры* и др.

Принимают окончание *-ы* слова латинского происхождения на *-тор*, если они обозначают неодушевленные предметы: *детекторы, индукторы, конденсаторы, рефлекторы, рефрижераторы* и т.п. Неодушевленное существительное *кондуктор* имеет форму *кондукторы* (приспособления в технике), а одушевленное существительное *кондуктор* – форму *кондуктора́*.

Слова латинского происхождения на *-тор*, *-сор*, обозначающие лиц, имеют в одних случаях окончание *-ы* (*авторы, конструкторы,*

корректоры, лекторы, новаторы, ораторы, ректоры и др.), в других – флексию –а́ (директора, доктора, профессора). Правда, эти формы на –а имеют не разговорный, а нейтральный характер.

Между некоторыми формами на –ы и –а наблюдаются семантические различия: *образы* (художественно-литературные) – *образа* (иконы), *пропуски* (недосмотры) – *пропуска* (документы), *соболы* (животные) – *соболя* (меха), *тоны* (музыкальные) – *тона* (переливы цвета), *учители* (идейные руководители) – *учителя* (преподаватели), *лагери* (общественно-политические группировки) – *лагеря* (военные, туристические, пионерские).

Неправильные формы: «автора́», «выбора», «инженера», «кабеля», «месяца», «плана», «профессоры», «секретаря», «(морские) судна», «супа», «текста», «торта», «факела», «шофера».

Слова типа *мать* в литературном языке имеют только флексию –и (*матери*). Формы типа «матеря», «дочеря», «плоскостя», «площадь», «скатертя», «скоростя» считаются грубой ошибкой.

В русском языке есть малочастотная форма предложного падежа с предлогом *по* в значении «после»: *по возвращении* («после возвращения»), *по окончании*, *по прибытии*, *по предъявлении*, *по приезде* и т.п. Формы «по возвращению», «по окончанию», «по приезду» и т.п. являются ненормативными.

От основной массы личных мужских имен отчества образуются с помощью суффикса –ович / -евич: *Иван – Иванович, Семен – Семенович, Павел – Павлович, Андрей – Андреевич, Аркадий – Аркадьевич*. Отчества от ограниченной группы мужских имен на –а образуются с помощью суффикса –ич: *Илья – Ильич, Иона – Ионыч, Кузьма – Кузьмич, Лука – Лукич, Никита – Никитич, Савва – Саввич, Фока – Фокич, Фома – Фомич*. При образовании отчеств от имен с неударным окончанием наблюдаются ошибки: *Никитич* – «Никитович», *Саввич* – «Саввович».

Ошибочными являются формы «ножов» (*ножей!*), «чулков» (*чулок!*), «пара носок» (*носков!*), «Еду в Алма-Ата» (*в Алма-Ату!*), «Соглашение будет подписано буквально днями» (*на днях!*).

Имена прилагательные

Самыми распространенными ошибками в области имен прилагательных являются ошибки в образовании форм сравнительной степени: «дешевше» (*дешевле!*), «длиньше» (*длиннее!*), «красивше» (*красивее!*), «слабже» (*слабее!*), «сладче», «слаже» (*слаще!*), «хужее» (*хуже!*), «более красивее» (*красивее!*), «более лучшее» (*лучше!*).

Имена числительные

Наибольшие трудности у говорящих вызывает склонение сложных и составных числительных, в которых должны изменяться все части, а не только последняя. Напр.: «с пятидесяти (*пятьюдесятью!*) рабочими», «в шестисот (*шестистах!*) километрах от Москвы», «Наши парки украсились четырехстами (*четырьмястами!*) липами», «с триста восьмидесяти шести (*тремястами восьмьюдесятью шестью!*) солдатами», «Картофель уже убран на восемьсот семьдесят двух (*восьмистах семидесяти двух!*) гектарах», «Пароход с семьсот пятьдесят восьмью (*семьюстами пятьюдесятью восьмью!*) отдыхающими вышел в рейс». Трудности возникают при образовании порядковых числительных от составных количественных. Следует говорить не «к двух тысяч седьмому году», а *к две тысячи седьмому году*.

Затруднения возникают при сочетании составных количественных числительных, заканчивающихся на *два, три, четыре*, с существительными *pluralia tantum* (*сутки, ножницы* и т.п.) Нельзя сказать ни «двадцать двое суток», ни «двадцать две сутки», ни «двадцать два суток». В случаях такого рода рекомендуется говорить *двадцать два дня*. Если же речь идет о конкретных предметах, можно употребить слово *штука*: *двадцать две штуки саней, тридцать три штуки ножниц*. В письменной речи сочетания типа *22 суток, 36 щипцов*

встречаются часто, но это свидетельствует лишь о структурных различиях письменной и устной речи.

Название месяца в сочетаниях типа *к Первому мая, перед Восьмым марта, к десятому февраля* стоит в форме родительного падежа. Не следует говорить «к Первому маю»: эти обороты восходят к сочетаниям «к первому числу мая».

Чаще говорят *дом номер пять* (а не «пятый»).

Глагол

В формах настоящего времени глаголов *вылазить, ездить, лазить, чистить, пылесосить, махать, полоскать, дремать, сыпать, трепать, щипать, жечь, лечь, сечь, течь* имеют место исторические чередования звуков (фонем): *вылажу* (не «вылазию»!), *езжу* (не «ездию»!), *лажу* (не «лазию»!), *чищу* (не «чистию»!), *пылесошу* (не «пылесосю»!), *машу* (не «махаю»!), *полощу* (не «полоскаю»!), *дремлю* (не «дремаю»!), *сыплет* (не «сыпет»!), *треплет* (не «трепет»!), *щиплет* (не «щипет»!), *жжет* (не «жгет»!), *печет* (не «пекет»!), *сечет* (не «секет»!), *течет* (не «текет»!).

Глаголы *бузить, дерзить, тузить* не образуют формы 1-го лица единственного числа, что может быть объяснено желанием говорящих избежать омонимического совпадения словоформ разных глаголов: *держу* от *дерзить* или *держать*?; *тужу* от *тузить* или *тужить*? Не употребляются формы 1-го лица единственного числа (которые должны оканчиваться неудобопроизносимыми сочетаниями – *жу, -чу, -шу, -щу*) глаголов *дудеть, победить, убедить, чудить; очутиться, приютить(ся); басить, дубасить; застить, шерстить*.

Формы будущего времени глаголов *выздороветь, опротиветь, опостылеть* – *выздоровею, опротивею, опостылею*.

Глагол *хотеть* является разноспрягаемым: *хочет* (не «хотит»!) – *хотят* (не «хочут»!).

Глагол *бриться* имеет форму *бреется* (не «броется»!).

Глаголы *капать, двигать, метать* образуют парные формы типа *капает – каплет, двигает – движет, метает – мечет*, различаю-

щиеся значениями: *Дождь капает, Капает с крыши – Яд каплет сквозь его кору, Двигает шкаф – Революция движет историю, Швея метает петли – Хозяин мечет громы и молнии.*

Встречаются ошибки в формах повелительного наклонения: «бежи» (*беги!*), «есть», «ехай» (*поезжай!*), «ляжь» (*ляг!*), «положь» (*положи!*), «не трожь» (*тронь!*), «мерий» (*мерь!*).

Формы совершенного вида глаголов *кипятить* и *потеть* образуются не с помощью приставки *с-* («скипятил», «спотел»), а с помощью приставки *вс-* (*вскипятил, вспотел*).

Видовая пара глагола *положить* – *класть* (а не «ложить»).

Какая форма соответствует норме – *сосредоточивать* или *сосредотачивать*?

При образовании глагольных форм несовершенного вида с суффиксом *-ыва-* / *-ива-* корневой звук *-о-* в одних случаях чередуется, а в других случаях не чередуется со звуком *-а-*. Какая же закономерность здесь действует?

Глаголы рассматриваемого типа делятся на две группы в зависимости от места ударения. Первая группа – глаголы с ударением не на корне, напр.: *приколо́ть, разбросо́ть, засоли́ть*. Когда от этих глаголов образуется форма несовершенного вида с суффиксом *-ыва-* / *-ива-*, то корневое *-о-* всегда переходит в ударяемое *-а́-*: *прикалыва́ть, разбрасыва́ть, засалива́ть*. Вторая группа – глаголы с ударением на корне *-о́-*, напр.: *усво́ить, сосредото́чить, заморо́зить*. У этих глаголов нет единого правила образования формы несовершенного вида с корневым *-о-* или *-а-*. У одних глаголов чередование *о-а* обязательно. Напр.: *освоить – осваивать, оспорить – оспаривать, застроить – застраивать, обработать – обрабатывать, удостоить – удостоивать, усвоить – усваивать*. В других глаголах чередования нет, корневое *-о-* сохраняется. Напр.: *обеспокоить – беспокоивать, озаботить – озабочивать, опозорить – опозоривать, опорочить – опорочивать, отсрочить – отсрочивать, приурочить – приурочивать, узаконить – узаконивать, уполномочить – уполномочивать, подытожить – подытоживать*. Некоторые глаголы допускают обе

формы, различающиеся стилистически: формы с *-о-* имеют книжный, формы с *-а-* – разговорный характер. Напр.: *обуславливать* – *обуславливать*, *сосредоточивать* – *сосредотачивать*, *условливаться* – *уславливаться*.

Недостаточно грамотные люди иногда допускают ошибки в образовании отдельных возвратных – невозвратных форм. Напр.: «выдающий ученый», «стелющая яблоня», «трудящие нашего района», «учащие нашей школы», «Подружила (*подружилась!*) с Наташей», «Дети играют» (*играют!*), «млекопитающиеся» (*млекопитающие!*), «Молоко скисло» (*скисло!*). В детской речи встречается смешение (неразличение) действительных и страдательных причастий. Завершая письмо учительнице, мальчик пишет: «Любимый и уважаемый Вами (*любящий и уважающий Вас!*) ученик Вася Петров».

Морфология фамилий

Как известно, русский язык относится к числу флективных, т.е. языков, знаменательные слова в которых склоняются или спрягаются.

(Более подробную характеристику флективных языков читатель найдет в «Лингвистическом энциклопедическом словаре».) Напр.: *жена* – *жены* – *жене* и т.д.; *город* – *города* – *городу* и т.д.; *тень* – *тени* – *тени* и т.д.; *новый* – *нового* – *новому* и т.д.; *первый* – *первого* – *первому* и т.д.; *мой* – *моего* – *моему* и т.д.; *ходить* – *хожу* – *ходил* и т.д. Подавляющее большинство знаменательных слов русского языка склоняются и спрягаются. Не склоняются и не спрягаются следующие типы слов: 1) сложносокращённые слова, образованные посредством соединения начальных букв или звуков от полного названия: СССР, КПРФ, ЛДПР, ГКЧП, РАН (а также *сельпо*, *райфо*, *облоно*, *гороно*, *районо*); 2) аббревиатуры типа *завкафедрой*, *управделами*, *комроты* и т.п.; 3) русские фамилии, представляющие собой застывшие формы родительного падежа единственного и множественного числа: *Хитрово*, *Дуброво*, *Живаго*, *Дубяго*, *Крученых*, *Чутких*, *Белых*, *Черных* (хотя в непринужденной бытовой речи фамилии типа *Черных*

часто склоняют); 4) украинские по происхождению фамилии на *-енко* и *-ко*: *Короленко, Шевченко, Лысенко, Франко, Ляшко*; 5) глагольные междометия типа *бах, бац, прыг* и т.п.

Не склоняются заимствованные (иноязычные) существительные (а также немногочисленные прилагательные типа *беж, хаки, электрик*), гласный исход которых нетипичен для исконно русских (склоняемых) слов. Напр.: *бра* (нельзя «бры», «брой»), *буржуа, па, ателье, атташе, драже, желе, каре, кафе, кашне, клише, колье, коммюнике, купе, пенсне, портмоне, рантье, резюме, фойе, шимпанзе, шоссе, алиби, жюри, пари, такси, харакири, хобби, шасси, арго, депо, жабо, метро, пальто, плато, трико, трюмо, импрессарио, какао, кредо, маэстро, пианино, радио, соло, фортепиано, какаду, кенгуру, марабу, рагу, алоэ*; географические наименования: *Батуми, Потти, Сухуми, Тбилиси, Бордо, Осло, Токио, Баку* и др. под.; женские имена: *Нана, Кити, Мими*, а также *Кармен* и *Элен*; *Этель, Сесиль, Николь, Ассоль*; женские имена на мягкий согласный, заимствованные из тюркских языков: *Айгуль / Айгюль, Артыnguль, Асель, Бибигуль, Газель, Джамаль, Маягозель, Сабогуль* [Калакуцкая 1984: 110]. (Библейские женские имена – *Рахиль, Руфь, Эсфирь, Юдифь* – чаще склоняются [Там же: 107-108].)

Принцип склоняемости, действующий в русском языке, распространяется и на фамилии. Подавляющее большинство русских фамилий оканчиваются на бывшие суффиксы притяжательных прилагательных *-ов/-ев* и *-ин/-ын* и бывший суффикс относительно-притяжательных прилагательных *-овский/-евский (-ский)* и в начальной форме имеют флексии *О* и *–а*, а также *-ий/-ая*. Напр.: *Иванов (Иванова, Иванову...)* – *Иванова (Ивановой, Ивановой ...)*, *Телегин (Телегина, Телегину...)* – *Телегина (Телегиной, Телегиной...)*, *Петровский (Петровского, Петровскому...)* – *Петровская (Петровской, Петровской...)*.

Если русские и заимствованные фамилии оканчиваются на *-а*, то они склоняются (и тогда, когда обозначают лицо женского пола, и тогда, когда обозначают лицо мужского пола, поскольку флексия *–а*

имеет место и у нарицательных существительных женского рода, и у нарицательных существительных мужского рода, и у нарицательных существительных общего рода). Напр.: *статья Льва Владимировича Щербы – статья Натальи Ивановны Щербы*; еще: *Байдужа, Бакута, Барыга, Бова, Булава, Вакула, Вишня, Габка, Глебка, Горяна, Гужва, Гулыга, Доля, Думка, Едличка, Журба, Задирака, Зарва, Кваша, Мачура, Патока, Руга, Рута, Слива, Середа, Синица, Сирота, Скиба, Ханга, Хухра, Чепрага, Шадуря, Шапочка, Шмыга, Щербина, Юра, Ярема* и т.п.

Не склоняются финские фамилии на *-а*: *встреча с Куусела*. «Колебания, – пишет Д.Э. Розенталь, – наблюдаются в употреблении фамилий грузинских (на – *ава*), японских и некоторых других...: у спортсмена Джеджелавы, кабинет Иосида, заявление Хатояма, работы профессора Чикобавы, юбилей Сен-Катаямы» [Розенталь 1977: 100]. Грузинские фамилии склоняются чаще, чем японские.

Грузинские фамилии на *-ая* «практически не склоняются» [Калауцкая 1984: 89]: *Шенгелая, Шхвацабая, Цулая, Ломая, Гулая, Гурцкая, Сакая* и т.п. Фамилии типа *Берия, Лурия, Телия, Чантурия* склоняются [Там же: 92].

Если русские и заимствованные фамилии оканчиваются на согласный (т.е. имеют нулевую, «мужскую» флексию), то они склоняются, если обозначают лиц мужского пола, и не склоняются, если обозначают лиц женского пола (так как лексическое значение «лицо женского пола» и грамматическое значение мужского рода несовместимы). Напр.: *Яковом Лондоном – Марией Лондон*; еще: *Абрамис, Абрамович, Аветисян, Аврух, Адамович, Азарх, Айзикович, Аккерман, Акопян, Аксютин, Альтбауэр, Альтман, Антонович, Апресян, Арват, Арнольд, Арутюнян, Багмут, Баймут, Банк, Бант, Баранник, Барзилович, Барлас, Бартошевич, Баршай, Батюк, Бауэр, Бах, Бахман, Безлай, Бейкман, Бек, Белич, Белодед, Белоконь, Берг, Бергер, Бердник, Бережан, Беркович, Бернштейн, Бец, Биргер, Блок, Блумберг, Блягос, Бобрик, Богач, Богдан, Бойчук, Бондарчук, Бондарь,*

Бордович, Бородич, Борщ, Браславец, Браун, Брик, Бриль, Бромлей, Брон, Бублик, Будник, Букатевич, Буш, Вексельберг, Виктюк, Гайдай, Гайдар, Голуб, Граум, Гриб, Гудзий, Давидович, Джексон, Дудий, Женовач, Зак, Заходер, Зильберман, Зильберт, Зозний, Ивич, Иллич-Свитыч, Калнынь, Киль, Компанец, Корнелюк, Королек, Король, Леннон, Лифшиц, Магалиф, Магарам, Мартинсон, Михельсон, Пак, Пик, Скрибник, Спок, Судец, Супрун, Телец, Убей-Волк, Федосюк, Хаймович, Харрисон, Хегай, Цивьян, Шиш, Шур, Штейнберг и т.д. «Осложнение, – пишут А.В. Суперанская и А.В. Суслова, – возникает при склонении нестандартных русских фамилий, например Жук, Кот, Тур, Жаба, Орлик, Карась, Окунь, Муха, Ширма, Верёвка, Шкатулка, Ремень, Борода. Склоняемость их, как образованных от слов вполне понятных и склоняемых в русском языке, кажется бесспорной. Однако сами носители этих фамилий, стараясь отделить свои фамилии от имён нарицательных, нередко объявляют их несклоняемыми. Но такого рода запреты искусственны, и фамилии этого типа должны склоняться» [Суперанская, Суслова 1981: 171]. Фамилию *Козел* обычно употребляют в начальной форме с ударением на первом слоге.

Фамилии типа *Бабій, Бóкий, Гúдзий, Надточий, Передéрий, Топчий, Ужвій* склоняются по парадигме слова *гений* [Калакуцкая 1984: 146]. Женские фамилии этого типа не изменяются.

Фамилии типа *Даль, Рошаль, Щербань, Бабель, Тынель, Шпинель, Курсель* и под., когда они принадлежат мужчинам, склоняются, как фамилии на согласный (*словарь Даля, действия Рошалья*), а когда женщинам – не склоняются, т.е. ведут себя, как женские фамилии на согласный (*с Марией Ивановной Даль, с Анной Рошаль*). Если мужские фамилии совпадают с нарицательными существительными женского рода типа *боль, вуаль, дуэль, капель, моль, погань, рысь, соль, сталь, форель, шаль* и т.д., то они не склоняются. Недопустимо «Иваном Рысем (Рысью)», «Степаном Форелем (Форелью)».

Если заимствованные фамилии имеют другой исход, не свойственный русским фамилиям (-у, -е, -э, -и, -ы, -о, -иа), то они не скло-

няются. Напр.: *Дерсу, Урсу, Шоу, Чаушеску, Пеку, Врачу, Гете, Иоффе, Аристе, Тиди, Керри, Гальди, Гайдаржи, Гарибальди, Россини, Авалиани, Ринальдини, Голетиани, Балиашвили, Афифи, Жгенти, Черри, Вяари, Мягги, Алекперлы, Гюго, Бруно, Лазо, Цекало, Скиидло, Топуриа, Чедиа* и т.п.

К особенностям морфологии русских фамилий относится закрепленность фамилий за 1-м и 2-м склонениями, отсутствие 3-го склонения.

Специфика русских фамилий – способность изменяться по родам и числам: *Иванов – Иванова – Ивановы, Лисицын – Лисицына – Лисицыны, Вознесенский – Вознесенская – Вознесенские*.

Трудности представляет выбор форм числа у нерусских фамилий: *Кент – Кенты, Манн – Манны, Шлегель – Шлегели*. Если эти фамилии относятся к двум лицам, то они употребляются или в форме множественного, или в форме единственного числа. «Практика обычно придерживается следующих положений:

1) если при фамилии имеются два мужских имени, то она ставится в форме множественного числа: *Генрих и Томас Манны, Август и Вильгельм Шлегели*; также *отец и сын Ойстрахи*;

2) при двух женских именах фамилия ставится в форме единственного числа: *спортсменки Тамара и Ирина Пресс*;

3) при слове *братья* или *сестры* фамилия тоже обычно ставится в форме единственного числа: *братья Гримм, братья Адельгейм, сестры Кох*;

4) если фамилия сопровождается мужским и женским именами, то она сохраняет форму единственного числа: *Франклин и Элеонора Рузвельт, Аннели и Андрэ Торндайк, Нина и Станислав Жук*; то же при сочетаниях *господин и госпожа, лорд и леди* и т.п., указывающих на разный пол: *господин и госпожа Райнер, лорд и леди Гамильтон*; однако при сочетаниях *муж и жена, брат и сестра* фамилия чаще употребляется в форме множественного числа: *муж и жена Кенты, брат и сестра Ниринги*;

5) при слове *супруги* фамилия ставится в форме единственного числа: *супруги Кент*» [Розенталь 1977: 101].

Нормы синтаксиса и синтаксические ошибки

Нормы синтаксиса – это правила конструирования предложений, правила сочетания слов. Нарушения норм синтаксиса порождают синтаксические ошибки. Синтаксические ошибки очень разнообразны. Основными их разновидностями являются: 1) неправильное согласование, 2) неправильное управление, 3) местоименное дублирование подлежащего, 4) ошибки в конструировании сказуемого, 5) отсутствие видо-временной соотносительности глаголов-сказуемых, 6) пропуск членов предложения, 7) морфологическая неоднородность однородных членов, 8) неправильный порядок слов, 9) двойная (ложная) синтаксическая связь, 10) синтаксическая двусмысленность, 11) нарушение синтаксической связи оборотов с предлогами *кроме, помимо, вместо, наряду с*, 12) свободный (независимый) деепричастный оборот, 13) установление отношений однородности между членами простого предложения и частями сложного, 14) смещение конструкции, 15) смешение прямой и косвенной речи, 16) неправильный выбор союза, 17) одновременное использование подчинительного и сочинительного союзов, 18) дублирование союзов, 19) неправильная расстановка частей составного союза, 20) лишнее соотносительное слово в главном предложении, 21) разноструктурность однородных частей бессоюзного сложного предложения.

Проиллюстрируем эти разновидности.

1) Неправильное согласование:

«В шкафу стоят много книг», «Группа запорожцев хотели написать письмо турецкому султану», «Я с отцом поехали на рыбалку», «Крестьянство жгли усадьбы помещиков», «В комедии Гоголя «Ревизор» описано ряд чиновников», «Доброта и ум отличал нашу первую учительницу», «Открываются курсы по обучению английским, немецким и французским языкам»; «Молодая педагог Наталья Иванов-

на входит в класс», «С нами был астролог Алевтина Виноградская», «Собака Мурзик увидел пробку и захотел ее вытащить»; «Поросёнок Дуська напомнила о своём существовании»; «...решение государств-участниц...»; «А через несколько часов США нападет на Ирак»;

«Молчалин оказался очень хитрым лисой»; «Он стал несчастным жертвой этих обстоятельств», «моя тюль», «моя ферзь», «молодая картофель», «мой мозоль», «крупная шимпанзе», «скачущая кенгуру», «наше гороно», «черное кофе», «Гаврик рос круглой сиротой» и т.п.

Ошибки типа «молодая картофель» связаны с незнанием рода имени существительного. Тот, кто считает категорию рода имени существительного чисто морфологической, относит эти ошибки к числу морфологических. Однако категория рода имен существительных является морфолого-синтаксической, имеет как морфологическое, так и синтаксическое выражение. В случаях типа «молодая картофель» мы «на входе» имеем дело с морфологией («картофель», «картофелью»), а «на выходе» – с синтаксисом («молодая картофель», «молодой картофели», «молодой картофелью»). Следовательно, эти ошибки есть основания называть морфолого-синтаксическими (или синтаксическими, если ориентироваться на их «поверхностный уровень»).

2) Неправильное управление:

«Мы действуем согласно приказа», «Не возражаю на переезд», «недовольство на плохое снабжение», «Оплачивайте за проезд» (оплачивайте проезд или платите за проезд!), «Этот период характерен усилением напряженности», «Я давно пришел со школы», «Он был предан к своей родине», «уверенность в успех», «отзыв на статью», «указал о ...», «отметил о ...», «планы о скорой победе», «Герой сетует именно об этом», «Я готовлюсь для поступления в институт», «Кто ему виноват?», «Люди надеялись и верили в возможность улучшения», «Что хочет женщина?», «Магазин работает с 9-18 часов», «Появилась жажда к жизни», «Мы друзей за ошибки прощали», «Но то, что это хорошо, уверены многие», «Я отдам свой голос тому,

кого считаю нужным», «Список персон, которых никогда не было на эфире, огромен».

Сюда же – с некоторой долей условности – можно отнести употребление личных глаголов в безличных предложениях: «Никаких дополнительных налогов не вводится»; «Однако семьи не сложилось»; «Но такой задачи не ставилось изначально»; «Борьбы не получилось»; «Пока что такого препарата учёными не придумано»; «Речи о закрытии улицы не шло»; «Но об экспериментах с человеком речи пока не идет»; «Дождя не ожидается»; «Отдельной строки вообще не предусмотрено»; «В этом году такого не повторится»; «Бумаг не было подписано»; «Лучшего места найти сложно»; «Не выработано общего подхода»; «Найти лучшего способа просто невозможно» и т.д.

3) Местоименное дублирование подлежащего:

«Пушкин – он великий русский поэт».

4) Ошибки в конструировании сказуемого:

«Мальчик мечтал стать моряк»; «Эти люди были борющиеся за свободу»; «Нагульников предан родине и беспощадный к ее врагам».

5) Отсутствие видо-временной соотносительности глаголов-сказуемых:

«Придя домой, покушала, а потом отдохну»; «Летчик достал наган и готовился к встрече с врагом».

6) Пропуск членов предложения:

«Весной на реке ломается лед, (?) разливается, заливают свои берега».

7) Морфологическая неоднородность однородных членов

Однородные члены предложения в большинстве случаев морфологически однородны, т.е. выражаются одной и той же частью речи.

Если это правило нарушается, возникает синтаксическая ошибка. Напр.: «Книги помогают нам в учебе и выбирать профессию»; «Эта книга научила меня честности, смелости и уважать своих друзей».

8) Неправильный порядок слов:

«Большие и красивые на окраине города здания быстро вырастали»; «Вдруг слон стал не слушать хозяина»; «Эта мель находилась в метрах ста от берега»; «Та жизнь, о которой говорилось в книге, резко отличалась от окружающей жизни Алешу»; «За границу был отправлен Ломоносов, где он провел 5 лет»; «Снега было много в лесу, который лежал на ветвях и на деревьях»; «Спортсмен ударил мяч кулаком, который сразу же оказался в сетке ворот»; «Студентка 5 курса 1 группы»; «Рыбтрест начинает набор для экспедиционного лова юношей в возрасте до 25 лет»; «Хорошо выполнила учебную практику вторая группа 4 курса, где старостой тов. Петрова, которая в этом году по указанию главка министерства значительно увеличилась в своем объеме по сравнению с прошлым годом»; «Лучшая доярка Марусинского колхоза им. Буденного Козлова М.П. на 28 день после отела получила от коровы под кличкой Маруська 37 литров молока»; «Начинается продажа обуви для детей отечественного и импортного производства»; «Новосибирский педагогический государственный университет».

9) Двойная (ложная) синтаксическая связь

Неправильными считаются предложения, в которых то или иное слово допускает связь с двумя другими, причём одна из связей является ошибочной (ложной). Напр.: «Он добивался отпуска без сохранения содержания и путевки» (добивался путевки или отпуска без путевки?); «Жильцы требовали ликвидации неполадок и ремонта» (требовали ремонта или ликвидации ремонта?); «Подготовка охотников для истребления волков и лиц, ответственных за проведение этого мероприятия» (подготовка лиц или истребления лиц?)

10) Синтаксическая двусмысленность:

Возвращение детей» (возвратились дети или возвратили детей?); «Чтение Маяковского произвело сильное впечатление» (читал Маяковский или читали Маяковского?)

11) Нарушение синтаксической связи оборотов с предлогами *кроме, помимо, вместо, наряду с*

Эти обороты должны управляться глаголами-сказуемыми. Напр.: *Кроме книг, читаю журналы.* Такой оборот может быть трансформирован в однородный член: *Читаю книги и журналы.* Нарушение этого правила порождает синтаксическую ошибку. Напр.: «Кроме газет и журналов, много занимаюсь спортом»; «Наряду с составлением словарей, лингвисты разрабатывают теоретические вопросы лексикологии»; «Кроме материальных потерь, гроссмейстер находился еще в сильном цейтноте»; «Неизвестный вместо любовных игр убивает женщину».

12) Свободный (независимый) деепричастный оборот

Деепричастие – это неспрягаемая форма глагола, обозначающая добавочное, второстепенное действие того же лица, что и глагол-сказуемое. Напр.: *Малыш спал, тихо посапывая.* Возможна трансформация: *Малыш спал и тихо посапывал.* Если же деепричастие обозначает действие другого лица, нежели глагол-сказуемое, то возникает синтаксическая ошибка – свободный (независимый) деепричастный оборот. Напр.:

«Поужинав, нам читали какую-нибудь интересную книжку»; «Живя на даче, нас очень беспокоили комары»; «Подъезжая к городу, начался сильный дождь»; «Гуляя по коридору, нашелся карандаш»; «Вовка гладил Шарика по шерсти, виляя хвостом»; «Придя домой, у меня сидели гости»; «Дворник вел под уздцы лошадь, весело крутя

мордой»; «Герасим взял на руки собаку, жалобно скуля и поджав хвост»; «Старик запряг лошадь и, стуча копытами, поехал по мерзлой дороге»; «Покупая пару зимней обуви, вас ждёт сюрприз».

13) Установление отношений однородности между членами простого предложения и частями сложного

В отношениях однородности должны находиться или члены простого предложения, или части сложного, но не член простого предложения и часть сложного. В противном случае возникает синтаксическая ошибка. Напр.:

«Сережа ждал темноты и когда все уснут» (следовало бы написать: Сережа ждал, когда станет темно и все уснут); «Я не люблю болеть и когда ругают»; «Гуляя с утра до вечера и если не заниматься, экзаменов не сдашь».

14) Смещение конструкции

Эта ошибка заключается в том, что говорящий начинает строить фразу по одной модели, а завершает – по другой. Напр.:

«Первое, о чем я вас прошу, – это о внимании» (это внимание!); «Как говорят в народе, что не место красит человека, а человек место» (Как говорят в народе, не место красит человека, а человек место); «Когда Мурке надоедало возиться с котятами, и она уходила куда-нибудь поспать»; «Мы с мамой очень дружим, что даже наш папа обижается, почему мама больше времени проводит со мной, чем с ним», «Пока, я считаю, что у нас это получается»; «Один из пассажиров – пожилая женщина – скончалась на месте от ранений»; «А вот другая часть тела – пальцы – будут непрерывно развиваться».

15) Смещение прямой и косвенной речи:

«Базаров говорит, что мой дед землю пахал» (должно быть: «Базаров говорит: «Мой дед землю пахал» или «Базаров говорит, что его дед землю пахал»); «Вася сказал, что я сегодня не смогу прийти на тренировку»; «Отец сказал мне, что завтра я еду в командировку».

16) Неправильный выбор союза:

«Я взял в библиотеке книгу, где рассказывается о животных».

17) Одновременное использование подчинительного и сочинительного союзов:

«Когда Владимира посадили к медведю в конуру, и он не растерялся и убил медведя».

18) Дублирование союзов

Согласно правилам русского синтаксиса, придаточное изъяснительное должно присоединяться к главному или с помощью союза *что*, или с помощью союза *будто бы*, но не того и другого вместе. Вот пример такой ошибки: «Он сказал, что будто бы уже прочитал книгу». Для присоединения придаточного изъяснительного нельзя также одновременно использовать союз и союзное слово; напр.: «Когда мать спросила у сына, что зачем он читает запрещенные книги, Павел ответил, что хочу все знать».

19) Неправильная расстановка частей составного союза:

«Мы собрали не только много грибов и ягод, но и поймали белку».

20) Разноструктурность однородных статей бессоюзного сложного предложения:

«Об ответе Николаева можно сказать следующее: ответ не вполне соответствует плану; желательно использовать больше примеров; не чувствуется собственного отношения к теме».

Авторы методических пособий и частей часто смешивают морфологические и синтаксические ошибки. К числу морфологических относят, например, ошибки типа «Брат глухой к моим просьбам»¹

¹ См.: Шаповалова Т.А. Стилистические упражнения на уроках русского языка: Пособие для учителей. – М., 1967. – С.12.

Кстати, аналогичную ошибку в примере «Хозяйка была сердитая на Алешу» Т.А. Шаповалова квалифицирует как синтаксическую, как «ошибочное оформление сказуемого».

(вместо «глух к просьбам»), хотя перед нами – типичная синтаксическая ошибка: косвенными падежами управляют, как правило, краткие формы прилагательных [см.: Розенталь 1977: 122], а не полные. Нужно твердо знать, что в компетенцию морфологии («учения о формах») входит совокупность грамматических форм слов (и соответствующих им грамматических значений), употребление же форм слов в связной речи относится к компетенции синтаксиса¹. Например, в фразах «Он груб с людьми», «В нашем городе намечаются большие строительства», «И это становится нравственным кредом Блока» имеют место ошибки морфологические (неправильное образование форм слов), а в фразе «Он видит его и подумал» – синтаксическая: глагольные формы не соответствуют друг другу по категории времени.

Морфологическая ошибка обнаруживается в пределах отдельного слова, а синтаксическая – в пределах предложения (или, по меньшей мере, словосочетания). Формы «глухой» и «к просьбам» сами по себе, вне предложения, безотносительно друг к другу, морфологически – правильны. Однако сочетаться они не способны, потому что управление косвенными падежами имен существительных свойственно лишь кратким формам прилагательных.

Не всегда правильно квалифицируются ошибки, связанные с употреблением предлогов. Если предлог неуместен с лексической (семантической) точки зрения – это лексическая ошибка. Напр.: «Дисциплина в классе в силу слабости воспитательной работы была невысокой». Если же предлог неуместен по синтаксическим соображениям (сильноуправляющий глагол требует определенного падежа и асемантического предлога), то ошибка эта – синтаксическая. Напр.: «Планы о скорой победе»; «Об этом же мы убеждаемся при чтении комедии «Недоросль»; «Молодой ученый пытается доказать о возможном извержении вулкана»; «Оплачивайте за проезд»; «Работает в

¹ Между тем во многих методических работах неправильное употребление форм относят к компетенции морфологии. См., напр.: [Шаповалова 1967: 11-12].

заводе»; «Учительница уделяет большое внимание на развитие речи детей».

Скопление немзыкальных звуков относится, конечно, к стилистическим, а не к синтаксическим ошибкам, как полагают Н.А. Жданов и М.М. Михайлов.

Нормы стилистики и стилистические ошибки

К нормам (принципам требованиям, рекомендациям), стилистики относятся требования уместности, доступности, краткости, богатства, благозвучия, образности и своеобразия¹. Отступления от этих правил порождают стилистические ошибки. В соответствии с 7-ю рекомендациями стилистики можно выделить 7 разновидностей стилистических ошибок. Охарактеризуем их.

1) Чаще всего в речи школьников встречаются стилистические ошибки, являющиеся следствием отступления от принципа уместности, т.е. нарушения единства стиля, правила стилистического согласования. Явно преобладают случаи немотивированного использования разговорных, просторечно-фамильярных, сниженных слов. Напр.:

«Софья втюрилась в Молчанова»; «Еще немного и Фамусов отколошматил бы Чацкого»; «Чацкий втемяшил себе в голову, что он любит Софью»; «Когда Чацкий увидел Софью, он обалдел: до того она была хороша»; «Татьяна была клевой девушкой, но слишком строго воспитанной»; «Татьяна накатала Онегину длинное письмо»; «Татьяна Ларина из деревни подается в Петербург»; «У Ольги и Татьяны всегда были ухажеры»; «Онегин приударивал за светскими дамочками»; «Пугачев не пьет и не выделяется»; «Она долго любила его безответно, но потом ей надоело вошкаться с ним, и она вышла за другого»; «Мцыри хотел удрать домой»; «Бэлла психовала и ревела, когда Печорин надолго уезжал»; «Грушницкий психанул на

¹ См. раздел «О качествах образцовой речи».

Печорина за то, что тот стал приставать к Мери»; «Печорин был красивым мужиком и нравился женщинам»; «Ноздрев был выпивоха и скандалист»; «У Акакия Акакиевича свистнули новую шинель»; «Одинцова некоторое время мурыжила Базарова, но в конце концов отвергла его»; «Анатолий долго пудрил Наташе мозги»; «У Данко не было верных дружков»; «Отец Павла часто приходил домой навеселе и колошматил жену»; «Увидев книги, которые читал Павел, Ниловна струхнула»; «Сатин был отпетый алкаш»; «На повороте Метелица чуть не шмякнулся с коня»; «Метелица закобенился и не стал отвечать на вопросы»; «Павел вкалывал на узкоколейке день и ночь»; «Вчера в классе учитель прочитал нам рассказ А. Гайдара. Это сила, мировецки написано»; «В.И. Ленину разрешили свиданку с Крупской»; «Сначала я маленько расскажу об уроке»; «Не тяни руку: у тебя и так навалом оценок»; журналисты нередко злоупотребляют разговорными словами «думка», «задумка» «обговорить», «разговор», «мозговать» («Мозговали долго и наконец нашли правильное решение»).

Реже встречаются случаи немотивированного употребления книжных, высоких, торжественных слов. Напр.:

«Она является моей любимой героиней»; «У меня что-то ручка не функционирует»; «Скоро начнется новый учебный год, для детей наступит эра учебы»; «Моя супруга пошла задать корм свиньям»; «Навоз на поля ныне вывезен своевременно»; «Ныне девушка решила бороться за 2200 кг молока от коровы».

Во второй половине XX в. наблюдалось мощное влияние канцелярского слога на другие стили языка, особенно разговорно-бытовой. Этот процесс оканцеляривания речи К.И. Чуковский назвал «канцеляритом» (по аналогии с «бронхитом», «колитом», «гастритом» и «гепатитом»)¹. Вот несколько примеров.

Дачник говорит жене: «Тебя не лимитирует плащ?» И добавляет, обращаясь к Чуковскому: «Мы с женой никогда не конфликтуем!»

¹ См.: [Чуковский 1963: гл. 6. Канцелярит; см. также: Галь Нора 1980: 1. Берегись канцелярита!].

Рыбак спрашивает рыбака: «Какие мероприятия предпринимаете вы для активизации клева?»

Крестьянка рассказывает: «В нашем зеленом массиве так много грибов и ягод».

Выступая по телевидению, одна известная актриса, молодая очаровательная женщина, сказала: «Режиссер позвал меня на предмет беседы об участии в фильме».

Женщина спрашивает подругу: «И ты собираешься пролонгировать ваши отношения?»

Из речи школьников: «Вася обратился к учителю с ходатайством, чтобы его отпустили домой»; «На зеленых насаждениях появились первые листочки»; «Из вышеизложенного описания мы узнаем обстановку в доме Собакевича»; «Герасим рассердился на барыню и уволился по собственному желанию»; «У нас в кухне источник теплоты перегорел».

Канцеляризмы¹ проникают также в газетный язык. Напр.: «Подобная практика ожидания погодных условий порочна»; «В текущем году должна быть построена столовая-заготовочная на 200 посадочных мест»; «Слепцов проживает в Дзержинском районе»; «Приношение и распитие спиртных напитков строго воспрещается»; «В проходной следили за снятием одежды»; «Многое, и особенно за последний год, сделано в Алма-Ате в части усиления пропаганды правил уличного движения»; «Вышеупомянутые члены бригады предложили упростить конструкцию узла карданного вала нижеследующим способом...»; журналисты нередко злоупотребляют канцеляризмами «заслушать» и «зачитать».

В недрах канцелярий возникают и начинают свой победный путь слова-уроды типа: «недовзнос», «недоотдых», «недополив», «переполлив», «недоперевыполнение», «головодень», «койко-день», «лесопарки», «плодоовощ», «субпродукты» (вместо требухи), «хлебобулочные изделия», «чулочно-носочные изделия», «палочные из-

¹ Канцеляризмами принято называть канцелярские слова в чуждом им стиле.

деляя» (вместо палок), «крысонепроницаемость зданий» и т.п. Еще раз процитируем К.И. Чуковского: «Изобрети, к примеру, сегодня наши специалисты кирпич в том виде, в каком он известен сотни лет, они назвали бы его не кирпичом, а непременно чем-то вроде легкоплавкого, песчаноглинистого обжигоблока или как-то в этом роде», – пишет в редакцию «Известий» читатель Вас. Малаков» [Чуковский 1963: 129].

Именно в тишине канцелярий создаются такие перлы, как: «Удобрение в лице навоза»; «Уходя, обесточьте электросеть»; «Ваш дом еще не окабелен»; «Обсеменение девушками дикого поля».

Когда учитель говорит: «К доске пойдет Иванов Вова», – то это тоже влияние канцелярского слога. Общее правило русского языка – располагать имя и отчество перед фамилией (Александр Сергеевич Пушкин, Михаил Васильевич Ломоносов, Петр Ильич Чайковский) [см.: Еськова 2004: 126-129]. На первое место фамилия выдвигается только в официально-деловом стиле, в канцелярских списках. Постановку инициалов после фамилии остроумно высмеял А. Крон в романе «Бессонница»: «Когда Сергей Николаевич стал заместителем директора, он первым делом привинтил к двери своего кабинета большую стеклянную табличку с надписью: «Алмазов С.Н.» Такие надписи и в особенности инициалы, поставленные после фамилии, у нас в институте были не приняты и считались дурным тоном. Непочтительные аспиранты сразу же прочитали С.Н. как некий углеводород Це Аш, что и положило начало прозвищу». С Кроном солидаризируется И. Грекова в «Кафедре»:

– Дудорова Майя, – представилась она, подавая ему тонкую детскую руку. Забавная современная манера – ставить фамилию впереди имени.

– Капулетти Джульетта, – поправил Энэн, – а я Завалишин Коля.

Вот что пишет по поводу этой «забавной манеры» К.И. Чуковский: «И еще один симптом канцелярита: обратный порядок имен и фамилий даже в афишах, даже в интимном разговоре, даже в друже-

ских письмах:

«С искренним приветом Бабельмандебский Александр Александрович».

Даже знакомясь друг с другом, стали теперь говорить:

– Кичеева Анна Сергеевна.

– Ерычев Аполлон Николаевич.

В мое время имя и отчество писались впереди фамилии».

«Происхождение этой формы, – говорит А.А. Крон, – списки, анкеты, ведомости о зарплате, судебные приговоры, наградные листы, где фамилии вполне резонно располагаются по алфавиту. Но в человеческих, бытовых отношениях, далеких от официозности, это кажется мне диковатым».

Между тем даже поэты, даже художники и те нынче пользуются этим казенным оборотом. Одна танцовщица написала мне на своей фотокарточке: «Чуковскому Корнею Ивановичу» – и тем сильно удешевила свой дар» [Чуковский 1963: 213].

«Канцелярит» подвергался уже неоднократно осмеянию. Вот пародия З. Паперного: «Показ Пушкиным поимки рыбаком золотой рыбки, обещавшей при условии ее отпуска в море значительный откуп, не использованный вначале стариком, имеет важное значение. Не менее важна и реакция старухи на сообщение ей старика о неиспользовании им откупа рыбки, употребление старухой ряда вульгаризмов, направленных в адрес старика и понудивших его к повторной встрече с рыбкой, посвященной вопросу о старом корыте».

2) Стилистические ошибки, связанные с отступлением от принципа доступности, в речи школьников практически не встречаются. Чаще всего они наблюдаются в научной литературе и проявляются в злоупотреблении периферийной, малочастотной лексикой, специальной терминологией, в конструировании сложных предложений большого объема. Напр.: «Установление тождества предикативной основы сопоставляемых предложений, относя их к общему ряду грамматического производства, одновременно помогает выявить существен-

ные функционально-семантические различия между ними. Последовательный учёт этих различий раскрывает семантическую сущность любого синтаксико-деривационного процесса, назначение которого состоит в том, чтобы на каждой ступени грамматического производства предложения выразить определенную сторону его совокупной семантики»¹.

Еще ярче с анализируемой точки зрения следующая фраза: категория наклонения – это «совокупность двух глагольных граммем, инвариантно сигнализирующих перепад облигаторной предикации»².

Из диссертации по лингвистике: «Этот вопрос рассматривается в плане формирования прагматики метаязыковой субстанциональности трехкомпонентных локутивных логико-грамматических универсальных средств выражения модальных отношений, гипотетически способных стать элементами моделируемых ингредиентов модальности».

Когда Чичиков попадает в кабинет к полковнику Кошкарёву, то обнаруживает там шеститомный труд под таким заглавием: «Предупредительное вступление в область мышления. Теория общности, совокупности, сущности, и в применении к уразумению органических начал обоюдного раздвоения общественной производительности».

Вот что пишет о «загромождении языка научной прозы нелепыми терминами и словечками» В.Е. Ковский: «...стиль деловой документации до сих пор просится в пародию, а научные работы подчас становятся кладбищем русского языка»³. «...Для языка исследований по целому ряду отраслей науки характерна неотработанность и усложненность стиля (а отсюда – немотивированная затемненность смысла) и произвол в области словообразования и словоупотребления»⁴. «В научной лексике поражает обилие слов, не являющихся

¹ Блох М.Я. Проблема тождества предложения в свете соотношения понятий синтаксиса, семантики и информации // Вопр. языкознания. – 1977. – №3. – С. 79.

² Жеребков В.А. К вопросу о семантической структуре категории наклонения // Сб. докл. и сообщ. Лингв. о-ва (Калинин. гос. ун-т). – Калинин, 1973. – 3, вып. 2. – С. 33.

³ Ковский В.Е. Письмо в редакцию (о загромождении языка научной прозы нелепыми терминами и словечками) // Вопр. языкознания. – 1961. – №1. – С. 142.

⁴ Там же.

принадлежностью русского литературного языка и в то же время не относящихся к терминологии»¹. Например, в статьях геологов читаем: «широкое площадное распространение», «приурочивать» (к месту), «ёмкость уединённого провода», «закон провинциальности и вертикальной поясности», «нацело» (вместо «целиком», «полностью»), «внутриорганизменный», «икромечет» (мечет икру), «кислование» и «землевание» (окисление щелочных почв и покрытие солонцов земель), «маловодообильность» (как «беднобогатость»), «наступление ледника», «перелетовывающая птица», «мясокрасный», «отмелый», «стояние моря», «совнутри», «кпреди», «кзади», «культуры, возможные к возделыванию» и т.п.

Доктор филологических наук И. Тойбин (Курск) пишет: «Давно пора, по-моему, поднять вопрос о языке современных литературоведческих книг. Почитайте многие пушкиноведческие штудии – без справочников, словарей, пособий их просто не понять.

Из книжек одной очень интересной пушкиноведческой серии можно выписать десятки заумных, а порой и лишенных смысла слов: виртуальный, метатекст, имплицитный, парадигма, интенция, доструктурный, вариативность, дискретный, метатип, дискурсивный, валентность, инвариантность, многоконтекстность, контрагенты и т.п. и т.п.

Особенно мила исследователям амбивалентность, они ее прямо-таки обожают. Когда дело доходит до нее, они приходят в неописуемый восторг. Какими только определениями они не наделяют свою любимицу: «семантическая амбивалентность», «расплывчатая амбивалентность», «амбивалентное равновесие», «амбивалентность меланхолии».

И это о Пушкине!

О пушкинском романе «Евгений Онегин» читаем: «Пушкин не ограничивается построением структурных противоречий, но подключает к фабульной семантике обобщающие рефлексии авторского ми-

¹ Там же.

ра, намеренно создавая полную семантическую неопределенность, призванную отобразить такое же свойство универсума»¹.

«Надо откровенно признать, – говорит Л. Скворцов, – что у нас еще немало публикаций (и не только в области филологии), в которых отсутствие свежей научной мысли прикрывается ненужными, как правило, заимствованными новомодными терминами. А между тем писать просто и ясно (как это ни покажется парадоксальным) гораздо труднее, чем писать сложно, путано и неясно»².

В «Литературной газете» (01.07.81) была напечатана следующая реклама:

«Вам, книголюбы!

В издательстве «Наука и скука» вышла в свет монография английского ученого Гарольда Нонсенса «Критическое метафизирование абстракции и дискредитация тенденции церебрального субъективизма». Автор в легкой и доступной форме излагает свою теорию константной экзибиции элоквентного гомеостаза. Книга рассчитана на широкие круги читателей».

3) Следующий тип стилистических ошибок – это многословие, являющееся результатом отступления от принципа краткости речи. Многословие – это неоправданно развернутое описание («разжевывание») простых и бесспорных истин, повторное выражение уже выраженной мысли. Напр.: «Кедры нередки в нашей тайге. Они встречаются довольно часто»; «Расскажу о тех прошедших матчах, которые были»; «Ниже помещаем ответы специалистов на заданные нашим корреспондентом вопросы»; «Победителем конкурса стала повар кафе «Вареничная» филиала столовой №4 Елена Дроздецкая. Она завоевала первое место»; «Аборигены, являющиеся коренными обитателями страны, в период колонизации Америки и Австралии были в значительной мере истреблены»; «Импортные товары, которые поступили из других стран, пользуются большим спросом»; «Егорка

¹ Тойбин И. «В аспекте амбивалентности...» // Лит. газета. – 30.03.83.

² Скворцов Л. Еще раз о «колючках» // Лит. газета. – 10.08.83.

был голодным. Он очень хотел есть»; «Дедушка весь вечер молчал. Он не сказал ни слова»; «Никто не опоздал. Все пришли вовремя»; «Река была ледяной. Вода в ней очень холодная»; «Марусе было очень холодно. Она замерзла»; «Мальчик стоял, опустив голову. Он смотрел вниз»; «Ласточка взлетела высоко. Полетела она вверх»; «Мальчик увидел очень крошечную комнатку. Она была совсем маленькой»; «Брюс удивлял гостей, которые к нему приезжали»; «Это ещё является тайной, которая ещё не раскрыта»; «Ее маму можно быстро поставить на ноги, исправить её здоровье» и т.д.

4) Отступления от принципа богатства речи заключаются в неоправданных повторах слов, форм и оборотов, которые делают речь бедной, однообразной. Напр.: «Поэт верил в будущее народа, верил, что такой могучий народ, как русский, может завоевать счастье. Он не только верил в это будущее, но и призывал к борьбе за него; он верил, что жизнь будет лучше». Или: «Гагарин мечтал быть летчиком. Он окончил ремесленное училище, потом работал и учился дальше. Потом Юрий Гагарин поступил в школу летчиков. Он выучился на летчика и стал хорошим летчиком»¹.

Автору этой работы – семикласснику – было предложено устранить повторы. Ученик переработал текст следующим образом: «Гагарин мечтал быть летчиком. Он окончил ремесленное училище, потом работал и учился дальше. Затем Юрий Гагарин поступил в авиационную школу. Он выучился на летчика и стал хорошим пилотом».

Как видно из этого эксперимента, необходимо специально нацеливать учеников на предотвращение речевого однообразия.

Вот еще несколько примеров:

«Летом я был (отдыхал) в деревне. Деревня была (расположена) на берегу. Лето было (выпало, удалось) жаркое. Я купался и загорал на солнышке. Если был (шел) дождь, то трава тоже была (делалась)

¹ Пример заимствован из книги: Пленкин Н.А. Предупреждение стилистических ошибок на уроках русского языка: Пособие для учителя. – М.; Л., 1964. – С. 25.

мокрой, на ней были (оставались, висели) капельки воды. Хорошо в деревне!»; «Иванов вторично избран классом старостой»; «Он был поднят слоном хоботом»; «Картина написана маслом художником»; «Он назначен министром директором»; «Приступили к подготовке к соревнованию»; «Мы беседовали с инженером с большим стажем»; «Это тетрадь сына брата директора»¹; «Я прочитал книгу, которую дал мне мой друг, который живет в соседнем доме».

Аналогичные примеры из газет:

«Два дня напряженных дискуссий на сессии не привели к соглашению по основному пункту повестки дня – об установлении цен на сельскохозяйственные продукты на период 1969/70 г. Бельгия и Франция настаивали на сессии на необходимости «заморозить» цены, то есть оставить их на нынешнем уровне до принципиального решения вопроса об изменении политики цен на сельскохозяйственные продукты в «общем рынке».

Однако из-за противоречий между партнёрами не было достигнуто никакого соглашения. Этот вопрос снова передан на рассмотрение экспертов и будет вновь обсуждаться через месяц на очередной сессии совета министров «общего рынка» [Изв. – 20.02.69]; «Врачу-гигиенисту приходится решать вопросы государственной важности, для чего ему нужна высокая эрудиция не только в вопросах медицины, но и биологии, экономики, статистики и других наук» [Комс. правда. – 09.09.73]; «Становится общим местом говорить о песнях, где говорится о любви»; «В связи со сложившейся ситуацией в городе объявлена чрезвычайная ситуация»; «В теле были обнаружены инородные тела»; «Выбор имени по святцам предполагал некий выбор», «Но, как говорят, не говори «Гоп!», пока не перепрыгнешь», «Это достаточно самодостаточный человек», «Это сделано в соответствии с соответствующей резолюцией ООН», «Основы госу-

¹ Использование в предложении двух или нескольких одинаковых падежных форм отрицательно сказывается и на доступности речи.

дарственной власти будут потрясены основательно», «Вы, наверняка, верно ответите на мой вопрос».

Борясь с бедностью речи, нужно в то же время помнить, что повтор может быть использован как стилистический прием. Напр.: «Он (Алексей. – Ю.Ф.) ушел в себя. Он не жаловался, не плакал, не раздражался. Он молчал» (Б. Полевой);

«Пусть всегда будет солнце,
Пусть всегда будет небо,
Пусть всегда будет мама,
Пусть всегда буду я» (песня);

«Небо на востоке зеленеет. Голубым хрусталём загорается на заре Венера. Это лучшее время суток. Еще все спит. Спит вода, спят кувшинки, спят, уткнувшись носами в коряги, рыбы, спят птицы, и только совы летают около костра медленно и бесшумно, как комья белого пуха» (К. Паустовский).

5) К числу стилистических относятся ошибки, связанные с отступлением от принципа благозвучия речи. Благозвучие речи нарушают скопление шипящих и свистящих, скопление гласных на стыке слов, стечение (повторение) одинаковых слогов, случайные созвучия, позволяющие воспринимать речь иначе, чем это задумано говорящим, повторение одних и тех же или однокоренных слов. Напр.: «За эти годы он стал специалистом, накопившим большие инженерные знания, обладающим широкой эрудицией», «встретившись с сопротивлением», «сговорясь с соседом», «без сильной России»; «глаза у Ули», «не у Ольги, а у Иоанна», «а у Ауэра», «и у аорты»; «Какая река широка, как Ока?», «Совестливы ли вы?», «работа по пополнению семенного фонда картофеля», «работа по популяризации знаний», «об обострении внутреннего положения в Ливане», «об обобществлении средств производства», «об объективно существующих законах»; «Мы ветераны, мучат нас раны...» (из книги В. Маяковского «Как делать стихи?»).

6) Образность справедливо считают качеством литературно художественной речи. Немотивированное использование элемен-

тов образности в публицистической и бытовой речи (не говоря о речи деловой!) ощущается как стилистический изъян. Напр.: «В пламенные годы войны он получил тяжелое ранение в грудь и на всю жизнь остался инвалидом»; «Молодой дояркой овладело неугасимое желание еще больше увеличить надой молока от своей черноокой красавицы Буренки!»; «Разнообразные методы закаливания организма холодной водой должны найти должное место в нашей кипучей жизни»; «Окрыленная наградой, я всю неделю боролась за повышение производительности труда», – рассказывала счастливая мастерица своим подругам по общежитию»; «Здесь в скором времени запульсирует неугомонное сердце завода – вторая очередь ТЭЦ»; «Тишина владевает в цехе после окончания смены».

Эти ошибки, по-видимому, можно рассматривать и как отступления от требования уместности.

7) Отступления от принципа своеобразия речи проявляются в использовании так называемых речевых штампов и универсальных слов. Речевой штамп – это первоначально образное словосочетание, которое в результате слишком частого употребления утратило образность и вызывает ощущение повторяемости, стертости, заимствованности, отсутствия творчества, самобытности; «...это подделка под истинно творческое, чужая творческая находка, выдаваемая за «свою», употребляемая обычно десятки и сотни раз лицами, неспособными или не желающими создавать что-то оригинальное в сфере искусства, в том числе и искусства речи» [Панфилов 1984: 191]; это стертый образ, обезличенная метафора. Важно помнить, что впечатляющая сила выражения обратнопропорциональна его частотности. «Штампы бывают там, где ожидается проявление собственного «я»...» [Панфилов 1984: 193], т.е. в литературно-художественном и публицистическом стилях. Вот несколько примеров штампов (использовавшихся в советской публицистике): «люди в белых халатах», «маяки производства», «линейка готовности», «командиры производства», «разведчики земных недр», «труженики полей» (комбайнеры),

«королева полей» (кукуруза), «люди огненной профессии» (металлурги), «бойцы огненного фронта» (пожарные), «королева спорта» (легкая атлетика), «царица полей» (пехота), «бог войны» (артиллерия), «черное, белое и т.д. золото», «стальные артерии», «голубые магистральи», «эстафета поколений», «горячая поддержка», «резкая критика», «битва за хлеб», «получить прописку», «уйти на заслуженный отдых», «выполнять интернациональный долг», «радостная весть облетела», «дать путевку в жизнь», «дать зеленую улицу», «справить новоселье» и т.д.

Штампы могут наблюдаться в рамках отдельного художественного произведения (текста).

Штампы – это всегда вторичная, необязательная номинация. Ср.: *врачи – люди в белых халатах*.

Штамп отличается от прямых номинаций торжественно-риторической, высокой окраской, поэтому высокие контексты не могут от них полностью отказаться.

От штампов принято отличать клише. Клише – это устойчивые речевые формулы, стандарты официально-делового стиля. Напр.: «вещевое довольствие», «денежное вознаграждение», «постельные принадлежности», «за отчетный период», «заслушав и обсудив», «принимая во внимание», «выдана для представления», «На Ваш №... сообщаем», «отмечены следующие недостатки» и т.п. Штамп – это нарушение стилистической нормы, клише – нормативное явление официально-делового стиля. Штампов нужно избегать – клише нужно знать и в соответствующих документах использовать.

Заметим, что многие языковеды продолжают синонимизировать термины *штампы*, *клише*, *шаблоны* и *стандарты*.

«Многие авторы, – пишет А.К.Панфилов, – употребляют слово «штамп» в «расширительном значении и говорят, например, о «канцелярских штампах»... Между тем здесь мы имеем дело с фразеологизированными выражениями, имеющими официально-деловую окраску. Деловая речь по своей природе в максимальной степени стандартизована и не требует проявления индивидуально-авторского

начала. Поэтому в деловой речи и штампов быть не может» [Панфилов 1984: 191].

Ша́мпы и клише нельзя смешивать с фразеологическими оборотами, пословицами и поговорками. Фразеологические обороты — это единицы общенародного языка, фиксируемые в толковых и фразеологических словарях. Ша́мпы и клише — явления речи, в словарях, естественно, не фиксируемые. Фразеологические обороты, пословицы и поговорки украшают речь, ша́мпы — портят, а клише экономят речевую энергию и позволяют добиваться большей точности речи. Ср.: *тертый калач* — фразеологизм, «дать зеленую улицу» — ша́мп, а *заслушав и обсудив* — клише.

Сухой, однообразной и стандартной делают речь и т.н. универсальные слова. Универсальными называют слова, частотность которых явно превышает норму. К их числу относятся: «показал», «подчеркнул», «раскрыл», «указывает», «охватить», «разговор» и др. Особенно не повезло слову «вопрос», кочующему из фразы в фразу. Его и ставят, и заостряют, и касаются, и тормозят, и затрагивают, и поднимают, и регулируют, и утрясают, и проваливают, и утрамбовывают. Один пропагандист сказал: «Догоним Америку по вопросу мяса». Юноша, увидев плачущую девочку, спрашивает ее: «Ты по какому вопросу плачешь?» Газета пишет: «Георгий Гречко коснулся вопросов пропаганды космических исследований и ответил на вопросы журналистов». Модным словечком научных работников стал сейчас глагол *работать*: «Эта концепция хорошо работает», «Предложенная автором методика не работает» и т.д. Не менее назойливо словечко *обговорить* — претенциозный эквивалент слова *обсудить*. Ораторы часто злоупотребляют словом *товарищи*, хотя у него есть много синонимов: *друзья, коллеги, уважаемые слушатели* и т.д., а теперь и *господа, сударыни*.

Б. Краевский пишет: «Среди языковых штампов и огрехов особенно опасны те, что в повседневной газетной спешке и не воспринимаются уже как огрехи... Битва за урожай. Почему мы называем работу хлебороба «битвой»? А почему, описывая труд металлургов,

мы говорим: сражение за металл? В одной газете я видел обращение к работникам птицеферм идти в бой за куриные яйца!.. Стремясь удивить, написать «покрасивее», мы очень часто переступаем меру вкуса, а порой и здравый смысл... Братья-газетчики! Все как один в окопы переднего края битвы за предельную точность нашего профессионального оружия! И пусть единственным победителем в этом генеральном лингвистическом сражении будет наше «печатное золото»!»¹

¹ Краевский Б. О пороховом дыме и финишной прямой // Журналист. – 1967. – №6. – С. 45.

Правила орфографии и орфографические ошибки

Орфография – это совокупность правил написания слов. Действующие правила русской орфографии зафиксированы в «Правилах русской орфографии и пунктуации» (М., 1956). Вспомним основные правила современной русской орфографии.

Как известно, орфография состоит из 5-и основных разделов: 1) передача буквами фонемного состава слов; 2) слитные, раздельные и полуслитные (дефисные) написания слов; 3) употребление прописных и строчных букв; 4) способы переноса слов с одной строки на другую; 5) графические сокращения слов.

1) Передача буквами фонемного состава слов

Ведущий принцип русской орфографии – фонематический (фонологический, фонемный). Это значит, что буквенный состав морфем и слов определяется их фонемным составом. Напр.: *молодой* (потому что *молод* и *моло́же*), *весёлый* (потому что *весел* и *весё́лье*), *сад* (потому что *сады*), *просьба* (потому что *просить*), *комитет* (потому что *местком*), *корабль* (потому что *линкор*), *фрезеровщик* (потому что *фрезерный*), *заботливый* (потому что *говорливый*), *на стуле* (потому что *на столе*) и т.д. Эти написания называют еще проверяемыми.

Кроме фонематических (которые полностью преобладают), в русском письме есть написания традиционные (исторические, непроверяемые) и фонетические (звуковые, отражающие не постоянный фонемный, а меняющийся звуковой состав морфем и слов). Примеры традиционных написаний: *вокзал*, *собака*, *стакан*. Примеры фонетических написаний: *розвальни* – *развал*, *розыск* – *разыскивать*, *россыпь* – *рассыпать*, *абстрагировать* – *абстракция*, *реагировать* – *реакция*, *транскрибировать* – *транскрипция*. Кроме того, наблюдаются т.н. дифференцирующие написания: *туш* – *тушь*, *плач* – *плачь*, *рож* – *рожь*, *орёл* – *Орёл* и т.п.

Самыми грубыми в этом разделе являются ошибки, связанные с нарушением фонематического принципа русской орфографии: «тро-ва», «пребывший», «заботлевый», «в шляпи», «прозьба» и т.д. Менее грубыми следует считать ошибки типа «камитет» и «карабль», предполагающие проверку с помощью аббревиатур (*местком*), тем более – малочастотных (*линкор*).

2) Слитные, раздельные и полуслитные (дефисные) написания

Слитные и раздельные написания подчиняются принципу отдельности слова: самостоятельные слова пишутся раздельно, а части слова – слитно. Напр.: *Он мне не приятель, а друг – Неприятель начал стягивать войска; Мы едим, чтобы жить – Я уеду, чтобы мне ни говорили; Успехи налицо – На лицо упала тень.* Полуслитные (дефисные) написания используются для обозначения переходных и неясных фактов. Напр.: *чуть-чуть, давным-давно, мало-помалу, волей-неволей, 10-летний, бой-баба, премьер-министр, генерал-майор, избачитальня, пила-рыба, киловатт-час, северо-восток, Римский-Корсаков, Орехово-Зуево, мать-старуха, черно-белый, по-русски, по-иному.*

Часто наблюдающаяся непоследовательность и противоречивость этих написаний объясняется сложностью самих фактов языка.

3) Употребление прописных и строчных букв

Прописные буквы пишутся в начале текста и предложения. С прописной буквы пишется первое слово прямой речи и цитаты, имеющей форму самостоятельного предложения. С прописной буквы пишутся имена, отчества, фамилии, псевдонимы, прозвища, клички, географические, административно-территориальные и иные названия, названия исторических событий, эпох и явлений, исторических документов, произведений искусства, праздников и знаменательных дат,

высших правительственных учреждений и организаций, литературных произведений, газет и журналов, аббревиатуры, читаемые по названиям букв. С прописной буквы пишутся прилагательные, образованные от имен и фамилий людей: а) если они являются притяжательными и имеют суффиксы *-ов(-ев)* или *-ин* (*Марксов «Капитал»*, *Далев словарь*, *Лизина тетрадь*), б) если они входят в состав названий, равных по смыслу «имени», «памяти» такого-то (*Ломоносовские чтения*).

4) Способы переноса слов с одной строки на другую

Существуют несколько правил переноса слов с одной строки на другую.

Нельзя оставлять в конце строки и переносить на другую строку часть слова, не образующую слог; нельзя, например, «просмотр», «страх».

Нельзя отделять согласную от следующей за ней гласной; нельзя, напр.: «зах-од», «приз-ыв», «каб-ан».

Не разрешается переносить часть слова, начинающуюся с *ы*: «раз-ыскать», «роз-ыгрыш».

При переносе слов с приставками нельзя оставлять в конце строки при приставке начальную часть корня, не образующую слог: «прис-лать», «подб-росить».

В некоторых случаях возможны варианты переносов: *шум-ный*, *шу-мный*; *дерз-кий*, *дер-зкий*, *де-рзкий*; *род-ство*, *родст-во*, *родс-тво*.

Нельзя переносить на другую строку пунктуационные знаки (кроме тире, стоящего после точки или после двоеточия перед второй частью прерванной прямой речи).

Нельзя оставлять в конце строки открывающую скобку и открывающие кавычки.

5) Графические сокращения слов

При стечении двух или нескольких согласных сокращение следует делать после последней согласной: *искусств.* (а не «искусст.», «искусс.», «искус.»). При стечении двух одинаковых согласных со

кращение делается после первой согласной: *грам. ошибка* (а не «грамм. ошибка»), *чл.-кор.*, *дис.*

Правилами предусмотрено большое число общепринятых сокращений: *т.е.*, *и т.д.*, *и т.п.*, *и др.*, *см.*, *ср.*, *напр.*, *в.*, *г.*, *гг.*, *т.*, *обл.*, *р.*, *гр.*, *с.*, *акад.*, *проф.*, *доц.*, *ж.д.*, *ж.-д.*, *им.* и т.д.

Существует особый ГОСТ сокращений – «Сокращение слов на русском языке. Общие требования и правила» [ГОСТ 7.1 –2003],¹ применяемый в подзаголовках. Приведем наиболее частотные факты: *авт.* (автор), *автореф.* (автореферат), *ассист.* (ассистент), *введ.* (введение), *вестн.* (вестник), *вопр.* (вопросы), *вып.* (выпуск), *высш.* (высший), *газ.* (газета), *дек.* (декабрь), *дис.* (диссертация), *докл.* (доклад), *д-р* (доктор), *др.* (другие), *журн.* (журнал), *зав.* (заведующий), *изв.* (известия), *изд.* (издание), *изд-во* (издательство), *ин-т* (институт), *канд.* (кандидат), *каф.* (кафедра), *кн.* (книга), *конф.* (конференция), *лингв.* (лингвистический), *м-во* (министерство), *нояб.* (ноябрь), *пед.* (педагогический), *печ.* (печатный), *преп.* (преподаватель), *пробл.* (проблема), *проф.* (профессор), *ред.* (редактор и редакция), *рец.* (рецензия), *сб.* (сборник), *след.* (следующий), *сост.* (составитель), *соч.* (сочинение), *степ.* (степень), *тез.* (тезисы), *т.* (товарищ), *тр.* (труды), *ун-т* (университет), *учеб.* (учебный), *фак.* (факультет), *филос.* (философский), *ч.* (часть), *энцикл.* (энциклопедический), *яз.* (язык), *Уч. зап.* (Ученые записки); прилагательные и причастия сокращают отбрасыванием конца слова: *ленингр.*, *алт.*, *зон.*, *орл.*, *кур.*, *полит.*, *новосиб.*, *телевиз.* и т.д.

Орфографические ошибки – это нарушения правил орфографии. Эти ошибки имеют место только в письменной речи. Не являются орфографическими ошибки типа «транвай», «колидор», «щербет», «инциндент»: это ошибки произносительные, отразившиеся и на письме.

Не являются также орфографическими ошибки типа «скипел» (вместо *вскипел*), «спотел» (вместо *вспотел*), «спекла» (вместо *испек-*

¹ См.: Рябинина Н.З. Настольная книга редактора и корректора деловой литературы. – М., 2004. – С. 269-282.

ла), «в глазе», «по возвращению», «по приезду»: это ошибки морфологические.

К орфографическим учителя нередко относят даже синтаксические ошибки, напр.: «Плюшкин – ужасная скряга» (вместо *ужасный скряга*).

Правила пунктуации и пунктуационные ошибки

Пунктуация – это система знаков препинания и правил их использования для отражения на письме синтаксического членения речи.

Нарушения правил пунктуации порождают пунктуационные ошибки. Приведем несколько примеров: «Знакомьтесь, Балугев» (*Знакомьтесь: Балугев!*); «Осторожно, бабушка» (*Осторожно: бабушка!*), «Рябчики говорят: охотники любят дремать на деревьях» (*Рябчики, говорят охотники, любят дремать на деревьях*); «Ольга сидела на скамейке, которая находилась в сквере, и ждала подругу» (*Ольга сидела на скамейке, которая находилась в сквере и ждала подругу*); «Когда солнце село с бляением и ревом, прошло стадо» (*Когда солнце село, с бляением и ревом прошло стадо*); «Начальнику цеха №35 от работницы цеха Васильевой В.А. заявление. Прошу дать мне административный отпуск, так как я выхожу замуж на три дня» (*Прошу дать мне административный отпуск, так как я выхожу замуж, на три дня*); «Купец 2-й гильдии Гудалов родился в 1861 году, умер в 1913 году от любящей жены» (*Купец 2-й гильдии Гудалов родился в 1861 году, умер в 1913 году. От любящей жены*).

Таким образом, к числу речевых ошибок относятся ошибки про-

износительные, лексические, фразеологические, морфологические, синтаксические, стилистические, орфографические и пунктуационные.

Кроме перечисленных, в речи встречаются ошибки логические и фактические.

Правила логики и логические ошибки¹

Логические ошибки – это нарушения правил (законов) логики, т.е. законов тождества, противоречия, исключенного третьего и достаточного основания [см.: Рахманин 1997: 143]. Если сказать проще, то это 1) смешение понятий, 2) соединение несоединимых понятий, 3) противопоставление понятий, на самом деле не исключających друг друга, и 4) обнаружение причинных связей там, где их нет. Проиллюстрируем и коротко охарактеризуем эти ошибки.

1) «Из 60 заявлений выбрали 9 человек». В этой фразе имеет место смешение понятий (и вещей) «заявления» и «люди». Выбрать 9 человек из 60 заявлений невозможно. Чтобы устранить указанную логическую ошибку, можно было бы сказать: *Из 60 заявлений выбрали 9 (заявлений!)* или *Из 60 человек выбрали 9 (человек!)*. Другие примеры: «В совещании приняли участие СССР, Корея, Монголия и другие европейские страны» (Корея и Монголия – не европейские страны); «Эти товары не уступают западным производителям» (сопоставляются разнопорядковые понятия – «товары» и «производители»).

2) «Она принимает всё на веру только после тщательной проверки и оценки». Понятия «на веру» и «только после тщательной проверки и оценки» исключают друг друга. Нужно написать или *Она*

¹ О правилах логики и логических ошибках см.: Уёмов А.И. Логические ошибки: Как они мешают правильно мыслить. – М., 1958. – 119 с.; Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. – М., 1975. – С. 426-429, 313-314; Кондаков Н.И. Логика. – М., 1954. – С. 204-208, 464, 450, 463, 344-353 и др.; Рахманин Л.В. Стилистика деловой речи и редактирование служебных документов. – 4-е изд., стер. – М., 1997. – С. 143-150 и 118-121; Введенская М.А., Павлова Л.Г. Культура и искусство речи: Современная риторика. – Р/Д, 1996. – С. 449-458, 461-465.

принимает всё на веру, или Она соглашается только после тщательной проверки и оценки. Другие примеры: «...главный и единственный спонсор фестиваля...» (о главном спонсоре можно говорить только в том случае, если он не единственный: главный – первый среди многих); «И ещё самое важное» (*ещё* означает «в дополнение», а *самое важное* не является дополняющим); «Патриотизм Толстого проявился и в том, что он в целом неверно показал две исторические личности – Кутузова и Наполеона» (патриотизм не может проявляться в неверном, ошибочном показе Кутузова и Наполеона); «Меняю 2-комнатную квартиру со всеми удобствами (кроме горячей воды), отопление печное...» (поскольку в квартире нет ни горячей воды, ни централизованного отопления, нельзя считать её квартирой со всеми удобствами); «Состояние больного удовлетворительное, температура нормальная. Стула не было, был обход профессора»; (нельзя ставить в один ряд понятия «стул» и «обход профессора») «У больного имеются жена, две дочери и прямая паховая грыжа» (понятия «жена», «две дочери» и «грыжа» являются разнопорядковыми).

3) «Мария Андреевна хорошо знала не только литературу, но и семьи учащихся» (понятия «знать литературу» и «знать семьи учащихся» не являются противопоставленными); «Граждане и студенты! Приобретайте проездные билеты!» (студенты тоже являются гражданами); «В продаже имеется: мужская и женская обувь отечественного производства и новосибирского кожевенно-обувного комбината» (нельзя противопоставлять новосибирскую обувь обуви отечественного производства).

4) «Несмотря на дождливую погоду, дружба между отрядами и друг между другом не прекращалась». Человек, построивший эту фразу, ошибочно полагает, что дружеские отношения людей зависят от погоды. Другие примеры: «Прошу принять меня в члены профсоюза, так как я никогда им не был» (можно никогда не быть членом профсоюза и не желать в него вступать); «Граждане пассажиры! Отсутствие мелочи не освобождает вас от штрафа за проезд без билета»

(можно решить, что наличие мелочи освобождает человека от штрафа за проезд без билета); «Ввиду болезни моей жены, я чувствую себя хорошо и прошу отпустить меня досрочно из санатория» (автор заявления чувствует себя хорошо не потому, что его жена больна).

Фактические ошибки

Фактические ошибки объясняются недостаточным знанием предмета речи, внеязыковой действительности, описываемых фактов. Напр.: «Сто лет назад радио принесло нам печальную весть: от руки наёмного убийцы погиб Пушкин» (в эпоху Пушкина радио ещё не было); «И вечный бой, покойникам не спится!» (правильно: *...покой нам только снится*); «Старуха из Юрги» – одна из лучших повестей Горького» (правильно: «Старуха Изергиль»).

Повторим еще раз: логические и фактические ошибки имеют место в речи, но не являются в строгом смысле слова речевыми, потому что речевые ошибки – это нарушения норм языка.

Если к 8 ранее перечисленным типам речевых ошибок прибавить ошибки логические и фактические, то мы получим 10 типов ошибок, с которыми сталкивается учитель-словесник, проверяя письменные работы школьников.

В заключение дадим простой, но важный совет: чтобы разобраться в природе ошибки, нужно не полагаться на интуицию, а обязательно проверить слово, форму и конструкцию по орфографическому, орфоэпическому, толковому, фразеологическому или синонимическому словарю, привлечь материалы справочников и грамматик.

Способы обозначения ошибок

Большое практическое значение имеет система обозначения ошибок в письменных работах школьников. Система эта должна быть научной, последовательной и простой.

В методической литературе представлены два типа таких систем – вербальный (словесный) и символический. Сторонники вербальной системы предлагают прибегать к коротким замечаниям на полях (ти-

па: «Не то слово», «Неправильное согласование», «Порядок слов» и т.д.; см., напр.: [Пленкин 1964: 131, 132]). Главный и очень серьезный недостаток этой системы – то, что она требует от учителя огромных затрат времени.

Сторонники символической системы предлагают использовать условные знаки, символы ошибок (круг, треугольник, эллипс, квадратный корень, разные типы линий и т.п.¹). Эта система удобна тем, что экономит время учителя, однако она с трудом усваивается, и это снижает ее ценность.

Чтобы снять этот недостаток, следует, на наш взгляд, прибегать к сокращению общепринятых наименований, используя их первые буквы (а при возникновении омонимии – сочетания букв) и сохранив для орфографических и пунктуационных ошибок традиционные обозначения. В таком случае система обозначений ошибок примет следующий вид:

произносительные –	Пр,
лексические –	Л,
фразеологические –	Фраз,
морфологические –	М,
синтаксические –	С,
стилистические –	Ст,
орфографические –	И,
пунктуационные –	В,
логические –	Лог,
фактические –	Ф.

Желая дать более конкретную характеристику ошибки, учитель может использовать записи типа: Л, тавт.; С, управление (С, упр.); С, согласование; С, порядок; С, дублирование подлежащего; Ст, неум. слово; Ст, повтор; Ст, штамп. Кроме того, в целях экономии времени

¹ См., напр.: Баранов М.Т., Ладыженская Т.А. Воспитание самостоятельности учащихся в работе над речевыми недочетами в изложениях и сочинениях (V – VII классы) // Самостоятельная работа учащихся на уроках русского языка. – М., 1962. – С. 120-122; Шаповалова Т.А. Указ. Соч. – С. 15-16.

целесообразно использовать и традиционную волнистую линию (а также вопросительный знак), которая будет обозначать всякую ошибку, за исключением орфографической и пунктуационной.

В практике преподавания русского языка, при проверке сочинений можно использовать корректурные знаки. (Во всяком случае, их нужно знать.) Приведем их.

↯к	Заменить неверную букву, цифру, знак
∟к	Вставить недостающую букву
√	Вставить слово
<u>А</u>	Заменить маленькой буквой
<u>а</u>	Заменить большой буквой
∟~	Выкинуть лишнюю букву
└──┐~	Выбросить слово
<u>слово</u>	Заменить слово
└─X─┐	Оставить как было
↷	Поменять местами соседние буквы
└┐	Поменять местами соседние слова или группы слов
<u>1</u> <u>2</u> <u>3</u>	Поставить слова в нужной последовательности
~~	Набрать в подбор (соединить текст)
Z	Сделать абзац
└─	Начать без отступа
└┐	Увеличить пробел между буквами
└┐	Уничтожить пробел между буквами
=	Поставить дефис
Ⓐ	Ниже строки
Ⓐ	Выше строки
-----	Сделать разрядку
~~	Набрать курсивом
_____	Набрать полужирным
<u>своим</u>	Набрать основным шрифтом

СТИЛИСТИКА РУССКОГО ЯЗЫКА

Стилистика – это наука о стилях языка, о стилистических качествах языковых единиц, о качествах образцовой речи. Основным понятием стилистики является понятие стиля.

Общая характеристика стиля

Слово *стиль* происходит от латинского *stilus* (в греческом – *stylos*), означавшего палочку с заостренным концом для писания на навощенных дощечках. На другом конце палочки была лопаточка, которой разглаживали воск, когда нужно было стереть написанное или исправить ошибку. Гораций, кстати, советовал «почаще перевертывать стиль», т.е. стирать написанное, не довольствуясь первым выражением мысли, совершенствовать способ выражения. Постепенно у этого слова появляется новое, образное (метонимическое) значение – «манера письма, способ изложения, слог». В этом новом значении слово было заимствовано всеми европейскими языками. На русском языке это слово впервые было употреблено в 1659 г. в трактате по гомилетике. (Гомилетика – это учение о построении церковных проповедей.)

В современном русском языке слово *стиль* имеет 4 значения: «1. Совокупность признаков, характеризующих искусство определенного времени и направления или индивидуальную манеру художника в отношении идейного содержания и художественной формы. *Романтический стиль в литературе. Русский оперный стиль. Готический стиль. Стили в живописи.* 2. Совокупность приемов использования средств языка, характерная для какого-л. писателя или литературного произведения, направления, жанра; особенности в построении речи и

словоупотреблении, манера словесного изложения. *Газетный стиль. Былинный стиль. Стиль фельетона. Лаконический стиль изложения.* ... 3. ...Способ осуществления чего-л., отличающийся совокупностью своеобразных приемов. *Стили гребли...* 4. *Разг.* Манера вести себя, говорить, одеваться и т.п. ...» [Словарь IV: 365]. Мы сосредоточим свое внимание на лингвистическом понимании этого термина.

Современная общественная жизнь характеризуется исключительным многообразием форм человеческой деятельности, многообразием сфер общения. Язык как орудие общения должен обеспечивать каждую сферу общения специфическими языковыми средствами. Реагируя на эту социальную потребность, язык постепенно дифференцируется на стили, соответствующие разным сферам общения людей. Как пишет В.П. Мурат, «функциональные стили языка – это соответствующие тем или иным сферам человеческой деятельности разновидности общенародного литературного языка, особенности которых обусловлены особенностями и задачами общения в данных областях человеческой деятельности» [Мурат 1957: 8]. Если сказать короче, стиль – это разновидность языка, обслуживающая ту или иную сферу общения. Аналогичное определение дают М.Т. Баранов, Т.А. Костяева и А.В. Прудникова [Русский язык: Справоч. материалы для школьников. – М., 1989. – С. 256-257]: «Стиль языка – это его разновидность, которая обслуживает какую-либо сторону общественной жизни: обыденное общение; официально-деловые отношения; агитационно-массовую деятельность; науку; словесно-художественное творчество». Вместо выражения *разновидность языка* можно использовать выражение *определенная система языковых средств*. Стиль – это «подсистема языка» [Лингв. энц. сл. 1990: 492], его функциональная разновидность, подъязык. «...Стилистика есть лингвистика подъязыков...» [Скребнев 1973: 82].

Если воспользоваться философскими терминами *инвариант* и *вариант*, то язык – это инвариант (общее, устойчивое), а стиль – вариант (разновидность, частное).

Швейцарский лингвист Ш. Балли определял стиль как языковое приспособление человека к общественной обстановке.

В современной общественной жизни обычно выделяют пять основных сфер общения, а в современном русском языке – соответственно – пять основных стилей: в непринужденной беседе на бытовые темы используется разговорно-бытовой стиль, в сфере делопроизводства, в сфере управленческо-административной – официально-деловой (канцелярский) стиль, в сфере политики (публицистики) – публицистический (общественно-политический) стиль, наконец, в сфере словесно-художественного творчества, в сфере художественной литературы – литературно-художественный стиль. Перечисленные стили имеют свои частные разновидности, которые мы назовем позднее. Проиллюстрируем эти стили.

Разговорно-бытовой стиль: «Продвигайтесь, бабоньки, дайте другим залезть!»

Научно-технический стиль: «Среди многих причин языковых изменений есть основания назвать и миграцию населения, способствующую распространению и стабилизации того или иного новообразования».

Официально-деловой стиль: «По прибытии на место назначения Вам надлежит явиться по нижеуказанному адресу».

Публицистический стиль: «Обмен визитами государственных деятелей стран с различным общественным и политическим строем имеет исключительное значение для нормализации и улучшения отношений между государствами».

Литературно-художественный стиль: «Когда ж постранствуешь, воротисься домой, И дым отечества нам сладок и приятен» (Гриб.).

Стили современного русского языка (в отличие от стилей языка XVIII века) не являются абсолютно замкнутыми системами. Их элементы могут перемещаться из одного стиля в другой, но это всегда отвечает (должно отвечать) определенному заданию и не нарушает общей цельности стиля. Примером такого перемещения может слу-

жить использование научной (профессиональной) терминологии в литературно-художественном стиле в целях создания комического эффекта. Вот как представители разных профессий у Чехова характеризуют своих невест.

1. «Её *habitus* (внешность) не плох. Рост средний. Окраска на-кожных покровов и слизистых оболочек нормальна. Подкожно-клетчатый слой развит удовлетворительно. Грудь правильная, хрипов нет, дыхание везикулярное...» (Роман доктора.)

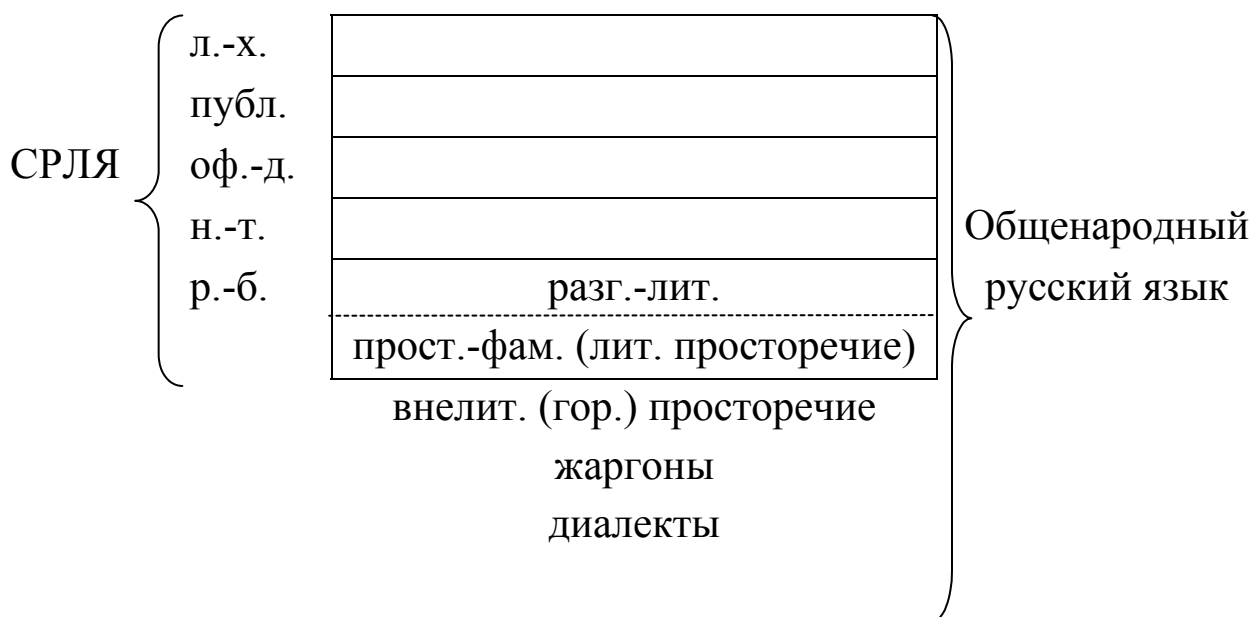
2. «Прямой носик, дивный бюстик, чудные волосы, прелестные глазки – ни одной опечатки... Видя ее нераскаяние... я объявил ей третье предостережение и выслал вместе с премией на родину под надзор родителей, где она находится доселе. Гонорар родителям на кормление жены высылается ежемесячно». (Роман репортера.)

3. «Встретив оную Барабанову, я почувствовал к ней влечение... Имею честь покорнейше, ваше превосходительство, ходатайствовать о разведении меня с женой». (Роман адвоката.)

В этом отношении современная система стилей резко отличается от той, которая характеризовала язык эпохи Ломоносова. Высокий, средний и низкий стили языка XVIII в., возникшие на базе разных типов языка (русского и церковнославянского), представляли собой четко очерченные, совершенно замкнутые системы. Современная стилистическая свобода представляет собой два шага вперед в стилистическом развитии языка. Во-первых, она увеличивает выразительные возможности языка, число красок в его палитре; во-вторых, она позволяет экономить стилистические средства языка, т.к. для создания того или иного стилистического колорита теперь достаточно лишь нескольких (небольшого числа) стилистически маркированных единиц на нейтральном фоне, как бывает достаточно нескольких ярких мазков на картине художника для создания необходимой атмосферы.

Некоторые школьные учителя синонимизируют термины *литературный* и *книжный* язык. Это неверно. Понятие «литературный

язык» шире понятия «книжный язык». Литературный язык включает в себя не только книжную, но и разговорную речь. Иначе говоря, разговорная речь находится в пределах литературного языка. За пределами литературного языка находятся внелитературное (городское) просторечие, жаргоны и диалекты. Отразим структуру общенародного русского языка в следующей таблице.

Формы речи и стили языка

Как известно, всякий развитой язык проявляет себя в двух формах – устной и письменной. Устная и письменная формы языка (точнее – речи) выделяются с точки зрения их физической субстанции: устная речь проявляется в звуках, а письменная – в буквах. Стили и формы языка коррелируют друг с другом: разговорно-бытовой стиль обычно проявляется в устной форме, а научно-технический, официально-деловой, публицистический и литературно-художественный – в письменной форме. На этом основании последние четыре стиля языка часто называют одним, общим термином – *книжные стили* (или *книжный стиль*) языка. Этим двум терминам в словарях соот-

ветствуют самые распространенные стилистические пометы – *разг.* и *книжн.*

Соответствие между стилями и формами речи иногда нарушается: книжные стили могут реализоваться в устной форме, а разговорный – в письменной. Первое имеет место, например, в публичной лекции, докладе, выступлении, второе часто наблюдается в художественной литературе, в речи персонажей (а также в записках и частных письмах).

Стилистически окрашенные средства языка как материальная база стилей

Что является материальной базой стилей? Материальной базой стилей являются стилистически окрашенные средства языка.

Слова, фразеологические обороты, формы и конструкции языка (т.е. весь его материал, все средства) распадаются на две большие серии. К первой серии относятся единицы, возможные во всех стилях языка. Их называют стилистически не закрепленными, не маркированными, стилистически нейтральными, межстилевыми. Это, например, *дом, рука, хороший, семь, быть* и т.п. Ко второй серии относятся единицы, возможные не во всех стилях языка, а только в одном (или нескольких). Их называют стилистически закрепленными, маркированными, стилистически окрашенными. Это, например, *паренек, папочка, прошвырнуться, адекватный, имидж* и т.п.

Стилистически окрашенные средства языка, в свою очередь, делятся на единицы, имеющие разговорный, и единицы, имеющие книжный характер. Языковые единицы книжного характера делятся на единицы, имеющие научно-техническую, официально-деловую, публицистическую и литературно-художественную окраску. Отразим эту классификацию в следующей схеме.

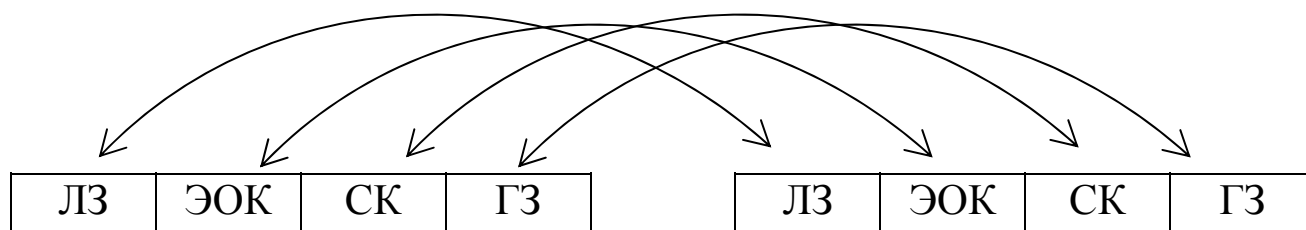
Каждый стиль, каждый текст представляет собой комбинацию межстилевых и стилистически окрашенных единиц языка. Книжная речь представляет собой комбинацию межстилевых и книжных единиц, разговорная – комбинацию межстилевых и разговорных единиц.

Стилистическое согласование единиц языка

Как мы уже сказали, в речи имеет место семантическое (смысловое, лексическое), грамматическое (синтаксическое), эмоциональное (эмоционально-оценочное) и стилистическое согласование единиц языка. Семантическое согласование – это согласование (приспособление) слов по их лексическим значениям (*Собака лает – Петух кукарекает, Корова бодается – Крапива жжется, Птица летит – Змея ползет*). Грамматическое (синтаксическое) согласование – это

согласование (приспособление) слов по их грамматическим значениям (*Поезд пришел – Электричка пришла, Поезд пришел – Поезда пришли*). Эмоциональное согласование – это согласование (приспособление) слов по их эмоциональной (эмоционально-оценочной) окраске (*очаровательное личико – мерзкая харя*). Стилистическое согласование – это согласование (приспособление) слов по их стилистической окраске. Стилистическое согласование наблюдается, например, в сочетаниях *написать* (нейтр.) + *письмо* (нейтр.), *начертать* (книжн.) + *послание* (книжн.), *нацарапать* (разг.) + *письмишко* / *писульку* (разг.), *написать* (нейтр.) + *письмишко* (разг.), но не имеет места в сочетаниях «начертать писульку», «нацарапать послание» и т.п. Стилистическое согласование иначе называют единством стиля.

Покажем все типы согласования слов на схеме.

(ЛЗ – лексическое значение, ГЗ – грамматические значения, ЭОК – эмоционально-оценочный компонент, СК – стилистический компонент.)

Формулы стилистического согласования

$$н + н$$

$$н + к$$

$$н + р$$

$$к + к$$

$$р + р$$

$$* к + р$$

(где *н* – нейтральное, *к* – книжное, *р* – разговорное, а * – запрещено).

Что такое стилистическая окраска? Стилистическая окраска – это свойство единицы языка, возникающее в результате ее закрепления за тем или иным стилем языка. Можно сказать, что это наше знание о том, в каком стиле языка, в какой ситуации можно употреблять данную единицу. Стилистическая окраска является компонентом содержания слова (фразеологизма) и чаще всего не находит внешнего выражения. Она имеет общеязыковой, коллективный характер, т.к. одинаково осознается всеми носителями данного языка. Ср.: *лицо* (межстил.) – *лик* (книжн., высок.) – *рожа* (простор., груб.). Стилистические пометы фиксируют стилистическую окраску языковых единиц.

Разг. и *книжн.* – самые распространенные стилистические пометы. Но имеются и многие другие. Наиболее богатую систему стилистических помет мы найдем в «Толковом словаре русского языка» Д.Н. Ушакова: *разг.*, *простореч.*, *фам.*, *детск.*, *вульг.*, *арго*, *школьн.*, *обл.*; *книжн.*, *науч.*, *тех.*, *спец.*, *газет.*, *публиц.*, *канц.*, *офиц.*, *поэт.*, *нар.-поэт.*: *нов.*, *церк.-книжн.*, *старин.*, *устар.*; *истор.*, *дореволюц.*, *загр.*; *бран.*, *ирон.*, *неодобрит.*, *шутл.*, *презрит.*, *пренебр.*, *укор.*, *торж.*, *ритор.*, *эвф.* Строго говоря, здесь имеют место пометы стилистические (*разг.*, *простореч.*, *книжн.*, *науч.*, *тех.*, *спец.*, *газет.*, *публиц.*, *канц.*, *офиц.*, *поэт.*, *нар.-поэт.*, *церк.-книжн.*, *торж.*, *ритор.*, *эвф.*), эмоционально-оценочные (*фам.*, *вульг.*, *бран.*, *ирон.*, *неодобрит.*, *шутл.*, *презрит.*, *пренебр.*, *укор.*), хронологические (*нов.*, *старин.*, *устар.*, *истор.*, *дореволюц.*) и нек. др. (*детск.*, *арго*, *школьн.*, *обл.*, *загр.*). Современные словари используют меньшее число помет. Например «Толковый словарь русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой использует следующие пометы: *книжн.*, *высок.*, *офиц.*, *разг.*, *прост.*, *обл.*, *презр.*, *неодобр.*, *пренебр.*, *шутл.*, *ирон.*, *бран.*, *груб.*, *спец.*, *стар.*, *устар.*; «сфера употребления, одновременно служащая и уточнению значения слова, определяется также помещением перед толкованием различного рода пояснений, напр.: в математике, в народной словесности, в сказках, в старину, в царской России, в

христианском вероучении, по религиозным представлениям» [Ожегов, Шведова 1994: 7].

Стилистические пометы имеют не запретительный (как полагают недостаточно компетентные люди), а информационный характер: они подсказывают пишущему, в каком стиле уместно соответствующее слово, какую эмоционально-оценочную окраску оно имеет.

Хорошо известно, что язык исторически изменчив. Исторически изменчивы и стилистические качества (стилистическая окраска) единиц языка. В языке совершается пусть медленное, но постоянное перемещение его единиц из одного стилистического слоя в другой: просторечные слова переходят в разряд разговорных, разговорные и книжные – в разряд нейтральных. Например, слово *погожий* в XIX в. считалось простонародным, а в наши дни стало нейтральным. Слово *блат* в 20-ые годы принадлежало воровскому жаргону. В 30-ые годы оно (в значении «знакомство, используемое в корыстных целях») вошло в общенародное просторечие, а в наши дни имеет разговорный характер и свободно используется в газете, даже в статьях на политико-экономические темы.

Для литературного языка наших дней типичен процесс расширения состава нейтральной лексики за счет стилистического обесцвечивания смежных лексических пластов – слов книжных и разговорных, даже просторечных и жаргонных. Этому «способствует явная демократизация литературного языка, установление и формирование в нем более либеральных норм» [Валгина 2001: 92].

Стилистические синонимы

Ядром стилистически окрашенных средств языка являются стилистические синонимы.

Вспомним, что синонимы (от греч. *synonymos* – «одноименный») – слова одной и той же части речи (а также, в более широком понимании, фразеологизмы, морфемы, синтаксические конструкции),

имеющие полностью или частично совпадающие значения и способные в отдельных контекстах взаимозаменяться (нейтрализоваться). Они делятся на полные, или абсолютные, иначе – дублиеты (*забастовка – стачка, гостиница – отель*), и частичные, или относительные (*старый – старинный – ветхий, стыд – срам – конфуз, прошлое – былое*).

Частичные синонимы делятся на семантические (идеографические), стилистические и смешанные (семантико-стилистические). Семантические синонимы – это синонимы, отличающиеся оттенками значения (*страх – ужас, большой – огромный, ломать – крушить*). Стилистические синонимы – это синонимы, различающиеся стилистической окраской (*лицо – лик – рожка, рука – длань – лапа*). Семантико-стилистические синонимы – это синонимы, различающиеся и оттенками значения, и стилистической окраской (*идти – тащиться, ошибка – промах*).

Стилистические синонимы чаще всего образуют триаду: межстилевое – разговорное – книжное. Напр.:

смерть – конец – кончина,
изучать – зубрить – штудировать,
муж – благоверный – супруг.

Иногда триада сокращается до пары: межстилевое – разговорное, межстилевое – книжное, разговорное – книжное. Напр.:

толпа (межстил.) – ватага (разг.),
жить (межстил.) – проживать (книжн., офиц.-дел.),
молодые (разг.) – новобрачные (книжн., офиц.),
тюлень (разг.) – флегматик (книжн.).

В синонимический ряд могут входить несколько слов одной стилистической окраски. Напр.:

смерть (межстил.) – околеванец, каюк, капут, крышка (простор.);

сказал (межстил.) – *брякнул, ляпнул, отмочил, отколол* (простор.).

Стилистические синонимы имеют место не только на уровне лексики, но и на уровнях морфологии и синтаксиса. Напр.:

тракторы (книжн.) – *трактора* (разг.), *100 грамм* (разг.) – *100 граммов* (книжн.), *в отпуске* (книжн.) – *в отпуску* (разг.); *Патриотизм – чувство социальное* – *Патриотизм есть чувство социальное* (книжн.); *Дом, который стоит на главной улице города* – *Дом, стоящий на главной улице города* (книжн.); *Я из «Вечерки»* (разг.) – *Я направлен к вам редакцией газеты «Вечерняя Москва»* (книжн.).

Больше всего синонимов на уровнях лексики и синтаксиса. Морфологических синонимов сравнительно немного. Отсюда ясно, что основные различия стилей лежат в области лексики и синтаксиса.

Стилистические ресурсы фонетики минимальны. Сюда относятся случаи типа: *п[а]эт* – *п[о]эт*, *тяж[к'и]й* – *тяж[кь]й*, *здра[ствујт'ь]* – *здра[с'т']*, *[ива'н - ива́нъв'ич']* – *[ва́н - ванч']* и т.п.

Понятия стиля и стилистических синонимов неразрывно связаны друг с другом. Без стилистических синонимов невозможно возникновение и существование стилей. Стилистика начинается там, где появляется возможность выбора. Стилистика – это сфера нюансов, это языковая эстетика. Она венчает изучение языка.

Если нормативная грамматика и лексикология отвечают на вопрос «Как правильно?», то стилистика отвечает на вопрос «Как лучше?». Она занимается разными способами выражения одного и того же содержания.

Функциональный, экспрессивный и жанровый принципы классификации стилей

Упомянутые нами 5 стилей современного русского языка выделены с функциональной точки зрения – с точки зрения той функции (предназначения), которую они выполняют в процессе общения людей. Следовательно, в основе их классификации лежит функциональ-

ный принцип. Функциональная классификация стилей единодушно признается основной.

В понятие «функциональные стили языка» иногда вкладывают иное содержание. В.В. Виноградов [1963: 6] допускает возможность выделения функциональных стилей в соответствии с тремя функциями языка – общением, сообщением и воздействием. При таком подходе в разговорно-бытовом стиле реализуется функция общения, в научном и официально-деловом – функция сообщения, а в публицистическом и литературно-художественном – функция воздействия. Можно ли считать эту классификацию стилей безупречной? Нет, нельзя. Во-первых, функция общения реализуется во всех стилях языка (вспомним, что язык – это орудие общения!), а не только в разговорно-бытовом. Во-вторых, функции сообщения и воздействия тоже имеют место в любом высказывании, в любом стиле. В любом высказывании переплетаются все три функции, хотя их удельный вес различен. В-третьих, неясно, как разграничивать научный и официально-деловой, публицистический и литературно-художественный стили. В-четвертых, вопрос о функциях языка, о их числе продолжает оставаться спорным. Кроме трех указанных, называют еще: когнитивную (познавательную, гносеологическую, иногда называемую экспрессивной – т.е. выражение деятельности сознания) – быть «непосредственной действительностью мысли» (К. Маркс); эмоциональную – быть одним из средств выражения чувств и эмоций и метаязыковую (металингвистическую) – быть средством исследования и описания языка в терминах самого языка. С базовыми (первичными) соотносят частные (производные) функции. К коммуникативной как базовой функции относят такие производные, как контактоустанавливающая (фатическая), конативная (усвоения), волюнтативная (воздействия) и функция хранения и передачи национального самосознания. Называют еще поэтическую (художественную, эстетическую) функцию и др. (до 25!) [см.: ЛЭС 1990: 564-565]. В то же время высказывается мнение, что языку свойственна одна – коммуникативная

функция (Г.В. Колшанский, Ю.М. Скребнев и др.), а остальные функции являются производными по отношению к коммуникативной.

Но в научной литературе существуют и другие принципы выделения стилей – экспрессивный и жанровый.

Что такое экспрессивный принцип? Выделяют три типа речевых ситуаций – нейтральную, возвышенную и сниженную. Соответственно этим трем типовым ситуациям выделяются три экспрессивных стиля – нейтральный, высокий и сниженный. Ср.:

- 1) *Восстань, пророк, и виждь, и внемли;*
- 2) *Встань и сходи в магазин;*
- 3) *Не рассиживайся! Вставай и мотай в магазин!*

О том же самом, но другими словами пишет В. Федоров:

*От голготы
Младенческой
До гробового рва
У жизни человеческой
Есть разные слова.*

*Заговоришь ли с музами
Касательно судеб,
Слова должны быть вкусными
И теплыми, как хлеб.*

*И чтоб в любви
Не гасли мы,
Не впали в тишь и сонь,
Слова должны быть
Страстными,
Нагими, как огонь.*

*Есть вялые,
Безвольные,
Есть омуты без дна,
А есть слова застольные
Для смеха и вина.*

*Зато
В кровавой р'оздыми,
Когда врага не жаль,
Слова должны быть
Острыми,
Жестокими,
Как сталь.*

А вот стихотворение В. Солоухина «Слово о словах»:

*Когда ты хочешь молвить слово,
Мой друг, подумай, не спеши.
Оно бывает то сурово,
То рождено теплом души.
Оно то жаворонком вьется,
То медью траурной поет,
Покуда слово сам не взвесишь,
Не выпускай его в полет.
Им можно радости прибавить
И радость людям отравить.
Им можно лед зимой расплавить
И камень в крошку раздолбить.
Оно одарит иль ограбит,
Пусть ненароком, пусть шутя.
Подумай, как бы им не ранить
Того, кто слушает тебя.*

В соответствии с высоким, нейтральным и сниженным стилями выделяются высокие, нейтральные и сниженные средства языка. Напр.: *длань* – *рука* – *лапа*.

Высокие слова обычно имеют торжественную и риторическую окраску (*жребий, кончина, чаяния, смятение, страждущий, много-страдальный, незабвенный, алкать, гордыня, година*), реже – неодоб- рительную и шутливо-ироническую (*соглашатели, мракобесы, вульга- ризаторы, талмудисты, пресловутый; вельми, зело, сиречь, мзда, по- елику*).

Сниженные слова имеют ласкательную, шутливую, ирониче- скую, неодобрительную, укоризненную, пренебрежительную, уничи- жительную, презрительную, фамильярную, бранную и вульгарную окраску (*дочурка, сынишка, «сокровище», «удружить», «попросить», шушукаться, копун, башка, лаяться, жрать, мурло* и т.п.).

В каких отношениях находятся функциональная и экспрессив- ная классификации стилей? Эти классификации перекрещиваются, накладываются друг на друга. Например, слово *алкать* мы характе- ризуем как книжное и высокое.

Жанровый¹ принцип заключается в том, что языковые стили вы- деляются с точки зрения жанров художественной, публицистической, деловой и научной литературы. Так, в рамках художественной лите- ратуры выделяются стили прозы и поэзии, далее – стили трагедии, драмы и комедии, стили басни, фельетона и т.д.

Понятие стиля с позиций учения о языке и речи

В науке еще нет полного единодушия в оценке стиля с позиций учения о языке и речи. Одни исследователи считают стили явлением

¹ Жанр – это «род, разновидность речи, определяемая данными условиями ситуации и целью употребления» [Ахманова 1966: 148] это «относительно устойчивый тематический, компо- зиционный и стилистический тип высказывания» (М.М. Бахтин).

языка (их большинство), другие – явлением речи. Например, сторонник второй точки зрения П.Г. Черемисин пишет: «...искать в самом языке стили бессмысленно (? – Ю.Ф.): ведь язык сам по себе не выражает мыслей и чувств людей, мысли и чувства выражают с помощью языка люди (а кто же думает иначе?! – Ю.Ф.), создавая для этого речь. Поэтому (?! – Ю.Ф.) искать и вычленять стили нужно не в языке, а в речи. Стил*ь* не совокупность тех или иных средств языка, а совокупность речевых произведений (?! – Ю.Ф.) определенного содержания и особой стилистической окраски, или тональности» [Черемисин 1979, ч. II: 30]. На той же странице П.Г. Черемисин, однако, пишет: «Язык, вне всякого сомнения, располагает различными средствами, которые образуют те или иные разряды, «пласты», «совокупности»; «Связанные с речевыми стилями нормы отбора языковых средств в определенной мере обязательны для всех, поэтому данные стили являются относительно воспроизводимыми и характеризуются значительной устойчивостью» [Там же 33]; «...каждый речевой стиль представляет собой исторически сложившуюся разновидность речи...» [Там же 37]; «Носителям современного литературного языка речевые стили перешли от предшествующих поколений как нечто готовое, следовательно, в определенном смысле воспроизводимое. Современное общество действительно не создает новых стилей, а использует существующие...» [Там же 38]; наконец, он прямо пишет, что стилистика – «это наука о стилистической системе современного русского литературного языка...» [Черемисин 1979, ч. I: 14].

Но если стиль представляет собой нечто готовое, воспроизводимое, обязательное для всех, передаваемое от поколения к поколению, если язык – это система стилей, то это как раз и означает, что стиль есть явление языка (регулярно воспроизводимое в речи).

«Стил*ь* есть лингвистическое понятие, относящееся к плану языка, а не речи», – говорит Ю.М. Скребнев [Скребнев 1973: 83].

Определение стилистики

Познакомившись с понятиями стиля и стилистических качеств единиц языка, мы получили возможность дать определение стилистики. Стилистика – это наука о стилях языка, о стилистических качествах языковых единиц.

П.Г. Черемисин пишет: стилистика – «это наука о стилистической системе современного русского литературного языка и о стилистической организации современной литературной речи» [Черемисин 1979, ч. I: 14].

Слово *стилистика* произошло от слова *стиль* с помощью суффикса *-истик-*: *стилистика* < *стил'* + *-истик-* + *-а*. Такую же структуру имеют слова *лингвистика* (хотя рядовой носитель языка, не знакомый с латынью, воспринимает это слово как нечленимое), *русистика*, *славистика*, *германистика*, *англистика*, *американистика*, *балканистика*, *индоевропеистика* и др.

Если объектом стилистики является язык, говорят о стилистике языка. Если объектом стилистики является применение языка – речь, то говорят о стилистике речи. Если объектом стилистики является язык художественной литературы, то говорят о стилистике художественной литературы (В.В. Виноградов).

Стилистика языка изучает стилистическую структуру языка, языковые стили, стилистические качества языковых единиц. «Стилистика речи анализирует особенности функционирования языковых средств в конкретных условиях их использования, связанных с теми или иными жанрами, формами, видами устной и письменной речи (выступление в дискуссии, лекция, доклад, пресс-конференция, беседа; передовая статья в газете, научная рецензия, юмористический рассказ, приветственный адрес и т.д.)» [Розенталь и Теленкова 1972: 426]. Стилистика художественной литературы изучает язык (стиль) художественной литературы: язык литературного направления, язык писателя, язык отдельного художественного произведения.

Швейцарский лингвист Ш. Балли выделяет стилистику общую, изучающую стилистические особенности всех или большинства языков, стилистику частную, изучающую стилистическую структуру отдельного, конкретного языка, и стилистику индивидуальную, изучающую язык (стиль) отдельного индивидуума.

Курс стилистики должен быть ориентирован на нужды, потребности школы.

В.В. Виноградов писал: «Стилистика является своего рода вершиной исследования языка, теоретической основой развития национальной речевой культуры».

Краткая характеристика функциональных стилей современного русского литературного языка

Стили современного русского литературного языка различаются рядом экстралингвистических (внеязыковых) и языковых признаков.

К экстралингвистическим признакам стилей можно отнести сферы употребления (которые мы уже охарактеризовали), типы мышления (абстрактное и конкретно-предметное, конкретно-образное) и тематику (бытовую, научную, деловую, публицистическую, литературно-художественную).

Э.Г. Ризель и нек. др. характеризуют стили по признакам краткости – пространности, образности – безобразности, эмоциональности – безэмоциональности, оценочности – безоценочности, субъективности – объективности, официальности – неофициальности (непринужденности).

К языковым признакам (различиям) относятся различия на уровнях лексики, синтаксиса, морфологии и орфоэпии.

Разговорно-бытовой стиль

Разговорно-бытовой стиль занимает центральное положение в системе стилей современного русского литературного языка. Он используется в повседневном общении, в разговоре на неделовые темы, в застольной беседе, в записках, частных письмах. Разговорная речь имеет непринужденный, неофициальный характер. Ее отличают устная форма, субъективность, эмоциональность, неподготовленность, прерывистость и непоследовательность, опора на ситуацию (ситуативность), широкое использование мимики и жестов. Особое значение для разговорно-бытового стиля имеют интонация и темп речи. Здесь наблюдается максимальная фонетическая редукция.

Одну и ту же – к примеру, однословную – фразу можно произнести с самыми разными интонациями: «Да», «Хорошо!», «Здравствуй!», «Пока!»

В произведении В. Катаева «Святой колодец» рассказчик поведал о своей встрече с женщиной, с которой он не виделся сорок лет. Сначала он позвонил ей по телефону. «Самое поразительное, что это был не чей-нибудь другой, а именно ее голос, и он произнес с волнением мое уменьшительное имя и сказал, что она ждет меня вот уже целую неделю, никуда не отлучаясь из дома.

– Вы рады?

– Очень, – ответила она с тем особенным тайным значением, с которым она всегда произносила это слово в прежней жизни. Это было «ее» слово. Она носила его на себе, как брошку с полудрагоценным камнем. Оно – это слово – выделяло ее из всех ее подруг. Оно сводило с ума ее поклонников: произносить слово «очень» именно с такой интонацией, в которой можно было найти любой самый сладостный смысл, было ее изобретением.

– Вы любите Брамса?

– Очень, – произносила она негромко, значительно, заставляя предположить всю глубину, страстность и богатство ее натуры.

– Вы любите осень?

– Очень. – Она слегка опускала на карие глаза свои женственно выпуклые веки.

– Вы любите весну?

Веки радостно поднимались:

– Очень! – И взгляд ее проникал в глубину души.

Однажды я, преодолевая робость, за которую сам себя презирал, в отчаянии спросил, стараясь улыбнуться замерзшими губами:

– Вы меня любите?

– Очень, – ответила она серьезно глубоким, приглушенным голосом и посмотрела мне прямо в глаза своими некрасивыми глазами, которые казались мне прекрасными.

Боже мой, как я мучился!»

Разговорно-бытовой стиль характеризуется бытовой, конкретной, разговорной лексикой типа *картошка*, *улизнуть*, *лопотать*, *смешинка* и т.п. Чрезвычайно широко используется здесь эмоционально-оценочная лексика почти всех регистров: ласкательная, ироническая, фамильярная, грубоватая, развязная и даже вульгарно-бранная. Например, ласкательная: *бабуся*, *гражданочка*, *девочка*, *ножонка*, *рученька*, *билетик*; ироническая: *вояка*, *ненаглядный*; шутливая: *мордашка*, *клоп*, *пузырь*, *налимониться*, *назюзюкаться*; неодобрительная: *выпивоха*, *мазила*, *брюхо*, *стиляга*, *сапожник*, *пижон*, *пустомеля*, *копун*, *слабак*, *пьянчужка*; презрительная: *дохляк*, *суразенок*, *молокосос*, *пентюх*, *губошлеп*, *бабища*, *бабье*; бранная: *паскуда*, *дубина*, *балда*, *корова*; грубая: *зенки*, *буркалы*, *шары*, *окочурился*, *мордоворот* и др. под. Напротив, торжественная, приподнятая, возвышенная, патетическая тональность этому стилю совершенно не свойственна. В разговорной речи не используются слова типа *вотще*, *стенания*, *сонм*, *старец*, *чертоги* и др. под.

Богата фразеология разговорно-бытового стиля. Напр.: *валять дурака*, *нести ахинею*, *ни в зуб ногой*, *через пень колоду*, *ни бе ни ме*, *псу под хвост*, *заложить за галстук*, *положить зубы на полку*, *с жиру бесится*, *крыша поехала* и т.п.

С ситуативностью разговорной речи связана ее эллиптичность, широкое использование неполных предложений (высказываний), вообще более всего свойственных диалогической речи. Напр.:

– *Какой костюм наденешь?*

– *Серый.*

– *А галстук?*

– *То же.*

В разговорной речи опускается все, что может быть опущено. Здесь почти не встречаются полные предложения.

В связи с невозможностью тщательного предварительного отбора и обдумывания материала в разговорной речи часто наблюдаются синтаксические разрывы. Напр.:

– *Эта книжка... Эту книжку я прочитал с удовольствием.*

Говорящий начал строить фразу, не продумав до конца ее план, лексику и синтаксическую структуру, остановился и перестроился.

По мнению многих исследователей, разговорная речь характеризуется ослабленной нормативностью, логической прерывистостью и непоследовательностью.

В ней активно используются личные формы глаголов и личные местоимения. Употребляемость глаголов здесь в несколько раз выше, чем в научной речи. В то же время для разговорной речи нехарактерны причастия и деепричастия, причастные и деепричастные обороты, разного рода обособленные члены, развернутые сложные (особенно сложноподчиненные) предложения.

Разговорно-бытовой стиль делится на два подстиля – разговорно-литературный и просторечно-фамильярный (литературное просторечие). Разговорно-литературный подстиль – это нейтральная разговорная речь образованных людей. Просторечно-фамильярный подстиль характеризуется сниженной, фамильярной, просторечной лексикой – словами типа *обормот, остолоп, чурбан, дубина, мурло, будка, харя, буркалы, налимониться, нарезаться, назюзюкаться, стибрить* и т.п.

Кроме литературного просторечия, существует просторечие внелитературное (городское). Это «одна из форм существования национального языка..., служащая средством общения в основном малообразованной части городского населения и характеризующаяся наддиалектностью, территориальной незакрепленностью, вненормативностью и стихийностью функционирования...» [Васильева Н.В. и др. Краткий словарь лингвистических терминов. М., 1995. С. 95]. Это речь малограмотных людей, употребляющих слова и формы *баба, девка, мужик, молодуха, тятя, батя, матка, обувка, одёжа, пинжак, спинжак, надсмешка, планá, супá, средства́, хозяевá, скатертя́, площадьá, зачинать* («начинать»), *нагинаться, пужать, пондравиться, хужеть, разойтись, оклематься, хотим, жгёт, накласть, выпивши, выпимиши, пользительный, энто́т, эфто́т, ейный, евоный, кажный, кажинный, мово, твово, агромадный, вчера́сь, теперича, всегда́, опосля, откуль, оттель, тудо́ю, судо́ю, покудова, ноне, здря, окро́мя, беспрременно, заместо, аль* и под. [см.: Филин 1973: 3-12].

Многие исследователи разговорной речи к специфике бытового стиля относят разнообразные отклонения от языковых норм, прежде всего норм синтаксиса. Напр.: «А у нас нервная которая клиника, так она лечит с параличами»; «Ну вот который купили мы сахар, он в мешке»; «Та, которая здесь стояла лампа, я ее не брал» [Рус. яз. и сов. общ. 1968: 349] и т.п. Специфика – это норма. Однако считать нормой отклонения от норм нельзя. Бытовая речь образованного человека обходится без аномалий и не нуждается в них. Например, вышеприведенные фразы могли бы выглядеть так: «А наша нервная клиника лечит параличи»; «Сахар, что мы купили, в мешке» (или: «Сахар? В мешке»); «Лампу, что здесь стояла, я не брал» (или: «Лампу я не брал»; «Лампу? Не брал»). Эти фразы, не использующие сложные конструкции, даже больше соответствуют признакам разговорного стиля и в то же время не нарушают синтаксическую норму. Разговорная речь литературных и киноперсонажей – речь разговорная, свободная, непринужденная, но не рваная. В ней нет ни одной аномалии.

Научно-технический стиль

Обслуживает сферу науки и техники (а также обучения и просвещения). Он используется в научных монографиях, статьях, диссертациях, дипломных работах, докладах, лекциях, диспутах и т.д. Его экстралингвистические признаки – это точность, абстрактность, подчеркнутая логичность, аргументированность, объективность, некатегоричность, отсутствие образности и эмоциональности.

Точность научного текста достигается главным образом благодаря широкому использованию терминологической, а также общенаучной лексики. Напр.: *синхрофазотрон, протон, нейтрон, плазма, гравитация, трансплантация, селекция, гибридизация, деривация, полисемия, омонимия, завязка, пролог, эпилог* и т.д. В научном стиле преобладают однозначные слова, облегчающие понимание содержания. Стремление к обобщению, к абстракции проявляется в преобладании абстрактной лексики над конкретной. Напр.: *мышление, отражение, осознание, сущность, невесомость, воспламеняемость* и т.д. Логичность научного текста требует регулярного использования сложных синтаксических конструкций с обилием союзов и союзных слов. Напр.: «Сущность языка состоит не в том, что он нечто обозначает, а в том, что он нечто сообщает. И так как одно без другого существовать не может, то определение языка по его основной и единственной функции – коммуникативной заставляет относить номинацию к подчиненной стороне языкового механизма, не исключаящей, естественно, отдельного изучения системы языковой номинации, образующей лишь условно самостоятельный уровень языка. При соблюдении этого основного условия лингвистическая наука обязана отдельно и детально рассматривать номинацию со всеми ее особенностями как для различных единиц языка, так и для отдельных систем конкретных языков. Номинация и коммуникация – две стороны одного и того же нераздельного процесса, в котором ведущей является коммуникация» [Принципы и методы семантических исследова-

ний. М., 1976. С. 22]. Научное изложение всегда стремится к объективности, к устранению идеи первого (и второго) лица. В связи с этим в научных текстах не принято использовать местоимения *я* и *ты*. Вместо «*Как я показал...*» пишут: *Как мы показали..., Как было показано..., Это позволило показать...* и т.д.

В научных текстах регулярно используется символика, разнообразные сокращения (КПД), таблицы, схемы, чертежи, фотографии и рисунки.

Общечеловеческая и научная этика отвергает категоричность высказываний. Ученые регулярно пользуются выражениями, снимающими категоричность. Напр.: *Есть основания полагать..., Можно думать..., Факты позволяют считать..., Мы склоняемся к мысли о том, что...* и т.д.

Научный текст, как правило, безобразен и безэмоционален. Допустимы лишь отдельные элементы образности.

Научно-технический (научный) стиль делится на три основных подстиля: собственно научный (который мы и охарактеризовали), научно-учебный и научно-популярный.

Научно-учебный и научно-популярный подстили характеризуются подчеркнутым стремлением к ясности, доступности изложения, а последний также - к живости и непринужденности, что выражается, в частности, в использовании метафор, сравнений, аналогий.

Кроме того, выделяются многочисленные разновидности научного стиля, обслуживающие соответствующие отрасли науки: математическая, физическая, химическая, биологическая, медицинская, лингвистическая, литературоведческая и др.

Официально-деловой стиль

Официально-деловой стиль – это стиль канцелярий, делопроизводства, стиль официально-деловых документов разных жанров. Он используется при написании законов, уставов, постановлений, указов,

договоров, соглашений, протоколов, актов, отчетов, расписок, доверенностей, заявлений, повесток, рапортов, приказов и других документов.

Деловая речь отличается официальностью, стремлением к точности, стандартизованностью, безэмоциональностью, сухостью, объективностью, неличностью.

Главная особенность официально-делового стиля – это специфическая канцелярская лексика. В качестве примеров можно привести слова *вышеупомянутый, нижеследующий, вышеизложенный, исходящие, входящие, местожительство, личность, невыезд, деэвакуировать* и т.п.; фразеологизмы: *проходить по конкурсу, подать в отставку, взимать пени, понести наказание, докладная записка, регистрационный номер, особое мнение, очная ставка* и т.п.

Деловая речь является тематически ограниченной, ситуации ее применения сравнительно немногочисленны и однотипны. Однотипные факты оформляются документами определенного вида, однородными по наименованию, содержанию и форме. В связи с этим в деловой, канцелярской речи широко используются устойчивые речевые формулы, речевые стандарты – клише, позволяющие экономить время и добиваться предельной точности выражения мысли, упрощающие и ускоряющие коммуникацию. Напр.: *во исполнение приказа, в целях улучшения, за истекший период, довести до сведения, в случае неявки, по истечении срока, вступить в законную силу, дана настоящая в том* и т.п. «Не случайно в деловой практике, – замечает Д.Э. Розенталь, – часто используются готовые бланки, которые предлагается заполнить» [Розенталь 1977: 32].

Синтаксис деловых бумаг отличается четкостью, развернутостью, наличием большого числа рубрик, пунктов и подпунктов, императивных построений со словами *обязать, предложить* и под. Приведем несколько примеров.

Из Конституции Российской Федерации:

«Статья 43

1. Каждый имеет право на образование.

2. Гарантируются общедоступность и бесплатность дошкольного, основного общего и среднего профессионального образования в государственных или муниципальных образовательных учреждениях и на предприятиях.

3. Каждый вправе на конкурсной основе бесплатно получить высшее образование в государственном или муниципальном образовательном учреждении и на предприятии.

4. Основное общее образование обязательно. Родители или лица, их заменяющие, обеспечивают получение детьми основного общего образования.

5. Российская Федерация устанавливает федеральные государственные образовательные стандарты, поддерживает различные формы образования и самообразования» [14].

Из положения об авторском праве:

«Автору принадлежит право:

на опубликование, воспроизведение и распространение своего произведения всеми дозволенными законом способами под своим именем, под условным именем (псевдоним) или без обозначения имени (анонимно);

на неприкосновенность произведения;

на получение вознаграждения за использование произведения другими лицами, кроме случаев, указанных в законе».

Образец доверенности:

«Я, Иванова Анна Петровна, проживающая в г. Новосибирске по ул. Салтыкова-Щедрина, 17, кв. 23 (паспорт серия ... № ..., выданный ...), доверяю Козыревой Светлане Ивановне, проживающей в г. Новосибирске по ул. Зорге, 7, кв. 3 (паспорт серия ... № ..., выданный ...), получить причитающуюся мне за апрель 2004 г. заработную плату.

17 мая 2004 г.

Подпись

Подпись Ивановой Анны Петровны удостоверяется (-ю).

Делопроизводитель ЖЭУ – 7 г. Новосибирска

Дата

Печать

Подпись».

Выделяют два основных подстиля официально-делового стиля – канцелярский и законодательный.

Публицистический стиль

Публицистический (общественно-политический) стиль – это стиль газетных и журнальных статей на общественно-политические темы, стиль публицистических работ, докладов, речей. Он используется также на радио и телевидении.

Выделяются следующие подстили публицистического стиля: газетно-публицистический (газетный, язык газеты), агитационный (воззвания, призывы, листовки, прокламации и т.д.) и массово-политический (выступления на собраниях политического характера и т.п.). Наиболее важен среди них газетно-публицистический подстиль, который и будет основным предметом нашего анализа.

Что такое язык газеты? Конечно, не все то, что публикуется на страницах газеты, относится к публицистическому стилю. Опубликованный в газете рассказ или стихотворение представляют собой реализацию литературно-художественного стиля, а указ, постановление, распоряжение – официально-делового стиля. Собственно газетными можно считать такие жанры, как передовая, корреспонденция, репортаж, информация, международный обзор, спортивное обозрение, фельетон.

Газетные жанры можно разделить на три серии: 1) информационные (заметка, репортаж, отчет, интервью), 2) аналитические (корреспонденция, статья, обзор, письма, обозрение), 3) художественно-публицистические (очерк, раздумья, зарисовка, фельетон, памфлет).

Для газетно-публицистического стиля характерно использование специфической общественно-политической лексики: *революция, контрреволюция, эволюция, прогресс, регресс, референдум, авангард,*

форум, общество, отечество, гражданин, патриотизм, свобода, равенство, равноправие, конституция, депутат, либерализм, демократия, диктатура, тоталитаризм, плюрализм, консенсус, путч, путчисты, переворот, геноцид, сегрегация и др.

Здесь часто используется оценочная лексика мелиоративного (положительного) и пейоративного (отрицательного) характера:

а) *поборник, зачинатель, соратник, почин, форум, авангард, новаторский, горнило, свершения –*

б) *насаждать, военищина, злодеяния, клика, хунта, режим, во-
яж, осквернитель, пособник, подоплека, визитер, коммивояжер, на-
сильники, клятвопреступник, братоубийственная, грязная (война),
гонка вооружений, черные полковники, с позиции силы, возня, марио-
нетка, молодчики, происки, бесчинства, обывательский, вкусовщина
и т.д.*

Синтаксис публицистического стиля в целом имеет книжный характер, хотя степень книжности варьируется в зависимости от жанра. Здесь часто наблюдаются восклицательные и вопросительные предложения, риторические вопросы, повторы, именительный пред-
ставления, расчленённые конструкции. Напр.:

*В эту решительную минуту – выдержит ли, выдюжит ли рус-
ская рука? (Л. Леонов.)*

*Разве Пушкин объяснялся без конца в любви к народу? Нет, он
писал для народа. (Р. Гамзатов.)*

*Человек всегда был красив, если его имя звучало гордо. Когда
был бойцом. Когда был открывателем. Когда дерзал. Когда не пасо-
вал перед трудностями и не падал на колени перед бедой. (Из газеты.)*

*Встреча с министром оправдала наши надежды. Он был точно
таким, каким мы его себе представляли: демократичным, контакт-
ным, непринужденным. Умеющим слушать. Никуда не спешащим,
позволяющим спорить с собой. С обаятельной улыбкой и приветли-
вым взглядом. (А. Ваксберг.)*

*Интеллигенты... Доктор Гааз. Мать Тереза. Мать Мария. Аль-
берт Швейцер. Анатолий Кони. И миллионы других – вы их знаете.*

Ужаснувшийся насилию. Подавший нищему. Укрывший от погрома. Восставший из огня. Пригревший сироту. Приголубивший прокажённого. Крикнувший: «Не троньте его!» Интеллигентность – волшебная гавань, открытая любым кораблям... (Т. Толстая. Интеллигент.)

Русский характер! Поди-ка опиши его. (Л.Н.Т.)

Для публицистического стиля характерно органичное соединение функций сообщения и воздействия, информационной и экспрессивной, а отсюда – ориентация на стандарт и экспрессию (выразительность, свежесть языковых средств). К газетным стандартам можно отнести такие обороты, как *политический климат, обострение обстановки, холодная война* и др.

Ориентация на экспрессию проявляется в использовании разного рода образных средств языка, особенно метафор и сравнений. В языке современных СМИ имеет место настоящий метафорический бум – использование огромного числа метафор, опирающихся на медицинскую, строительную и др. лексику. Напр.: *атрофия власти, паралич власти, импотенция власти, аллергия на прессу, болезнь суверенизации, вирус большевизма, паралич экономики, больная страна, прививка от коммунизма, склероз гражданской совести, бактерии национализма, шоковая терапия, долларовая инъекция, Останкинская башня – идеологический шприц, архитектор перестройки, пирамида тоталитарной системы, руины системы, коридоры власти, кабинеты власти, правовое пространство, паровоз инфляции, корабль реформ, раскачивать лодку государственности, идеологический бульдозер, акулы бизнеса, гидра шовинизма* и т.д.

С целью придать газете живость и непринужденность журналисты часто используют разговорные и просторечные слова и даже жаргонизмы и окказионализмы. Напр.: *посудина* («корабль»), *весточка*, *до одурения*, *неказистая*, *мотивчик*, *обшарпанный*, *журить*, *мурлыкать* («петь»), *корить*, *прутся*, *дровишки*, *политика методом тыка*, *гнузавый пижон*, *разборка*, *оборонка*, *рукопашка*, *напряжёнка*, *неучтёнка*, *валютка*, *наружка*, *наличка*, *нал*, *безнал*, *навар*, *за бугром*,

устаканиться; подонок, подлец, сволочь, отмазаться, вешать лапшу на уши, вышак, потаскуха, халява, крыша, беспредел, стёб, пахан, башили, баксы, бомжатник, бомжевать; гайдарономика, гайдаризация, прихватизация, дерьмократы, демокрады, чубайсить, чубаучер, алкоголиссимус, ельцинолюб, ельцинизм, ельцинофобия, борисоборчество, дегадюкизация, быдловизация, клинтономика, лимон, лилябриковед, недопарламент, неподписант, псевдоденьги, псевдожизнь, псевдорынок, рерихнуться, рублевизация, совраска, сантабарбарцы, сверхсуперфестиваль и т.д. В газете «Вечерний Новосибирск» мы читаем: «В спокойные воды сорокового округа, как пароход «Большая Миссури» из книг Марка Твена, вошел (или влетел?) бывший губернатор Виталий Петрович Муха. Загребая волны огромными колесами жажды политического реванша, обиженно гудя басами всех своих командирских труб, пуская в небо черные клубы ностальгического дыма, этот пароход мгновенно нарушил благодный пейзаж избирательной кампании».

Демократически ориентированных журналистов отличает противостояние языку тоталитарного общества («новоязу»), «дубовому» языку партийной пропаганды. Многие журналисты тяготеют к иронии, насмешке, пародии, даже ёрничеству¹.

Если язык газет советской эпохи был предельно унифицированным, монолитно «дубовым», то язык современных газет предельно индивидуализирован, раскрепощен. Исчезла цензура, не всегда срабатывает автоцензура. Многим журналистам не хватает воспитанности, вкуса, чувства языка. Некоторые газетчики переходят на язык улицы, что вызывает протесты образованных читателей.

В конце XX в. в русский язык, и прежде всего – в язык публицистики хлынул поток англицизмов. Напр.:

компьютер, дисплей, файл, сайт, принтер;

фристайл, армрестлинг, плэй-офф («повторная игра после ничьей»), *кикбоксинг;*

¹ Ёрничать – озорничать, повесничать.

бартер, ваучер, инвестор, лизинг («сдача в долгосрочную аренду»), монетаризм;

имидж, консенсус, саммит, электорат, харизма, спонсор, триллер, римейк, шоу, видеоклип, шоумен, бути'к (магазин модной одежды), хит, дискотека, брейк, ламбада, липси, грант, дайджест, зомби, скотч, транссексуал, хоспис, эвтаназия, киллер, плеер, полтергейст, эксклюзивный, консалтинг, шоп, путана («валютная проститутка»), криминогенный, рэкет, импичмент, уотергейт, инаугурация, денонация, спичрайтер (автор речей), апитерация, фобии, хилеры, порнография, брифинг, презентация, ангажированная пресса, рейтинг политика, брифинг и сотни других слов.

Используя специальную, терминологическую, малоизвестную, в том числе заимствованную лексику, журналист ни на минуту не должен забывать о доступности, понятности своего языка. Один из самых надежных способов использования малоизвестных слов – их одновременное разъяснение. Например, в «Московском комсомольце» мы читаем: «Сейчас в моде так называемая интерактивная журналистика – прямой контакт с публикой. Ситуация вокруг НТВ стала больше чем просто интерактивной – она расколола общество на две части» (Моск. комсомолец. 2001. 5 апр.). В «Веч. Новосибирске»: «В течение нескольких месяцев в разных регионах России проходил конкурс новых ведущих «Взгляда». Причем он был интерактивным. Телезрители во время прямого эфира могли голосовать за понравившихся юношей и девушек» (Веч. Новосибирск. 2001. 6 апр.).

Литературно-художественный стиль

Литературно-художественный стиль – это стиль (язык) художественной литературы, стиль словесно-художественного творчества, особая «подсистема национального языка» [Литературный энцикло-

педический словарь. М., 1987. С. 525], обслуживающая потребности художественной литературы.

Основная функция художественной литературы как явления искусства – эстетическая (художественная) функция, и эта функция определяет своеобразие используемых в художественной литературе языковых средств. Если говорить в самом общем плане, эстетика речи означает наиболее полное соответствие речевых средств (формы) выражаемому содержанию.

Художественной речи свойственны как обязательные признаки точности, логичности, краткости, а также благозвучия, изящества, красоты, которую видят в единственности, неповторимости каждого слова, в стилистической строгости, синтаксической симметрии, ритмичности. Важнейшее качество языка художественной литературы – индивидуальный, творческий характер. Язык художественной литературы подвергается тщательной обработке. «Изводишь – единого слова ради – тысячи тонн словесной руды» (Маяковский). Именно здесь имеет место то, что принято называть муками слова. Окончательному варианту художественного текста нередко предшествуют десять и более черновых.

В романе Ф.М. Достоевского «Подросток» мы встречаем такое яркое высказывание: «А, и ты иногда страдаешь, что мысль не пошла в слова. Это благородное страдание, мой друг, и дается лишь избранным; дурак всегда доволен тем, что сказал».

Художественная литература использует все потенции языка. Язык художественной литературы – это высшее проявление национального языка, «его наиболее полное, концентрированное и образцовое воплощение» (Л.Г. Барлас). Художники слова оказывают огромное влияние на развитие языка.

Художественная литература отражает жизнь во всех ее проявлениях, поэтому в ней находят отражение самые разные пласты (слои) языка, даже профессиональная, жаргонная, бранная и диалектная лек-

сика¹. Писатели в поисках новизны и неповторимости часто прибегают к неологизмам (которые принято называть индивидуально-авторскими или окказионализмами). Напр.: «кюхельбекерно» (Пушкин), «молоткастый, серпастый паспорт» (Маяковский), «крошечность», «интересность», «мальчишескость», «ерундизм», «церберизм», «усталинка», «хорошинка», «антиармянство», «антипокой», «перегнев», «немолодость», «неуслышанность», «неубивание», «самоборьба», «самозаповедь», «полуперестройка», «полусовесть», «получестность», «полунаука», «полустудент», «полуректор», «полукинозвезда», «джинсомания», «ужасология», «послиха», «фетята» (<Фет), «злобочка», «индивидуумша» (Евтушенко) и т.д.

Как говорил В.Г. Белинский, ученый мыслит понятиями, а художник – образами. Понятие – это обобщенная мысль о классе однородных предметов («человек», «животное», «мебель»), а образ – тип, характер, обобщенное художественное отражение, облеченное в форму конкретного индивидуального явления. Образ – это художественный тип, оформленный как конкретный характер в конкретных обстоятельствах. Таковы образы Онегина, Печорина, Базарова и т.д.

Образен и язык художественной литературы. Образ в языке – это образное значение, «значение слова, функционирующего в качестве тропа» [Ахманова 1966: 163], это «двуплановое изображение, основанное на представлении одного предмета через другой» [Королева 1972: 87], это свернутое сравнение, результат переноса наимено-

¹ Некоторые авторы утверждают, что литературно-художественный стиль (язык художественной литературы) «многостилен» [Розенталь 1977: 50], что он «включает» в себя все остальные стили, хотя и «в своеобразных комбинациях и в функционально преобразованном виде» [Виноградов 1955: 85]. Это ошибочная точка зрения. Язык художественной литературы не «включает» и не может включать в себя все стили современного русского литературного языка. Если бы это было так, то литературно-художественный стиль оказался бы равным всему литературному языку, чего не может быть по определению (часть не может быть равна целому). Литературно-художественный стиль (точнее, литературно-художественные тексты, художественная литература) включает (использует) лишь элементы разговорно-бытового, научно-технического, официально-делового и публицистического стилей, выполняющие функцию речевой характеристики среды и персонажей.

вания. «Образность – это структурно-семантическое свойство слова, характеризующегося семантической двуплановостью и метафоричностью внутренней формы слова» [Юрина 1994: 6]. Следовательно, образная речь – это речь, использующая «двуплановые изображения» – метафоры, метонимии и синекдохи. Напр.: *дорога* (жизни), *класс* (расхохотался), *рука* (в министерстве). Кроме метафор, метонимий и синекдох, к художественной образности часто относят все тропы и фигуры: гиперболы, литоты, иронию, аллегории, олицетворения, перифразы, эпитеты и сравнения; анафоры и эпифоры, параллелизм, антитезы, градацию, инверсию, эллипсис, умолчания, риторическое обращение, риторический вопрос, многосоюзие и бессоюзие. Напр.:

К портрету Жуковского

*Его стихов пленительная сладость
Пройдет веков завистливую даль,
И, внемля им, вздохнет о славе младость,
Утешится безмолвная печаль
И резвая задумается радость. (Пушкин.)*

*Цветы последние милей
Роскошных первенцев полей,
Они унылые мечтанья
Живее пробуждают в нас.
Так иногда разлуки час
Живее сладкого свиданья. (Пушкин.)*

«Неизбежно по контрасту, – пишет В.В. Виноградов, – складывается другая теория поэтической образности и другое, более сложное и глубокое ее понимание. Согласно этой теории поэтическая образность состоит не только и не столько в тропах и фигурах, сколько в самом внутреннем существе поэтической речи как своеобразной системы воплощения воображаемого или эстетически отражаемого

мира и в функциональной специфике ее эстетической структуры. Поэтическая функция языка опирается на коммуникативную, исходит из неё, но воздвигает над ней подчиненный эстетическим, а также социально-историческим закономерностям искусства новый мир речевых смыслов и соотношений» [Виноградов 1963: 155]. «Существо поэтической речи определяется не количеством и даже не качеством метафор, сравнений и других видов тропов, а общей направленностью на словесное эмоционально-образное выражение и воспроизведение «действительности» в свете тех или иных эстетических задач и требований» [Виноградов 1963: 157].

Специфическая особенность художественной литературы – конкретность изложения. Этим объясняется и полное преобладание в ней конкретной лексики.

В языке поэзии исключительно велика роль звуковой стороны, которая делает ее близкой к музыке. Вот что пишет по этому поводу Е. Евтушенко: «Каждый поэт – это явление не только литературное, но и музыкальное. Несравнен симфонизм Пушкина, гармонически соединивший бетховенски-эпический размах с моцартовской чарующей прозрачностью. Пушкин – это огромный оркестр, включающий в себя все музыкальные инструменты. Тютчев по сравнению с Пушкиным фортепианен, Баратынский – скрипичен, Некрасов – это струнный оркестр, Маяковский – это трубы и ударные инструменты. В поэзии Есенина что-то тальяночное, но не с нарисованными, а с живыми цветами на мехах. В Вознесенском слышатся саксофонные синкопы. Если бы Булат Окуджава не сочинял музыку и не пел своих стихов, в них все равно бы чувствовалось незримое звучание гитарных струн»¹.

Язык художественной литературы распадается на две противостоящие стихии – речь автора и речь персонажей. Речь автора обычно имеет книжный характер, поэтому-то литературно-художественный стиль относят к книжным стилям языка. (Естественно, учитывается и то, что он проявляется в письменной форме речи.) Что же касается

¹ Евтушенко Е. Песни Булата Окуджавы. Предисловие к грампластинке фирмы «Мелодия».

речи персонажей, то она может быть отражением (реализацией) любого стиля языка без исключения и даже строиться на базе нелитературного просторечия, жаргона и диалекта. В связи с этим в текстах художественных произведений встречаются самые разнообразные элементы словаря, выступающие как средство характеристики персонажей.

Речь персонажа не лежит в одной плоскости с авторской речью, она не самостоятельна, а подчинена авторской речи.

Литературно-художественный стиль делится на стили прозы и поэзии, весьма отличные друг от друга. Стиль художественной прозы имеет свои подразделения в зависимости от жанра.

Проза – это, по определению Б.В. Томашевского, – «естественная форма организованной человеческой речи». Стихотворная речь, кроме законов общенародного языка, подчиняется и своим собственным законам, которые накладывают существенные ограничения на «естественную форму» речи. Главная особенность стихотворной речи – ее особая ритмическая организация, т.е. закономерная повторяемость речевых единиц – ударных и безударных слогов (как в силлаботоническом стихе) или ударных слогов (как в тоническом). В стихотворной речи большую роль играют звуковые повторы и сочетания – согласных (аллитерация) и гласных (ассонанс). Среди звуковых повторов выделяется повтор на конце стихотворных строк, т.е. рифма, имеющая ритмообразующее значение: она подчеркивает деление речи на ритмические единицы. Рифма – это не только звуковой повтор и ритмообразующая единица, но и слово, которое нередко несет главную смысловую и эмоциональную нагрузку поэтической строки. Таковы, например, рифмы в стихотворении М.Ю. Лермонтова «Смерть поэта»: (невольник) *чести* – (с жаждой) *мести*, *обид* – *убит*, *рыдания* – *оправдания*, *мучений* – *гений*, *злословью* – (черной) *кровью* и т.д.

В стихотворных произведениях деление речи на компоненты иное, чем в прозаических. «Обычное» деление речи на предложения, словосочетания и слова осложняется делением на строфы и стихо-

творные строки. (Строка – это часть печатного или рукописного текста; ряд слов, букв или иных знаков (например, нотных), написанных или напечатанных в одну линию; строфа – часть стихотворного произведения, состоящая из нескольких строк, объединенных по смыслу, ритмом и рифмой.)

В стихотворной речи, кроме «обычных» пауз, имеются «собственные» паузы – постоянные паузы между строками, придающие стиху особый колорит.

Именно в стихотворной речи часто имеет место звукопись. Звукопись – это скопление и повторение одних и тех же звуков и звуко-сочетаний, имитирующее разнообразные звучания природы, человеческой речи и окружающей среды (шорох, гром, свист, топот, стон и т.д.). Напр.:

*Полночной порою в болотной глуши
Чуть слышно, бесшумно шуршат камыши.
О чем они шепчут? О чем говорят?
Зачем огоньки между ними горят? (К. Бальмонт.)*

Звукопись наблюдается и в прозе. Напр.: «В промежутках совершенной тишины слышен был шорох прошлогодних листьев, шевелившихся от таяния земли и от роста трав... Каково? Слышно и видно, как трава растет! – сказал себе Левин, заметив двинувшийся грифельного цвета мокрый осиновый лист подле иглы молодой травы». (Л. Толстой.)

Итак, язык художественной литературы является функциональной разновидностью литературного языка, характеризующейся определенным набором средств лексики и грамматики и обслуживающей сферу словесного искусства. Специфика ЯХЛ заключается «в индивидуальном образном преломлении общелитературных средств» (Ф.П. Филин). Это общенародный язык, обслуживающий потребности (сферу) художественной литературы. Такого взгляда на ЯХЛ придерживается подавляющее большинство отечественных языкове-

дов, в том числе А.Н. Гвоздев, А.И. Ефимов, И.Р. Гальперин, В.В. Виноградов, Р.А. Будагов, В.Г. Адмони, Т.И. Сильман, Э.Г. Ризель, А.Ф. Ефремов, М.М. Орлов, Н.А. Кондрашов, Е.М. Галкина-Федорук, Д.Э. Розенталь, М.Н. Кожина, М.М. Михайлов, Л.Г. Барлас, А.И. Чижик-Полейко, Б.М. Щербатский, Н.Н. Никольский, П.Г. Черемисин, В.Я. Дерягин, Б.Н. Головин, О.Б. Сиротинина, В.А. Алексеев, К.А. Рогова, М.К. Милых и мн. др. Не разделяют эту точку зрения Р. Якобсон, Я. Мукаржовский, В.Д. Левин, Ю.С. Сорокин, В.П. Мурат, Ю.С. Степанов, В.П. Григорьев, А.Н. Кожин, О.А. Крылова, В.В. Одинцов и нек. др. Но дело, конечно, не в том, что защищаемый нами взгляд является более распространенным и более авторитетным. Дело в том, что в пользу этой точки зрения говорят факты языка и многие важные аксиомы современного языкознания.

ЯХЛ нельзя отрывать от национального русского литературного языка, считать его самостоятельным образованием, особым «языком». Это можно было бы сделать, если бы ЯХЛ имел особое языковое качество: особый словарь, особую грамматику, особую фонетику. Есть ли они у ЯХЛ? Нет. ЯХЛ имеет тот же словарь, те же грамматику и фонетику, что и все другие разновидности СРЛЯ. Это может подтвердить любой, наугад взятый отрывок из любого художественного произведения. Напр.: «С утра зарядил дождь, мелкий, но злой, холодный, и работа в поле сорвалась. Хотела покопаться в своем огороде, где только и сделала, что натащила грядку под огурцы, но дождь и того не дал, напрасно лишь вымокла и расстроилась». (В. Распутин. Живи и помни.)

Основоположником современного русского литературного языка считается Пушкин. Какой язык он реформировал? Русский литературный язык. На каком языке он писал? На русском литературном языке. На каком языке писали Крылов, Лермонтов, Гоголь, Тургенев, Гончаров, Достоевский, Толстой, Чехов, Горький, Шолохов, Платонов, Пастернак, Ахматова, Твардовский, Астафьев? Пишут Распутин, Бондарев, Солженицын и другие? На общенародном русском языке.

Ни один писатель никогда не считал, что пользуется каким-то особым ЯХЛ.

Известно, что в вузовском и школьном курсах СРЛЯ полностью преобладают иллюстративные примеры, извлеченные из текстов художественных произведений. Это обстоятельство является убедительнейшим доказательством того, что ЯХЛ входит в СРЛЯ, является его вариантом (стилем).

Между ЯХЛ и другими разновидностями СРЛЯ нет резких, четко очерченных границ. Нехудожественная речь плавно переходит в художественную (и наоборот). Доказательством этого может служить язык художественного очерка, писательских писем, индивидуальный стиль многих авторов (например, Шукшина, Солженицына, Шаламова и др.).

Стилисты единодушно отмечают огромное влияние разговорно-бытового стиля на литературно-художественный стиль [см., напр.: Барлас 1978: 177]. Это свидетельствует о том, что ЯХЛ не находится за пределами СРЛЯ.

Об одном и том же тексте могут быть разные, даже противоположные мнения. Одни критики считают, что данный текст не имеет отношения к художественной литературе, другие дают ему высокую оценку. Значит, ЯХЛ является частью СРЛЯ.

Начинающий автор пробует перо, отдавая на суд читателя свой первый рассказ. Этот рассказ несовершенен, но в нем, как принято говорить, «что-то есть». Что же перед нами – ЯХЛ или что-то другое?

Ребенок овладевает языком, одновременно осваивая и разговорную, и художественную речь.

Если бы ЯХЛ был особым языковым образованием («языком»), то его нужно было бы изучать на специальных факультетах, как изучаются иностранные языки. В листках по учету кадров пришлось бы писать «Владею русским, ЯХЛ и английским языками». Между тем этого нет, поскольку ЯХЛ – вариант (разновидность) СРЛЯ. Человек, владеющий СРЛЯ, достаточно свободно отличает и осмысляет худо-

жественные тексты. Нам могут возразить: «Читать и понимать художественную литературу непросто. Этому нужно учиться». Конечно. Но изучать нужно весь СРЛЯ, все его разновидности: и научный, и официально-деловой, и публицистический, и разговорно-бытовой стили.

Отнесение ЯХЛ к разновидностям СРЛЯ несколько не мешает учету специфики ЯХЛ. Нужно при этом помнить, что свою специфику имеют и научный, и деловой, и публицистический, и разговорный стили.

Какими аргументами оперируют сторонники резкого противопоставления ЯХЛ и СРЛЯ, «поэтического» и «практического» «языков» (по терминологии формалистов ОПОЯза)? Они ссылаются на то, что в поэтическом языке реализуется эстетическая функция (В.Д. Левин, В.П. Мурат, В.П. Григорьев). Но ведь эстетическая функция является вторичной и всегда сопутствует мыслеоформляющей и коммуникативной. Кроме того, эстетическая функция обнаруживает себя не только в литературно-художественном, но и в публицистическом и разговорном стилях.

Рассматривая эту проблему, важно помнить, что разные языковые функции кладутся в основу классификации не языков, а языковых стилей. Например, В.В. Виноградов писал: «При выделении таких важнейших общественных функций языка, как *общение, сообщение и воздействие*, могли бы быть ... разграничены такие стили: обиходно-бытовой стиль (функция общения); обиходно-деловой, официально-документальный и научный (функция сообщения); публицистический и художественно-беллетристический (функция воздействия)» [Виноградов 1963: 6]¹.

Противопоставляя ЯХЛ общелитературному языку, нередко говорят о таких признаках ЯХЛ, как метафоричность, семантическая глубина, творческий характер (В.П. Григорьев). Но эти признаки

¹ См. также: Кондрашов Н. Предисловие // Пражский лингвистический кружок: Сб. ст. – М., 1967. – С. 14.

можно регулярно наблюдать и в других стилях языка, даже в разговорной речи: метафоричность и творческий характер – в публицистике, семантическую глубину – в научной речи. Эти признаки не создают особый язык.

Некоторые литературоведы и лингвисты считают ЯХЛ особым языком. Но литература – это коммуникация, диалог писателя с читателями. Диалог требует единого кода (языка). Писатель может обращаться к читателям только на их языке. Ясно, что ЯХЛ – разновидность литературного языка.

Формалисты сводят художественную литературу к форме, игнорируя содержание. Это грубейшая ошибка. Главное в речи, в любом произведении (в частности, а может быть – в особенности – в художественном) – содержание, выражаемые мысли. Об этом писали и пишут сотни и тысячи писателей и ученых. Например, И.А. Бунин говорил: «...у писателя форма неразрывно связана с содержанием и рождается сама собой из содержания»¹. «На мысли, дышащие силой, как жемчуг, ниспадают слова» (М.Ю. Лермонтов). «Тайна художественной литературы не в языковой форме, а в её содержании...» – говорит Л.И. Ибраев [Ибраев 1981: 19]. «Классическая форма неотделима от содержания. Она единственна»².

Текст. Типы текстов.

Как писать сочинение

С понятием стиля (стилей) тесно связано понятие текста и типов текста.

Слово *текст* восходит к латинскому *textus* со значением «ткань, сплетение, соединение». Текст – это речевое произведение, большее,

¹ Бунин И.А. Как я пишу // Антология русской риторики: Учеб. пособие / Отв. ред. и сост. проф. М.И. Панов. – М., 1997. – С. 234.

² Арутюнова Н.Д. Ненормативные явления и язык // Язык и логическая теория. – М., 1987. – С. 151.

чем одно предложение, и объединенное определенной темой. Это «всякая записанная речь (литературное произведение, сочинение, документ, а также часть, отрывок из них)» [Ожегов, Шведова 1994: 780]. Чаще текст связывают с письменной речью, но иногда и с устной. Можно сказать, что текст – это речь, звуковая материя которой переведена в графическую.

Текст не воспроизводится, а строится. Построение текста есть всегда сложный творческий акт. Чтобы построить текст, нужно хорошо знать предметную действительность, логику и язык (лексику, грамматику и стилистику).

Поскольку текст – это речь, то из этого следует, что ему свойственны все признаки образцовой речи: правильность, уместность, доступность, краткость, богатство, образность, благозвучие, своеобразие, содержательность, логичность и точность.

Обязательными дифференциальными признаками текста чаще всего называют: 1) тематическое единство, 2) связность и 3) законченность, органически связанные друг с другом.

Тематическое единство текста – это наличие единой темы. Если текст лишен тематического единства, то он представляет собою не текст, а некоторую совокупность фраз, мало связанных друг с другом. Напр.: «Сегодня я взглянул на небо. Всё оно было в чёрных тучах. Тучи образуются из пара. Горячий пар полезно вдыхать при насморке. Насморк – верный признак гриппа. Грипп возбуждают вирусы. Вирусы исследуют в лабораториях»¹. Другой пример: «Я пошел в кино. Кино на Остоженке. Остоженка – одна из самых старых улиц Москвы. Москва – центр всех железнодорожных путей страны. Железные дороги – артерии народного хозяйства...» Ср.: «Старик сажал яблони. Ему сказали: «Зачем тебе эти яблони? Долго ждать с этих яб-

¹ См.: Методика развития речи на уроках русского языка: Пособие для учителей. – М., 1980. – С. 188.

лонь плода, и ты не съешь с них яблочка». Старик сказал: «Я не съем – другие съедят, мне спасибо скажут»¹.

Тематическое единство текста находит свое выражение в заголовке, который и обозначает предмет высказывания. Заголовка у текста может и не быть, но возможность озаглавить текст всегда имеет место. Например, рассказ Л. Толстого может быть озаглавлен так: «Старик и яблони», «Как старик сажал яблони», «Зачем старик сажал яблони», «Спасибо скажут», причем последний вариант выражает основную мысль рассказа.

Указание на тему нередко содержится в начальном предложении (предложениях) текста. Это имеет место и в рассказе Толстого.

В тексте – в зависимости от его объема – можно выделить главы, разделы, абзацы. В каждой части текста раскрывается своя подтема (или микротема). В рассказе Толстого выделяются 3 микротемы: 1) Старик сажает яблони; 2) Старика спрашивают, зачем он сажает яблони; 3) «Спасибо скажут».

Второй обязательный признак текста – это связность, непосредственная логическая зависимость последующей фразы от предшествующей. В сущности, часть смысла предшествующей фразы повторяется в последующей фразе, и происходит своего рода нанизывание предложений. Напр.: «Простакова является главным действующим лицом в комедии Фонвизина «Недоросль». В этой комедии Фонвизин с огромной художественной силой показал быт и нравы малокультурных помещиков–крепостников. Здесь ярко изображается произвол помещиков, полное обнищание крестьян, рабское положение дворовых, грубые семейные нравы в самой дворянской среде, невежество и презрение к низшим».

Актуальное членение предложений зависит от их места в тексте. Рема предшествующей фразы обычно становится темой следующей. Напр.: «С некоторых пор ее внимание привлекает / один пустой дом. Стоит он / на большом участке, под деревьями, и еле виден из-за ог-

¹ Рассказ для маленьких Л.Н. Толстого.

рады» (Ю. Казаков). Темы скрепляют текст, а ремы передают новую информацию.

Средствами связи частей текста являются: а) союзы, вводные слова и частицы; б) местоимения (в том числе местоименные наречия); в) повтор слова, или употребление синонима, или слова, близкого по смыслу, или перифразы; г) соотношение форм времени глаголов – сказуемых; д) порядок частей; е) неполнота предложений. Напр.:

а) «Я решил произвести дома уборку. Я долго возился с тряпками и со щетками. *Но* беда была в том, что мама накануне Нового года сама целый день убиралась» (А. Алексин);

б) «Старик сажал яблони. *Ему* сказали...»;

в) повторение слова *яблони* в рассказе Толстого: «Старик сажал *яблони*. Ему сказали: «Зачем тебе эти *яблони*? Долго ждать с этих *яблонь* плода...»;

употребление слова, близкого по смыслу к использованному ранее:

«Атлас хочет уже выгнать за дверь *героя*. *Персей*, видя, что не может он бороться с могучим великаном, сам спешит выйти из дома» (Кун);

г) глаголы *сажал, сказали, сказал* – прош. времени несов. вида;

д) порядок частей (в частности, в рассказе Толстого) указывает на последовательность событий;

е) неполнота предложения «Я не съем...» связывает его с предшествующим предложением.

Третий обязательный признак текста – законченность, т.е. доведенность до конца, исчерпанность, целостность содержания. Например, не является полноценным следующий незаконченный текст: «Старик сажал яблони. Ему сказали: «Зачем тебе эти яблони? Долго ждать с этих яблонь плода, и ты не съешь с них яблочка». Без ответной реплики старика текст осмысливается как незаконченный.

В современной лингвистике обычно выделяют три типа текстов – повествование, описание и рассуждение.

Повествование – это такой тип текста, который служит для выражения временной последовательности действий или явлений. Оно характеризуется цепной связью между предложениями, временной соотнесенностью сказуемых. Напр.: «На бугре у неприятеля показался дымок выстрела, и ядро, свистя, пролетело над головами гусарского эскадрона. Офицеры, стоявшие вместе, разъехались по местам. Гусары старательно начали выравнивать лошадей. В эскадроне все замолкло. Все поглядывали вперед на неприятеля и эскадронного командира, ожидая команды. Пролетело другое, третье ядро» (Л. Толстой).

Описание – это такой тип текста, который служит для детального изображения состояний действительности с подробным перечислением ряда одновременно существующих объектов и их признаков (портрет, пейзаж, интерьер и т.п.). Описание статично, оно перебивает повествование, останавливает действие. Напр.: «В гостиную вошло новое лицо... Князь Болконский был небольшого роста, весьма красивый молодой человек с определенными и сухими чертами. Все в его фигуре, начиная от усталого, скучающего взгляда до тихого мерного шага, представляло самую резкую противоположность с его маленькою оживленною женой» (Л. Толстой).

Рассуждение – это такой тип текста, который предназначен для передачи логического развития мысли. Оно отличается от повествования и описания строгой логической последовательностью. Предложения в рассуждении характеризуются многочисленными причинно-следственными связями. Чаще всего оно наблюдается в научных текстах и публицистике. Напр.: «Звуковая форма есть, видимо, единственно возможная форма человеческого языка. Во-первых, она физиологически и психологически непосредственно связана с мыслительным аппаратом человека, с его мозгом, во-вторых, она приспособлена для передачи информации на расстоянии в условиях комму-

никации между людьми в коллективе» [Принципы и методы семантических исследований. М., 1976. С. 16].

Разные стили тяготеют к разным типам текстов. Например, разговорно-бытовой стиль обычно обнаруживает себя в повествовательных текстах, научно-технический – в текстах типа рассуждения, литературно-художественный – в текстах типа повествование и описание, публицистический – в текстах типа повествование и рассуждение.

Тексты, создаваемые школьниками (учащимися), носят название сочинений. Это вид школьной письменной работы. Обучение сочинениям – одна из важнейших форм работы учителя-словесника (и вузовского преподавателя) по развитию речи школьников (и студентов). Ясно, что научить писать сочинения может только человек, который сам умеет это делать.

Каковы же этапы и методы работы над сочинением?

Первый этап работы над сочинением – выбор темы, темы наиболее близкой, известной, волнующей. Тема – это предмет повествования, изображения, исследования. Это понятие широкое. Следовательно, за определением темы должно последовать определение идеи – основной, главной мысли сочинения. Авторы сочинений на одну и ту же тему могут проводить и часто проводят разные идеи. Например, в сочинениях на тему «Как я понимаю дружбу» один отстаивает мысль о равноправии друзей, другой – об отсутствии такого равноправия.

Многие школьники подменяют одну тему другой, обычно отвлеченную тему – конкретной. Например, взяв или получив тему «Как я понимаю дружбу», школьник рассказывает о своем друге или о конкретных случаях, связанных с его другом.

Когда тема сочинения продумана, а идея определена, наступает время составления плана и написания самого сочинения. План дисциплинирует ход мыслей, способствует их последовательному развитию, регулирует отбор материала. В процессе работы он уточняется и

конкретизируется. План составляется не для преподавателя. Без продуманного плана нельзя написать хорошее сочинение.

Следующий этап работы – написание чернового варианта сочинения. Сочинения обычно состоят из 3 частей: вступления, основной части и заключения. Во вступлении ставится задача, формулируется главная мысль, раскрытию которой будет посвящена основная часть сочинения. Например, во вступлении к сочинению «Как я понимаю дружбу» можно высказать мысль о том, что дружба занимает в жизни человека важнейшее место, что человек, не имевший и не имеющий друзей, не может считать себя счастливым.

Заключение подытоживает, резюмирует предшествующее изложение, подтверждает выполнение той задачи, которую автор сформулировал во вступлении и решил в основной части сочинения. Например, в заключении нашего сочинения можно написать: «Таким образом, многочисленные факты человеческой дружбы подтверждают мысль о том, что в дружбе есть ведущий и ведомый».

Такова краткая характеристика работы над сочинением с точки зрения содержания. Сделаем несколько замечаний о работе над сочинением с точки зрения языковой формы. Сочинение (особенно домашнее) начинается с отдельных набросков. Это могут быть отдельные слова, названия, фамилии, цитаты, пословицы, поговорки, афоризмы, словосочетания, незаконченные и законченные предложения, короче – самый разнообразный строительный материал для будущего сочинения. Постепенно слова соединяются в блоки и в целые предложения, предложения – в абзацы, абзацы – в более крупные куски текста и, наконец, в полный, законченный текст сочинения. При сведении в целый текст отдельных фрагментов начинается новый этап литературной обработки сочинения. Приходится менять отдельные слова и сочетания, подбирать синонимы, устранять повторы, добиваться абсолютной связности, логичности изложения. Работа над сочинением заканчивается только тогда, когда мы убеждаемся, что сказали то, что хотели сказать, и сказали так, как хотели сказать.

По существу, мы говорим здесь о механизме речепроизводства.

Преподаватель дает студентам знания о том, как писать сочинения. Но умения и навыки продуцировать тексты вырабатывает сам студент (учащийся). Нужно постоянно тренироваться.

В качестве примеров рассмотрим следующие сочинения.

***Сочинение по картине С.А. Григорьева
«Вратарь» (№ 1)***

«Это происходило раней осенью. Осенний день был тёплый. Вратарь стоит слегка согнувшись в напряжении. Болельщики строго следили за игрой.

Ребята видно только со школы сразу стали играть за домом. Они бросили сумки и сделали из них ворота. У ребят видно что нет специальной формы, видно по вратарю. Игра идет в напряжении. И вратарь как-будто ждет мяча. Болельщики смотрят с удивлением, им нравится игра. Автор каждой детали нашел свое место убедительно показывает что футбол игра увлекательная».

***Сочинение по картине С.А. Григорьева
«Вратарь» (№ 2)***

«На картине С.А. Григорьева «Вратарь» изображены ребята, увлечённые игрой в футбол. Перед нами городская окраина, пустырь. Вдали виднеются дома, очертания строек. Стоит погожий сентябрьский денёк. Ветер носит по двору опавшие осенние листья. Ребята играют в футбол во дворе старого дома на вытоптанной от частых «футбольных баталий» площадке. Ворота наспех обозначены двумя школьными ранцами. Эти ребята – школьники. Они из одной школы и класса. У них нет специальной футбольной формы, и одеты они все по-разному, так, как обычно бегают на улице. Но это не мешает им быть хорошей дворовой футбольной командой.

Художник изобразил момент, когда в центре поля разгорелась схватка. Насколько она остра, мы можем судить по напряженной позе вратаря. Именно его художник помещает на передний план картины. Он одет в голубые спортивные трусы, в темную легкую кофту, на руках у него черные перчатки, на ногах ботинки. Разбитая коленка на правой ноге перевязана белым бинтом. Лицо его сосредоточенно. Он внимательно следит за мячом, стараясь не пропустить тот неуловимый миг, когда противник нанесет удар. Болельщики, расположившись на сложенных досках, не отрывая глаз, следят за мячом. Вместе с ребятами смотрит игру мужчина. Он, видимо, шел мимо, присел на краешек досок и, увлекшись, так и остался сидеть до конца игры, забыв о своих делах. Художник подчеркнул тем самым, что футбол – зрелище увлекательное, его любят как дети, так и взрослые. Мне кажется, эта картина вызывает приятные воспоминания у всех взрослых».

О качествах образцовой речи

Великим и могучим назвал русский язык И.С. Тургенев. И в этом нет преувеличения. Возможности нашего языка поистине безграничны. На русском языке можно выразить любую, самую сложную мысль, любое, самое сокровенное чувство. Неправ был поэт, заявивший: ««Как беден наш язык! Хочу и не могу... Не рассказать того ни другу, ни врагу...» Другое дело, что высокие достоинства языка не определяют еще качеств нашей речи. На одном и том же языке можно говорить и писать хуже и лучше. Все зависит от того, в какой степени мы овладели богатствами родного языка. В связи с этим перед каждым человеком встаёт вопрос: что же такое образцовая речь? Каковы её качества?

Качества речи выделяются по ее соотношению с такими объектами, как язык, мышление, объективный мир, обстановка речи и эстетика.

По соотношению речи с языком выделяется такое ее качество, как правильность.

По соотношению речи с мышлением выделяются такие ее качества, как содержательность, логичность, доступность и краткость.

По соотношению речи с объективным миром выделяется такое её качество, как точность.

По соотношению речи с обстановкой выделяется такое ее качество, как уместность.

По соотношению речи с эстетикой выделяются такие ее качества, как богатство, благозвучие, образность и своеобразие.

Таким образом, к качествам образцовой речи относятся: правильность; уместность, доступность, краткость, богатство, благозвучие, образность и своеобразие; содержательность, логичность и точность.

Раскроем эти понятия.

Понятие правильности речи¹ – широкое понятие. Это ее соответствие произносительным, лексическим, фразеологическим, морфологическим, синтаксическим, орфографическим и пунктуационным нормам. Речь, соответствующую перечисленным нормам, называют правильной. (А речь, соответствующую, кроме того, и стилистическим нормам, – образцовой.)

Говоря о правильности речи, уместно вспомнить следующее высказывание Цицерона: «...уметь правильно говорить ещё не заслуга, а не уметь – уже позор». По мнению Ф.И. Буслаева, правильность речи уже делает ее образцовой: «Как прекрасное лицо предполагает здоровье и цветущую силу, так и изящество предполагает правильность. Именно поэтому считаем мы образцом красоты простую безыскусственную речь древних произведений, именно поэтому меткое и точное выражение, схваченное из уст народа, возбуждает в нас чувство эстетическое, несмотря на то, что это выражение только правильно, ибо

¹ См. с. 7 и далее.

без всякой прикрасы передаёт мысль так, как она есть» [Буслаев Ф.И. О преподавании отечественного языка. М., 1941. С. 83].

Далее мы рассмотрим такие качества образцовой речи, как уместность, доступность, краткость, богатство, благозвучие, образность и своеобразие. Эти качества образцовой речи нередко называют нормами (правилами) стилистики. Но, поскольку стилистические нормы имеют нежесткий, рекомендательный характер, их лучше называть требованиями, принципами, рекомендациями стилистики.

Уместность речи – это ее соответствие сфере общения, теме высказывания, характеру аудитории, взаимоотношениям отправителя и получателей речи. Уместность речи – это правильный выбор стиля, это «стиль, отвечающий теме» (Некрасов). В бытовом разговоре на неделовые темы мы должны использовать разговорно-бытовой стиль, в сфере науки и техники – научно-технический стиль, в сфере делопроизводства, управленческо-деловой – официально-деловой (канцелярский) стиль, в сфере политики, публицистики – публицистический (общественно-политический) стиль, наконец, в сфере словесно-художественного творчества – литературно-художественный стиль. Говоря о предметах важных и высоких, мы прибегаем к высокому, торжественному стилю, говоря о предметах обыденных, прозаических – к сниженному, разговорному, непринуждённому. «Истинно красноречив тот, – говорил Цицерон, – кто обыкновенные предметы выражает просто, великие – возвышенно, а средние – с умеренностью». Особенности речи зависят от величины аудитории, ее подготовки, возраста и интересов. По-разному мы строим речь в зависимости от того, к знакомой или незнакомой, близкой или чуждой аудитории обращаемся.

Можно было бы, пожалуй, сказать, что лингвистический принцип уместности речи – это общефилософский принцип соответствия формы содержанию, перенесенный на языковую почву.

В лингвистической литературе нередко встречается выражение «чистота речи» [Головин 1980: 166]. Чистоту речи понимают как от-

существование языковых единиц, чуждых литературному языку, т.е. диалектизм, жаргонизм, арготизм, варваризм, вульгаризм, канцеляризм, слов-сорняков. Но нужно со всей определенностью сказать, что на этих лексических группах не лежит категорическое вето. Они на законном основании могут быть употреблены в просторечно-фамильярном и литературно-художественном стилях (в последнем – как средство речевой характеристики среды и персонажей и как средство иронии). Таким образом, все дело – в их уместности, о чем пишет и сам Б.Н. Головин [см.: Головин 1980: 252, 238, 175 и др.]. Следовательно, целесообразно пользоваться не понятием чистоты речи, а понятием её уместности.

Интересное высказывание по поводу уместности речи мы найдем у В. Солоухина: «...языкового мусора как такового нет и не может быть. Языковым мусором кажутся (оказываются) слова, забредшие из одной языковой сферы в другую.

Один химик остроумно заметил, что грязь – химические вещества не на своем месте. В самом деле, жидкая и липкая земля на чистом полу – это грязь, а в огороде на гряде она необходимая почва. Машинное масло на костюме – пятно, а в подшипнике – полезная смазка» [Солоухин В. Океан родной речи // Лит. газета. 1971. 3 / XI].

Как справедливо заметил Пушкин, «истинный вкус состоит не в безотчетном отвержении такого-то слова, такого-то оборота, но в чувстве соразмерности и сообразности».

Обязательное качество образцовой речи – доступность. Доступной считается такая речь, которая не вызывает затруднений в понимании ее содержания, проще говоря – речь понятная. В качестве синонимов термина *доступность* употребляют слова *ясность, простота, доходчивость, популярность*.

Французский философ XVIII века Гельвеций говорил: «...почти все правила стиля сводятся к ясности».

Доступность речи – качество относительное, поскольку определяется характером адресата. Но в задачу говорящего как раз и входит

сделать речь доступной по отношению к данному адресату. Древнеримский оратор Квинтилиан говорил: «Следует заботиться не о том, чтобы слушатель мог понять речь (а мог и не понять – в зависимости от степени своей проницательности), – а о том, чтобы во всяком случае не мог не понять её».

Чтобы сделать речь доступной, нужно «пускать в ход» только такие единицы языка, которые заведомо известны адресату, и не злоупотреблять периферийными, низкочастотными средствами языка – иноязычными и узкоспециальными словами, окказионализмами. Ср.: «Эта порода является одной из лучших *аборигенных* пород лошадей на Кавказе» (местных!); «Сейчас всех *растелившихся* коров нужно ставить на *раздой*, а для этого надо улучшить кормление животных»; «Повышалось *самоощущение* больного» (=Самочувствие больного улучшалось); «Два автомобиля *сфарились*»; «*Мутация* бывает двух видов – *коммутацией* и *пермутацией*. *Коммутацией* называется *корреляция* в одном плане, которая имеет *реляцию* к *корреляции* в другом плане языка; *инвариантами* являются *корреляты* с взаимной *коммутацией*, т.е. *мутацией* между членами парадигм. *Пермутацией* называется *реляция* и *сдвиг в цепи*, которые имеют соответствие в другом плане языка; вариантами являются *корреляты* с взаимной *субституцией*, т.е. отсутствием *мутации* между членами парадигмы, но наличием ее в цепи» (из учебника по общему языкознанию). Вот газетная пародия на столь любимые многими авторами усложнизмы: «Представленная автором психоделическая фантасмагория раскрывает перед читателем диалектическую экзистенциальность синдрома посткоитальной абстиненции, когда индивидуум не способен селективно абстрагироваться от ламинантно присущих ему девиантных аббераций, являя тем самым яркий пример конвергенции деструктивной ментальности и перманентно когнитивного креатива. Книга рекомендована для домашнего чтения в 1-3-х классах начальной школы».

Доступность речи зависит также от объёма и структуры фразы. Сотрудники Института кибернетики в немецком городе Падерборне

установили, что лишь половина взрослых людей понимает адресованную им фразу, если в ней содержится более 13 слов. Если без паузы произносятся 14 и более слов, треть взрослых обычно забывает начало предложения. Для семилетних нелегкой задачей бывает понять предложение, включающее более 8 слов.

Если слова произносятся без перерыва в течение более 5 с половиной секунд, нить понимания обрывается. Чтобы быть понятым, необходимо произносить не более 2 с половиной слов в секунду.

Устной речи не показаны многочлены, сложные предложения с несколькими придаточными.

Подлинные мастера слова, как правило, стремятся к речи ясной и простой. «С течением времени, – говорил К.Г. Паустовский, – обычно с приближением зрелого возраста, у большинства писателей развивается резкая взыскательность к слову и неприязнь к многословию. Простота и ясность языка становятся великими законами подлинной прозы». «...Способность простыми словами говорить о самых глубоких и сложных вещах – это вершина», – пишет Г. Бакланов. «По мере того, – говорил А.И. Герцен в «Былом и думах», – как мы из учеников переходим к действительному знанию, стропила и подмости становятся противны, – мы ищем простоты». «Самый верный признак истины, – утверждал Л. Толстой, – это простота и ясность, ложь всегда бывает сложна, вычурна и многословна». Аналогичную мысль в свое время высказал Гельвеций: «Ложная мысль нуждается в неясном выражении. Если ошибочный взгляд ясно изложен, то его скоро признают ошибочным. Чтобы осмелиться ясно выражать свои мысли, надо быть уверенным в их истине». Вспомним, наконец, слова Б. Пастернака:

Есть в опыте больших поэтов
Черты естественности той,
Что невозможно, не изведав,
Не кончить полной немотой.
В родстве со всем, что есть, уверясь

И знаясь с будущим в быту,
Нельзя не впасть к концу, как в ересь,
В неслыханную простоту.

Что следует понимать под краткостью речи? Можно ли считать, что краткая речь – это просто речь недлительная, т.е. произнесенная в течение сравнительно короткого времени? Нет. Такое понимание краткости речи было бы неправильным. Речь может длиться сравнительно недолго, но страдать многословием. Краткой является речь, использующая минимум языковых средств для выражения максимума содержания. Хороший стилист всегда заботится о том, чтобы избежать многословия, словесной избыточности. Все, что в тексте (речи) можно выбросить, нужно выбросить. Здесь уместно вспомнить великого французского скульптора Родена, который суть своего творчества определил следующими словами: «Я беру кусок мрамора и отбрасываю все лишнее». Еще Цицерон утверждал, что величайшее из достоинств оратора – не только сказать то, что нужно, но и не сказать того, что не нужно.

Это качество речи всегда высоко ценили все писатели и ораторы. Приведем несколько высказываний на эту тему.

«Точность и краткость – вот первые достоинства прозы», – писал А.С. Пушкин. «Краткость – сестра таланта», – подхватывает А.П. Чехов. «Краткость есть первое условие художественности», – утверждает Ф.М. Достоевский. «Много говорить и много сказать – это не есть одно и то же», – считал великий древнегреческий драматург Софокл. «То, что не достает ораторам в глубине, они восполняют длиннотами», – говорил французский просветитель XVIII в. Ш. Монтескье. «Слова подобны листьям: дерево, производящее их очень много, приносит очень мало плодов» (А. Поп, английский поэт и теоретик литературы первой половины XVIII в.). «Монеты, которые больше всего ценятся, – те, что представляют наибольшую ценность при наименьшем объеме; так и сила речи состоит в умении выразить многое в немногих словах» (древнегреческий писатель и философ Плутарх). Французский писатель XVIII в. Ф. Ларошфуко остроумно

заметил: «Отличительный признак большого ума – сказать много в немногих словах; ограниченный ум, наоборот, обладает даром говорить и ничего не сказать». «Глупость, – писал Гельвеций, – всегда хочет говорить, но никогда не имеет что сказать, вот почему она многословна». Широко известны строчки Некрасова: «Правилу следуй упорно: Чтобы словам было тесно, Мыслям – просторно».

Примером краткости речи могут служить многие выступления знаменитого адвоката Ф.Н. Плевако. Когда судили старика – священника, пропившего церковные доходы, Ф.Н. Плевако произнёс всего несколько слов. «Господа присяжные! – сказал он с поклоном. – О чём нам спорить? Подсудимый виноват. Подсудимый сознался. Но он тридцать лет подряд отпускал грехи ваши. А теперь вправе надеяться, что вы тоже отпустите ему один его грех». Надо ли объяснять, каково было решение присяжных?

Вот еще один яркий пример лаконичной и предельно энергичной речи. В 1942 году знаменитый снайпер Герой Советского Союза Людмила Павличенко в составе делегации советской молодежи посетила Англию и США. В Детройте ее попросили выступить на митинге дружбы, дали время – две минуты. Она говорила несколько секунд:

– Мужчины, американские мужчины! До каких пор вы будете держаться за юбки американских женщин? Пора открывать второй фронт!

Краткость – это искусство подтекста, искусство простоты и скромности человека не только в речи, но и в жизни.

Краткую речь называют еще лаконичной и лапидарной. Слово *лаконичный* (*лаконизм*) происходит от названия древней Лаконии (Спарта), жители которой славились краткостью и четкостью в выражении мысли. Слово *лапидарный* происходит от лат. *lapidarius* («относящийся к камням»): надписи на каменных памятниках всегда краткие, сжатые, выразительные, бьющие в цель. Лаконичностью речи отличались древние греки. Одна гречанка, провожая сына в бой, вручила ему щит и сказала: «С ним или на нём!»

Богатство (или разнообразие) речи заключается в использовании максимума разнообразных единиц языка, разумеется, не во вред содержанию речи. Чем реже повторяются в речи одни и те же слова, их значения, формы и конструкции, тем богаче речь. И наоборот. Богатой называют речь, использующую все синонимические ресурсы языка, речь, в которой мало повторов. Известно, что синонимические ресурсы русского языка необычайно велики. Кроме того, нужно учитывать возможность использования разнообразных описательных обозначений одного и того же предмета. Напр.: *великий, выдающийся, известный, знаменитый, славный, популярный; время, пора, век, период, эпоха, эра; своеобразный, самобытный, неповторимый, своеобразный, свой, особый, особенный, специфический, специфичный, характерный, характеристичный, (о творчестве) оригинальный, самостоятельный, индивидуальный, нестандартный, неизбитый; курорт Паланга, здравница янтарного края, жемчужина янтарного берега, край солнечного камня. И т. д.*

Совпадают ли понятия *богатство языка* и *богатство речи*? Нет, не совпадают. Язык может быть богатым (т.е. очень развитым, способным выразить любую, самую сложную мысль, любое, самое сокровенное чувство), а речь на этом языке – бедной, если говорящий недостаточно овладел данным языком.

Обязательное качество образцовой речи – благозвучие. Благозвучие – это наиболее целесообразная с точки зрения говорящих на данном языке организация звуков, удобная для произношения и приятная для слуха. Как заметил Аристотель, «написанное должно быть удобочитаемо и удобопроизносимо».

Благозвучие речи – категория не универсальная, а национальная, обусловленная фонетической системой данного языка. Всё, что не свойственно языку, что выходит за рамки привычных артикуляций, производит впечатление неблагозвучия. Для русского человека благозвучна, например, пушкинская строка «У лукоморья дуб зеленый...» и неблагозвучна фраза «Вдруг взгрустнулось другу: вскоре

Снова встретит он врага»: в этой фразе много труднопроизносимых сочетаний согласных (*вдр, взгр, вск, встр*), навязчивое повторение одних и тех же (*у, в, р*), а также подобных (*д-т, з-с*) звуков.

Благозвучие русской речи объясняют следующими свойствами русского языка и русской речи.

1) Абсолютное большинство слогов в русском языке / речи открытые (т.е. заканчиваются гласными звуками) [см.: Михайлов 1968: 344]. Открытые слоги, построенные по закону восходящей звучности, придают речи плавность, музыкальность. Напр.: «Я о своем таланте Много знаю. Стихи – не очень трудные дела. Но более всего Любовь к родному краю Меня томила, Мучила и жгла» (С. Есенин).

2) В русской речи часто используются «голосовые» звуки – гласные, сонорные и звонкие согласные. По подсчетам А.М. Пешковского, в первой тысяче звуков «Евгения Онегина», «Фауста» и «Божественной комедии» соответственно оказалось безголосных – 20, 24 и 18 процентов [см.: Михайлов 1968: 345].

3) Русское ударение является разноместным и подвижным: в одних словах оно падает на 1-й, в других – на 2-ой, в третьих – на 3-ий слог и т.д. (*во́лосы, воро́на, потоло́к, обороноспосóбность*); в разных формах одного слова оно способно перемещаться с одного слога на другой (*го́род – города́*). Эти свойства русского ударения предупреждают монотонность речи, разнообразят ее, придают ритмичность и гибкость.

4) Звуки русской речи подвержены большим позиционным и комбинаторным изменениям. Напр.: *во́ды, в[а]да, в[ъ]дяно́й; [мат], [м'ат], [мат'], [м'ат']*.

5) Русский язык отличается большим числом мягких согласных: из 35 согласных фонем 16 являются мягкими. Парные согласные смягчаются перед гласным переднего ряда (*мел, мил*). Частотность мягких согласных в русской речи очень высока.

6) В русской речи значительное место занимают носовые *м, н* и плавный *л*, придающие речи нежность и музыкальность. По наблюде-

ниям С.П. Обнорского, слова, начинающиеся с плавного или носового, составляют четверть словарного запаса.

7) Благозвучие русской речи в огромной степени определяется исключительным богатством интонаций, свойственных русскому языку.

Благозвучие речи снижают следующие факты.

1) Скопление шипящих и свистящих звуков, которые не имеют (или почти не имеют) голоса и делают речь неблагозвучной. Чехов писал: «Я не люблю слов с обилием шипящих и свистящих, избегаю их». Вот несколько примеров: «Остановившись и осмотревшись, товарищи решили совершить путешествие к роще, укрывшейся в лощине»; «Мать» Горького – замечательнейшее произведение, изображающее лучших людей, посвятивших жизнь борьбе за лучшее будущее»; «На производственных совещаниях речь шла о студентах, пропускающих лекции, не выполняющих домашних заданий, не сдавших до сих пор зачетов по внеаудиторному чтению»; «Артист Степанов стал читать стихи».

2) Скопление – на небольшом пространстве речи – согласных звуков, особенно одинаковых. Напр.: «Купил Петр метр драпа».

3) Скопление рядом стоящих гласных (зияние) вызывает трудности в произношении и некрасиво звучит: «Мы были у Ионовой»; «А о эволюционном развитии что знаете?»; «Вопрос о орфографии будет рассмотрен специально»; «А у Анатоля Франса есть такой рассказ»; «а у аэродрома» и т.д.

4) Неблагозвучной делает речь стечение (повторение) одинаковых слогов. Напр.: «Я был готов к спору, так как как раз перед этим прочитал необходимую литературу»; «Не раз рассматривали литераторы рисунки и иллюстрации, изготовленные изостудией»; «Он благодарит правление колхоза за заботу о детях»; «Спортсмен удостоен приза за завоеванную победу» и т.д. По поводу предложения «Он писал стихи, хитроумно подбирая рифмы, ловко жонглируя пустыми

словами» Горький заметил: «Автор не слышит в своей фразе хихиканья, не замечает «мыло».

5) Если в поэтическом тексте рифма желательна и придает тексту музыкальность, то в прозаическом она ощущается как безусловный дефект. Напр.: «В Москве, по сведениям Института прогнозов, завтра 18 градусов мороза»; «Привлекает внимание мраморное здание»; «Под свой контроль прокуратура взяла и такие дела».

6) Нужно внимательно следить за тем, чтобы в речи не появлялись случайные созвучия, позволяющие воспринимать речь иначе, чем это задумано говорящим. Напр.: «А волны и стонут, и плачут, И бьются о борт корабля» (песня; сейчас стали петь: «...и плещут на борт корабля»); «Как увижу, как услышу – все во мне заговорит...» (песня); «О север, север, чародей! Иль я тобою околдован?»

7) Речь будет благозвучной, ритмичной только в том случае, если словесные ударения будут идти не подряд и находиться не слишком далеко друг от друга. Для этого надо чередовать односложные слова с многосложными, короткие фразы – с длинными. Скопление же коротких или, наоборот, длинных слов и фраз создает монотонность, однообразный ритм. Так, некрасиво звучит, производя впечатление барабанного боя, следующая фраза из коротких слов: «Пан был скуп и нагл, он был наш лютый враг». Фразы же из одних длинных слов неблагозвучны своей вялостью, тягучестью: «С фотокорреспондентом Перепелкиным, прикомандированным для усовершенствования, поступили несправедливо». При произношении тех или других фраз мы вынуждены удлиннять паузы между словами, чтобы снять с них налет неблагозвучия.

8) Отрицательно сказывается на благозвучии речи повторение одних и тех же или однокоренных слов (т.е. повторение корней). Напр.: «Вузы нашей страны готовят хорошо подготовленных специалистов»; «Язык является общественным явлением»; «Таким образом, эти образы имеют огромное значение». Фразы такого рода страдают монотонностью. Но главный недостаток таких фраз – тавтологич-

ность, дублирование смысла. Напр.: «В Краснодаре молодые патриоты организовали подпольную организацию «Молодая гвардия»; «Мы попали под проливной ливень». Тавтологии как разновидность плеоназмов – явление не только и не столько эвфоническое, сколько семантическое.

Весьма желательным для художественной, ораторской и публицистической (а также бытовой) речи является такое качество, как образность.

Слово *образность* непосредственно образовано от слова *образный*, а это последнее – от слова *образ*. Образ в языке – это, как мы уже сказали, «двуплановое изображение, основанное на представлении одного предмета через другой» [Коралова 1972: 87], это свернутое сравнение, результат переноса наименования. Следовательно, образная речь – это речь, использующая «двуплановые изображения» (тропы) – метафоры, метонимии и синекдохи.

Образная речь воздействует не только на ум, но и на эстетическое чувство, на эмоциональную сферу слушателя (читателя). Сравним выражения, совпадающие с точки зрения понятийного содержания, но различающиеся отсутствием / наличием образности:

1) *Огромное значение может иметь даже один конкретный факт* – и «Когда выжмешь сухой факт, порой капнет слеза или кровь» (польский писатель Станислав Ежи Лец);

2) *Дорогие товарищи, проведение перестройки затрудняется национальной рознью, которая порой приводит к кровопролитию* – «Дорогие товарищи, нелегко сеять семена перестройки в землю с трещинами национальной розни. Что стоят тосты за дружбу народов, когда под ножки стола подтекает кровь?» (Е. Евтушенко на I съезде народных депутатов СССР.)

Вот еще несколько примеров образности речи:

«Старость – это усталость изношенных деталей человеческой машины, истощение внутренних ресурсов. Не греет кровь, не ходят ноги, не гнется спина, слабеет мозг, тускнеет память. Ритм старости –

медлительный, как ритм горения почти догоревших дров в печи: всё тише и бледнее пламя, вот рассыпалось на золотые куски одно поле-но, другое – и вот уже последние синие огоньки: скоро закрывать трубу» [Адамович А., Гранин Д. Блокадная книга // Нов. мир. 1981. № 11. С. 135].

«Ж-5058. 27/165, жительница Нефтеюганска. Годы пугают. Хочу перехитрить ленивую судьбу. Надежда слабеет – мечта настойчива: сердце заждалось праздника, не остывает. Он должен встретиться...» [Реклама. 29.01.87].

«У Войцехова на выходе была диссертация. Нет более уязвимо-го существа, чем диссертант перед защитой. Он подобен крабу во время линьки: пока не вырос новый панцирь, каждый, кому не лень, может съесть. Оказалось – не лень» [Из газеты].

«Жизнь для меня не тающая свеча. Это что-то вроде чудесного факела, который попал мне в руки на мгновение, и я хочу заставить его пылать как можно ярче, прежде чем передать грядущим поколениям» (Б. Шоу).

В публицистической, научной и бытовой речи имеют место элементы образности, отдельные образные средства. Элементы образности в этих стилях (особенно в научном и бытовом) необязательны, неспецифичны. Что же касается речи художественной, то образность является ее специфическим качеством. Правда, дело здесь не в количестве метафор и сравнений, а в общей эстетической направленности изложения. Для обозначения образности как стилистического качества словесно-художественного произведения «более уместным представляется термин *художественная образность*», – говорит М.М. Михайлов [1968: 301-302].

В качестве синонимов термина *образность* используют термин *фигуральность* и *метафоричность*.

Что касается термина *экспрессивность*, то его не следует синонимизировать с термином *образность*. Экспрессивность – это выразительность, изобразительность, воздействующая сила речи

(Е.М. Галкина-Федорук). Д.Э. Розенталь и М.А. Теленкова вслед за Е.М. Галкиной-Федорук определяют экспрессию как «выразительно-изобразительные качества речи, сообщаемые ей лексическими, словообразовательными и грамматическими средствами (экспрессивной лексикой, особыми аффиксами, тропами, фигурами)» [Розенталь, Теленкова 1972: 485]. «...Сущность языковой экспрессии – в преодолении всевозможных шаблонов, стандартов» [Харченко 1976: 70]. «Экспрессивное в языке выступает как нерегулярное, нетипичное и поэтому необычное, свежее, выразительное» [Там же]. «...Под экспрессивностью речи обычно понимается её не-нейтральность, остраение, деавтоматизация, придающие речи необычность, а тем самым и выразительность...» [Человеч. фактор в яз.: Язык. механизмы экспрессивности 1991: 7]. Экспрессивная речь – речь не-нейтральная, своеобразная, индивидуализированная. Она использует языковые средства всех уровней: лексики, словообразования, синтаксиса, морфологии и даже фонетики. Образность (образные, фигуральные значения слов) – это одно из средств экспрессивности. Образная речь экспрессивна, но экспрессивная – не всегда, необязательно образна.

Важнейшее качество образцовой речи – своеобразие. Своеобразной является речь, которая несет на себе печать личности автора. У каждого человека – в идеале – должна быть своя, особая, неповторимая манера выражаться, свой индивидуальный стиль. Как остроумно выразился французский естествоиспытатель Бюффон, «стиль – это человек» (иначе: человек – это стиль). Английский писатель Дж. Свифт говорил: «Как человека можно распознать по обществу, в котором он вращается, так о нем можно судить и по языку, которым он выражается».

Если попытаться конкретизировать это понятие, то можно сказать, что своеобразие речи проявляется в индивидуальном отборе и сочетании элементов языка, прежде всего слов. Во-первых, в речи отдельного человека могут быть слова, почти не употребляемые подавляющим большинством окружающих, слова малочастотные, напр.: *споспешествовать* («содействовать»), *одиозный* («крайне не-

приятный»), *волонтёр* («доброволец»), *аула* («актовый зал в университете»), *библиофаф* («хоронящий книги»), *бонвиван* («кутила»), *инфлуэнца* («грипп»), *консоме* («крепкий отвар из мяса или дичи»), *куртуазный* («любезный, вежливый»), *логомахия* («спор о словах, в котором не затронута сущность дела»), *мизандрия* («мужененавистничество») и т.д. Во-вторых, речь отдельного человека может характеризоваться отсутствием (неиспользованием) тех или иных высокочастотных, привычных для окружающих элементов языка, например *вопрос, разговор, обговорить*. Наконец (и это самое главное), своеобразие речи может проявляться в сочетаниях элементов языка. Например, словосочетание *розовый конь* принадлежит С. Есенину, *грамматика любви* – И. Бунину, а *тут нам подбрасывают, процесс пошел, так называемые демократы* – М.С. Горбачёву.

Чем необычнее словарь человека и создаваемые им комбинации слов, тем своеобразнее его речь.

А.С. Пушкин писал: «*Это уж не ново, это было уж сказано* – вот одно из самых обыкновенных обвинений критики. Но все уже было сказано, все понятия выражены и повторены в течение столетий: что ж из этого следует? Что дух человеческий уже ничего нового не производит? Нет, не станем на него клеветать: разум неистощим в *соображении* понятий, как язык неистощим в *соединении* слов. Все слова находятся в лексиконе; но книги, поминутно появляющиеся, не суть повторение лексикона. *Мысль* отдельно никогда ничего нового не представляет; *мысли* же могут быть разнообразны до бесконечности»¹. (Выделено Пушкиным. – Ю.Ф.)

Своеобразие речи прежде всего и главным образом проявляется в литературно-художественном стиле, в индивидуальном стиле писателя и поэта (а также журналиста).

Внелингвистическими качествами образцовой речи являются содержательность, логичность и точность.

¹ Пушкин А.С. «Об обязанностях человека», сочинение Сильвио Пеллико (1836) // Русские писатели о языке (XVIII-XX вв.). – Л., 1954. – С. 74.

в) Содержательность речи – это богатство ее содержания, количество и качество мыслей. Содержательной речи противопоставлена речь малосодержательная, бессодержательная, пустая. Содержательность речи – её важнейшее, определяющее качество. Но это качество не является языковым (т.е. зависит не от знания языка, а от знания той или иной науки, профессии, специальности, сферы деятельности, рода занятий).

Логичность речи состоит в ее соответствии правилам логики, в соблюдении логических законов тождества, противоречия, исключенного третьего и достаточного основания, в связности и последовательности изложения. Логика речи – это правила сочетания понятий (и суждений). Логичность (или нелогичность) речи обнаруживается в пределах фразы или целого текста. Логичность речи не допускает высказываний типа: «Она не красавица, но характер у нее сильный»; «У окна за выдачей обедов стоит уже немолодая, но приветливая женщина»; «Кораблям не спится в порту, им снятся моря, им снятся ветра»; «На дне жизни оказываются не только талантливые люди, но и женщины»; «В драке мне нанесли три раны, из них две смертельных»; «Сначала Телемак не узнавал своего отца. Тогда Одиссей одел новые штаны, и Телемак узнал его».

Точность речи – это её полное соответствие обозначаемым предметам и картинам внешнего мира. Это истинность передаваемой информации. Точность речи требует хорошего знания предмета. «Что неясно представляешь, то неясно и выскажешь», – писал Н.Г. Чернышевский. «Учитесь мыслить Вы, затем уже писать, Идет за мыслью речь; яснее иль темнее. И фраза строится по образцу идеи: Что ясно понято, то четко прозвучит, И слово точное немедля набежит» (Н. Буало. Поэтическое искусство).

Говорящий всегда стремится сделать свою речь действенной, результативной, т.е. максимально эффективно передать слушателю определенную информацию, побудить его к совершению того или иного поступка. Действенность речи определяется всеми ее ранее

охарактеризованными качествами. Иначе говоря, если наша речь – правильная, уместная, доступная, краткая, богатая, благозвучная, образная, своеобразная, содержательная, логичная и точная, то она будет и действенной.

Сила человеческого слова беспредельна: «Словом можно убить, Словом можно спасти, Словом можно полки За собой повести» (В. Шефнер). «Я знаю силу слов, я знаю слов набат», – говорил В. Маяковский.

Качества образцовой речи не должны вступать в противоречие друг с другом. Например, краткость и образность речи не должны достигаться за счет ее доступности, образность – за счет уместности и т.д. Необходимо добиваться в речи гармонического сочетания всех ее лучших качеств.

Задача учителя-словесника – не только теоретически изучить типологию качеств образцовой речи, но и практически достичь высокой речевой культуры.

Каждый стиль характеризуется своим набором основных качеств:

разг.-быт. стиль	простота, непринужденность
научно-техн. стиль	точность, логичность, объективность
офиц.-дел. стиль	точность, логичность, объективность, официальность, безобразность
публ. стиль	эмоциональность, экспрессивность, образность, (своеобразие)
лит.-худ. стиль	образность, эмоциональность, субъективность, своеобразие

РИТОРИКА

Что такое риторика

Риторика – это «теория красноречия, ораторского искусства» [Розенталь, Теленкова 1972: 334]. Кроме того, слово *риторика* употребляются в значении «напыщенная и бессодержательная речь», напр.: «пустая риторика», «впасть в риторику» [Ожегов, Шведова 1994: 669].

Слово *красноречие* имеет два значения: 1) «дар хорошо и красиво говорить» и 2) «риторика». Можно сказать: «Мы изучаем риторику», «Мы изучаем теорию красноречия». Слово *риторика* восходит к греческ. *rhētorikē* – «ораторское искусство». В современном русском языке слово *риторика* (по крайней мере – формально) ощущается как производное от слова *ритор* («оратор»). Слово *ритор* в древней Греции и Риме обозначало оратора (а также учителя красноречия). В современном русском языке слово *ритор* имеет два значения: 1) ист. «оратор, а также учитель ораторской речи в древней Греции и Риме» и 2) книжн. устар. «оратор, говорящий многословно и напыщенно». Наиболее частотное слово – *оратор*. Это слово появилось в русском языке в начале XVIII столетия, а более широкое распространение получило в первой трети XIX века. Оно происходит от латинского слова *orare*, что в переводе означает «говорить». Слово *оратор* в современном русском языке имеет два значения: 1) «тот, кто произносит речь» и 2) «человек, обладающий даром красноречия» [Ожегов и Шведова 1994: 449]. Напр.: «Все ораторы были единомышленны» и «Луначарский был блестящим оратором». Предмет риторики – публичная речь.

«Публичный» значит «совершающийся в присутствии публики». Публичная речь – это речь, обращенная ко многим слушателям. Это устная монологическая речь. (Монолог – это речь одного человека (а диалог – «разговор между двумя лицами, обмен репликами»)).

В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» о риторике говорится: «...филологическая дисциплина, изучающая способы построения художественно выразительной речи, прежде всего прозаической и устной; близко соприкасается с поэтикой и стилистикой» [416].

История риторики подразделяется на два неравных периода. Риторика как особая наука возникла в древней Греции. Первый, не дошедший до нас учебник риторики был составлен в 5 веке до н. э. Развитую форму риторики приобрела в 3-2 вв. до н.э. благодаря деятельности Исократа, Аристотеля (384-322 г. до н.э.), Феопомпа, Дионисия Галикарнасского и др. (Среди этих имен наиболее известно, конечно, имя Аристотеля.) С середины 2 века до н.э. под греческим влиянием в Риме также появляются ораторы и теоретики риторики, прежде всего Цицерон и Квинтилиан. Античная риторика была усвоена в средневековье и пользовалась большим престижем, входя в число семи «избранных наук». В 16-18 вв. во Франции, Германии и Италии вышло большое число трактатов по риторике. В 17 веке через Польшу и Украину идеи риторики проникли в Россию. К 1623 году относится рукопись Макария «Книги суть риторики двои...». В 1716 году было напечатано руководство по риторике Феофана Прокоповича, а в 1748 году – «Риторика» М.В. Ломоносова. В начале 19 века риторика приходит в состояние упадка.

Однако с 60-х годов XX века вновь начинается расцвет риторики. Она быстро и продуктивно развивается. Этот второй период в истории риторики нередко называют «неориторикой». Специфика неориторики – учёт всех достижений современной лингвистики, психолингвистики, теории коммуникации и т.д.

Роды и виды ораторского искусства

Роды и виды ораторского искусства формировались постепенно. Так, например, в России 17-18 вв. авторы риторик выделяли пять основных типов (родов) красноречия: придворное, используемое в высших кругах дворянства; духовное (церковно-богословское); военное (обращение полководцев к солдатам); дипломатическое; народное красноречие, использовавшееся вожаками крестьянских восстаний при обращении с пламенными речами к народу.

В современной практике публичного общения выделяют следующие роды красноречия: социально-политическое, академическое, судебное, социально-бытовое и духовное (церковно-богословское). Названные роды делятся на виды и жанры. Эта классификация носит ситуативно-тематический характер, так как учитывается, во-первых, ситуация выступления, во-вторых – его тема и цель.

К социально-политическому красноречию относятся выступления на социально-политические, политико-экономические, социально-культурные, этико-нравственные темы, выступления по вопросам научно-технического прогресса, отчетные доклады на съездах, собраниях, конференциях, дипломатические, политические, военно-патриотические, митинговые, агитаторские и парламентские речи.

К числу талантливых политических ораторов принадлежали такие деятели русского революционного движения второй половины 19 века, как М.А. Бакунин, П.А. Кропоткин, В.И. Засулич. Выдающимися ораторами были Г.В. Плеханов, Н.И. Бухарин, Г.Е. Зиновьев, С.М. Киров, А.М. Коллонтай, В.И. Ленин, А.В. Луначарский, Л.Д. Троцкий, Г.В. Чичерин и др.

К академическому красноречию относятся вузовская и научно-популярная лекция, научный доклад, научный обзор, научное сообщение. Академическое красноречие близко к научному стилю, но в нём нередко используются художественно-изобразительные средства языка. В России академическое красноречие сложилось в первой половине XIX века с превращением университетов в крупные центры научной мысли. Выдающимися представителями академического красноречия были Т.Н. Грановский, С.М. Соловьев, В.О. Ключевский, И.М. Сеченов, Д.И. Менделеев, К.А. Тимирязев, В.И. Вернадский, А.Е. Ферсман, Н.И. Вавилов и др. Познакомимся с началом речи А.А. Ухтомского «О знаниях»: «Ежегодно всё новые волны молодежи приходят с разных концов в университет на смену предшественникам. Какой мощный ветер гонит сюда эти волны, мы начинаем понимать, вспоминая о горестях и лишениях, которые приходилось испытывать, пробивая преграды к этим заветным стенам. С силой ин-

стинкта устремляется молодёжь сюда. Инстинкт этот – стремление знать, знать всё больше и глубже. Силу эту приходится назвать инстинктом потому, что она поистине владеет нами, не считаясь с нашими частными побуждениями, маленькими личными удовольствиями и страхами. И если искать для этой силы достойного носителя, то это народ. Подчиняясь инстинктивному устремлению к знанию, мы делаем историческое дело народа, которому принадлежим».

Судебное красноречие – это род речи, призванный оказывать целенаправленное и эффективное воздействие на суд, способствовать формированию убеждения судей и других участников процесса. Обычно выделяют прокурорскую (или обвинительную) и адвокатскую (или защитительную) речь.

Русское судебное красноречие начинает развиваться во второй половине XIX века после судебной реформы 1864 года, с введением суда присяжных. Выдающимися представителями судебного красноречия были талантливые русские юристы дореволюционного периода С.А. Андреевский, А.Ф. Кони, В.Д. Спасович, К.К. Арсеньев, А.И. Урусов, Н.И. Холев, Н.П. Карабчевский, Ф.Н. Плевако.

Судебный процесс – это разбирательство уголовного или гражданского дела, исследование всех материалов, связанных с ним, которое происходит в обстановке поисков истины, борьбы мнений процессуальных оппонентов. Конечная цель данного процесса – вынести законный и обоснованный приговор, чтобы каждый совершивший преступление был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к ответственности и осуждён. Выяснить, доказать, убедить – вот три взаимосвязанные цели, определяющие содержание судебного красноречия.

Примером судебного красноречия может служить речь адвоката Ф.Н. Плевако в защиту старушки, укравшей у соседки жестяной чайник стоимостью менее 50 копеек. Прокурор решил обезоружить адвоката и сам сказал все, что можно было сказать в защиту подсудимой: бедная старушка страдает от горькой нужды, кража незначи-

тельная, подсудимая вызывает не негодование, а только жалость. Но собственность священна, общество держится на собственности, и если посягать на неё, то страна погибнет.

Поднялся Ф.Н. Плевако: «Много бед, много испытаний пришлось претерпеть России за ее больше чем тысячелетнее существование. Печенеги терзали ее, половцы, татары, поляки. Двенадцать языков обрушились на нее, взяли Москву. Все вытерпела, все преодолела Россия, только крепла и росла от испытаний. Но теперь, теперь... Старушка украла старый чайник ценою в тридцать копеек. Этого Россия уж, конечно, не выдержит, от этого она погибнет безвозвратно!» И суд оправдал старушку. [См.: Антол. русск. ритор. С. 357-358.]

К социально-бытовому красноречию относится юбилейная речь, посвященная знаменательной дате или произнесенная в честь отдельной личности, носящая торжественный характер; приветственная речь; застольная речь, произносимая на официальных, например дипломатических, приемах; надгробная речь, посвященная ушедшему из жизни.

Одним из видов социально-бытового красноречия было придворное. Для него характерно пристрастие к высокому слогу, пышным, искусственным метафорам и сравнениям. Таковым является «Слово похвальное блаженной памяти Государю Императору Петру Великому, говоренное апреля 26-го дня 1755 года» М.В. Ломоносовым. [См.: К-ра русск. речи 2001: 102.] В XIX веке пышность слога утрачивается. Вот начало речи С.А. Андреевского на юбилее В.Д. Спасовича, произнесенной 31 мая 1891 года: «Владимир Данилович! Я бы мог в вас приветствовать всё, что угодно, — только не юбиляра. Простите мне мою ненависть к времени! Вы глава нашей адвокатуры, славный ученый, большой художник, вечно памятный деятель, — лично для меня: дорогой друг и человек, — всё, что хотите, — но только не завоеватель двадцатилетней пряжки, не чиновник-юбиляр! Упаси Боже!» [Цит. По: К-ра русск. речи 2001: 103.]

Духовное (церковно-богословское) красноречие – древний род красноречия, имеющий богатые традиции. Выделяют проповедь (слово), которую произносят с церковного амвона или в другом месте для прихожан и которая соединяется с церковным действием, и речь официальную, адресованную самим служителям церкви или другим лицам, связанным с официальным действием.

В церковной ораторской речи выделяют два подвида: красноречие дидактическое (или учительное), которое преследовало цели морального наставления, воспитания, и панегирическое (или торжественное), которое посвящено знаменательным церковным датам или государственным событиям. В церковных речах отражается интерес к внутреннему миру человека – источнику его дурных и хороших привычек. Осуждаются гнев, гордыня, лицемерие, сребролюбие, пьянство, болтливость. Прославляются мудрость, милосердие, трудолюбие, патриотизм, чувство национального самосознания. Духовное красноречие изучает наука о христианском церковном проповедничестве – гомилетика.

Вот отрывок из наказа – поучения «12-го слова» митрополита Московского Даниила XVI в.: «Возвысь свой ум и обрати его к началу пути твоего, от чрева матери твоей, вспомни годы и месяцы, дни и часы, и минуты – какие добрые дела успел совершить ты? Укрепи себя смирением и кротостью, чтобы не рассыпал враг добродетели твоей и не лишил бы тебя царского чертога. А если же ты злое и пагубное для души творил – кайся, исповедуйся, плачь и рыдай: в один день по блуду согрешил ты, в другой – злопамятством, в третий – пьянством и обжорством, потом еще и подмигиванием и еще – клеветой и осуждением, и оболганием, и роптанием, и укорами. И сколько дней еще проживешь – все прилагаешь к старым грехам новые грехи». [Цит. По: К-ра русск. речи 2001: 104.]

Замечательные образцы духовного красноречия – «Слово о законе и благодати» Илариона (XI в.), проповеди Кирилла Туровского (XII в.), Симеона Полоцкого (XVII в.), Тихона Задонского (XVIII в.), митрополита Московского Платона (XIX в.), митрополита Москов-

ского Филарета (XIX в.), патриарха Московского и всея Руси Пимена (XX в.), митрополита Крутицкого и Коломенского Николая (XX в.).

Приведем отрывок из слова митрополита Крутицкого и Коломенского Николая «Чистое сердце», сказанного им в церкви Даниловского кладбища города Москвы: «Чистое сердце – это наше богатство, наша слава, наша красота. Чистое сердце – это хранитель благодати Святого Духа, место рождения всех святых чувств и желаний. Чистое сердце – это та брачная одежда, о которой говорит Господь в Своей притче и только в которой мы можем стать участниками небесной трапезы в вечной жизни». [Цит. по: К-ра русск. речи 2001: 105.]

Стилистические признаки ораторской речи

Тропы и фигуры

Как известно, современный русский литературный язык делится на 5 основных функциональных стилей: научно-технический (научный), официально-деловой, публицистический и литературно-художественный, а также разговорно-бытовой. Первые четыре стиля называются книжными. В целом ораторская речь имеет книжный характер. Социально-политическое красноречие отражает особенности публицистического стиля; академическое красноречие – особенности научного стиля; судебные речи – особенности научного стиля (его юридического подстиля) с элементами художественной речи; социально-бытовое красноречие – особенности т.н. высокого стиля; духовное красноречие представляет собой другую разновидность высокого, торжественного стиля. Поскольку же ораторская речь имеет устное воплощение, на нее оказывает влияние разговорно-бытовой стиль (разговорно-литературный подстиль). Степень книжности или разговорности зависит от индивидуальной манеры оратора. Умелый оратор находит между ними баланс. Сильная книжность сушит речь, а разговорность может опустить ее до бытового уровня. Кстати, установлено, что при восприятии письменной речи человек воспроизво-

дит потом лишь 50% полученной информации, а при восприятии той же информации в устной форме – 90%. Примером контаминации книжности и разговорности может служить отрывок из лекции И.П. Павлова: «Где общая схема высшей нервной деятельности? Где общие правила этой деятельности? Перед этими законнейшими вопросами современные физиологи стоят поистине с пустыми руками. Почему же объект так сложен конструктивно, так обилен функциями, а рядом с этим исследование его для физиолога уперлось как бы в угол, а не представляется почти безграничным, как можно было бы ожидать?» [Цит. по: К-ра русск. речи 2001: 110.]

С одной стороны, мы наблюдаем здесь книжные слова и термины (*функция, объект, безграничный, высшая нервная деятельность*), с другой стороны – разговорную фразеологию (*с пустыми руками* – т.е. ничего не получив, *упереться в угол* – т.е. лишиться дальнейшего развития). Такой сплав книжных и разговорных элементов делает речь более экспрессивной, более действенной.

Публичная речь активно использует выразительные средства языка – тропы и фигуры. Тропы – это слова, употребленные в переносных значениях для достижения большей художественной выразительности. Наиболее распространённые тропы – метафора, метонимия и синекдоха, а также олицетворение, аллегория, гипербола, литота, эпитет, перифраза и сравнение. (Впрочем, сравнение одни относят к тропам, другие – к фигурам.) Фигуры речи (иначе – риторические, стилистические фигуры) – это приёмы стилистического (художественного) синтаксиса. Наиболее распространённые фигуры речи – это антитеза, инверсия, градация, параллелизм, эллипсис, риторический вопрос, риторическое обращение, анафора, эпифора, бессоюзие, многосоюзие и умолчание.

Проиллюстрируем наиболее важные тропы и фигуры.

Самый сильный, самый выразительный троп – это метафора (перенос наименования по сходству). Напр.: «весна жизни» (молодость), «восходящая звезда экрана», «ржавчина в душе», «Солнце нашей по-

эзии закатилось!» (А.А. Краевский – о Пушкине), «Жизнь для меня не тающая свеча. Это что-то вроде чудесного факела, который попал мне в руки на мгновение, и я хочу заставить его пылать как можно ярче, прежде чем передать грядущим поколениям» (Б. Шоу).

Метонимия – это перенос наименования по смежности. Напр.: «изящный мрамор» (изделие из мрамора), «Лес поёт» (птицы в лесу), «Москва погрузилась в сон» (москвичи).

Синекдоха – это перенос наименования с целого на часть и с части на целое. Напр.: «Суд примет во внимание всё» (судья), «Защита требует оправдания подсудимого» (защитник), «У него рука в министерстве» (покровитель).

Олицетворение – это перенесение свойств человека на неживые предметы, отвлечённые понятия, зверей. Напр.: «Море смеялось» (М.Г.), «Лес задумался», «Его гложет тоска».

Аллегория – это иносказательное изображение отвлечённого понятия при помощи конкретных художественных образов (в баснях, сказках, пословицах). Например, в баснях и сказках хитрость воплощается в образе лисы, жадность – в облике волка, коварство – в виде змеи. Название романа И.А. Гончарова «Обрыв» – это символ духовного «обрыва», душевной драмы героини романа.

Гипербола – это образное выражение, содержащее непомерное преувеличение силы, размера, значения какого-либо предмета. Напр.: «Я вас не видел тысячу лет»; «Редкая птица долетит до середины Днепра» (Гоголь); «В сто сорок солнц закат пылал» (Маяк.).

Литота – это образное выражение, содержащее непомерное преуменьшение силы, размера, значения какого-либо предмета. Напр.: «Ни копейки нет»; «Истратилась до копейки»; «Одну секунду!»; «В двух шагах отсюда»; «мальчик с пальчик»; «Жизнь человека – один миг».

Эпитет – это образное определение, слово, употреблённое в переносном значении. Напр.: «золотые пряди», «серебряные седины», «бархатный голос».

Перифраза – троп, состоящий в замене обычного однословного названия предмета описательным выражением. Обычно в таких описательных выражениях выделяются характерные признаки предмета. Напр.: «вечный город» (Рим), «белокаменная столица России» (Москва), «автор «Героя нашего времени» (М.Ю. Лермонтов), «царь зверей» (лев), «братья наши меньшие» (животные) и т.д.

Перифраза может включать в себя метафору («чёрное золото» об угле и нефти, «красный петух» о пожаре) и метонимию («белые воротнички» – о конторских служащих, «голубые береты» – о солдатах-десантниках).

Перифразы помогают избежать утомительных повторений, придают речи различные смысловые и стилистические оттенки.

Публицистические перифразы, будучи растиражированы, быстро переходят в штампы: «люди в белых халатах» (врачи), «стражи правопорядка» (милиционеры), «корабль пустыни» (верблюды), «зелёный друг» (лес), «белое золото» (хлопок).

Сравнение – это оборот речи, в котором один предмет уподобляется другому. Напр.: «Как пахарь, битва отдыхает» (П.), «Лёд неокрепший на речке студеной / Словно как тающий сахар лежит» (Некр.).

Антитеза – это оборот, в котором для усиления выразительности речи резко противопоставляются противоположные понятия. Антитеза имеет форму словосочетания или предложения (высказывания). Лексическая основа антитезы – антонимия, синтаксическая – параллелизм конструкций. Антитеза лежит в основе многих пословиц, поговорок, афоризмов, заглавий; она широко используется в художественной, публицистической, ораторской речи. Напр.: «Умный научит – дурак наскучит»; «Богатый и в будни пирует, а бедный и в праздник горюет»; «Война и мир» (Толстой); «Волки и овцы» (Островский); «Живые и мёртвые» (Симонов); «Где стол был яств, там гроб стоит» (Державин); «К добру и злу постыдно равнодушны, / В начале поприща мы вянем без борьбы, / Перед опасностью позорно малодушны / И перед властью – презренные рабы» (Лерм.).

Инверсия – изменение обычного порядка слов в целях усиления выразительности. Напр.: «Цветы запоздалые» (Чех.).

Градация – это стилистическая фигура, состоящая в таком расположении слов, при котором каждое последующее содержит усиливающееся (редко – ослабевающее) значение, благодаря чему создаётся нарастание (редко – ослабление) производимого ими впечатления. Напр.: «Не жалею, не зову, не плачу, Всё пройдёт, как с белых яблонь дым» (Есенин).

Параллелизм – это одинаковое синтаксическое построение соседних предложений или отрезков речи. Напр.: «Молодым везде у нас дорога, Старикам везде у нас почёт» (Леб.-Кумач); «Твой ум глубок, что море. Твой дух высок, что горы» (Брюсов).

Эллипсис – это пропуск элемента высказывания, легко восстанавливаемого благодаря контексту или ситуации. Эллипсис придаёт высказыванию динамичность, напряжённость, энергию. Напр.: «Мы сёла – в пепел, грады – в прах, в мечи – серпы и плуги» (Жук.).

Риторический вопрос – это стилистическая фигура, состоящая в том, что вопрос ставится не с целью получить на него ответ, а для того, чтобы привлечь внимание к тому или иному явлению. Напр.: «Кто не проклинал станционных смотрителей, кто с ними не бранивался?» (П.).

Риторическое обращение – это стилистическая фигура, состоящая в том, что высказывание адресуется неодушевлённому предмету, отвлечённому понятию, лицу отсутствующему. Эта фигура усиливает выразительность речи. Напр.: «Мечты, мечты! Где ваша сладость?» (П.).

Анафора (единоначатие) – это стилистическая фигура, заключающаяся в повторении одних и тех же элементов в начале каждого параллельного ряда (стиха, строфы, прозаического отрывка). Напр.: «Клянусь я первым днём творенья, Клянусь его последним днём, Клянусь позором преступления И вечной правды торжеством. Клянусь паденья горькой мукой, Победы краткою мечтой; Клянусь сви-

данием с тобой И вновь грозящею разлукой» (Лерм.). Анафора широко используется при построении периода.

Эпифора (концовка) – это стилистическая фигура, противоположная анафоре. Она заключается в повторении одних и тех же элементов в конце каждого параллельного ряда (стиха, строфы, предложения и т.д.). Напр.: «Мне бы хотелось знать, отчего я титулярный советник? Почему именно титулярный советник?» (Гоголь).

Бессоюзие – это риторическая фигура, состоящая в намеренном пропуске союзов, что придаёт тексту динамизм, стремительность. Напр.: «Швед, русский – колет, рубит, режет. Бой барабанный, клики, скрежет, Гром пушек, топот, ржанье, стон...» (П.)

Многосоюзие – стилистическая фигура, состоящая в намеренном увеличении количества союзов в предложении, обычно для связи однородных членов, благодаря чему подчёркивается роль каждого из них. Напр.: «И синего моря обманчивый вал В часы роковой непогоды, И пращ, и стрела, и лукавый кинжал Щадят победителя годы...» (П.); «Я или зарыдаю, или закричу, или в обморок упаду» (Чех.).

Умолчание – это оборот речи, заключающийся в том, что автор сознательно не до конца выражает мысль, предоставляя читателю (или слушателю) самому догадываться о невысказанном.

Умолчание – это намеренный обрыв высказывания, передающий эмоциональность, взволнованность говорящего и предполагающий, что читатель (или слушатель) догадается, что именно осталось невысказанным. Напр.: «Нет, я хотел... быть может, вы... я думал, Что уж барону время умереть» (П.); «Что подумали, что почувствовали оба? Кто узнает? Кто скажет? Есть такие мгновения в жизни, такие чувства... На них можно только указать – и пройти мимо» (Тург.).

Как мы уже знаем, в лингвистике выделяют три функционально-смысловых типа речи: повествование, описание и рассуждение.

Ораторская речь тоже имеет форму повествования, описания и рассуждения. Выбор того или иного функционально-смыслового типа зависит от объекта речи и цели высказывания. Нередко имеет место

контаминация (объединение) разных функционально-смысловых типов речи.

Композиция (структура) ораторской речи

Речь вообще и ораторская речь – в частности должна иметь определенную структуру (композицию). Выделяют три основные части ораторской речи: вступление, основную часть и заключение.

Во вступлении сообщается тема, перечисляются и кратко характеризуются проблемы, рассматриваемые в основной части. Вступление подготавливает слушателей к восприятию содержания, создает необходимый настрой.

Кроме вступления, иногда выделяют еще зачин – самое начало речи. Чаще всего он содержит этикетные формулы (*уважаемые депутаты, коллеги, друзья, дорогие друзья; Позвольте мне поделиться с вами некоторыми соображениями по поводу возможного объединения двух государств – России и Белоруссии*). Но не только. Желательно сделать зачин интересным, чтобы он зацепил слушателей. Это может быть случай из жизни оратора, известного человека, яркий афоризм.

Приведем несколько примеров.

«Высшим благом среди всех зовут знание: его не отнять, оно не оценимо, оно никогда не иссякает» (афоризм древн. Индии).

«Блаженство тела состоит в здоровье, блаженство ума – в знании» (Фалес, др.-гр. философ).

«Всякий, изучающий историю народных бедствий, может убедиться, что большую часть несчастий на земле приносит невежество» (Гельвеций, франц. философ).

«Знание возбуждает любовь: чем больше знакомишься с наукою, тем больше любишь ее» (Чернышевский).

«Знание составляется из мелких крупинок ежедневного опыта» (Писарев).

«Истинное знание состоит не в знакомстве с фактами, которые делают человека лишь педантом, а в использовании фактов, которое делает его философом» (Бокль, англ. историк-философ).

«Каждый день, в который вы не дополнили своего образования хотя бы маленьким, но новым для вас куском знания..., считайте бесплодно и невозвратно для себя погибшим» (Станиславский).

«Наука требует от человека всей его жизни. И если бы у вас было бы две жизни, то и их бы не хватило вам. Большого напряжения и великой страсти требует наука от человека» (Павлов).

«Самый верный признак истины – это простота и ясность; ложь всегда бывает сложна, вычурна и многословна» (Л. Толстой).

Вступление помогает перейти к главной части, в которой излагается основной материал. Оратор анализирует факты, конкретные примеры, различные теоретические положения, приводит необходимые доказательства выдвинутой гипотезы, спорит с оппонентами и т.д.

В заключении подводятся итоги всего сказанного, суммируются мысли, высказанные в основной части, подчеркивается главная идея выступления; могут намечаться пути развития этой идеи, ставиться очередные задачи.

Кроме понятия заключения, иногда оперируют понятием концовки. Это завершающая часть выступления. Она может содержать этикетные формулы, формулы призыва, пожелания. Характер заключения и концовки зависит от темы, материала, времени, слушателей, рода и вида выступления. По-разному заканчивается вузовская лекция, митинговая, политическая, агитаторская речь. В заключении вузовской лекции лектор делает логические выводы из сказанного, а в заключении митинговой речи – обращается к слушателям с эмоциональным призывом.

Композиция выступления – дело творческое. В нем нет жесткого стандарта. Самое главное – чтобы ораторская речь отличалась строгой последовательностью изложения, согласованностью всех ее частей, индивидуальностью и глубиной мысли.

Основы полемического мастерства

Важнейшей компонентой ораторского мастерства является умение вести дискуссию.

Дискуссия (лат. *discussio* – исследование, рассмотрение, разбор) – это публичный спор, целью которого является сопоставление разных точек зрения, нахождение правильного решения спорного вопроса. Синонимами слова *дискуссия* являются слова *спор*, *полемика*, *диспут*, *дебаты*, *прения*. Спор – это словесное состязание, обсуждение чего-либо между двумя или несколькими лицами, при котором каждая из сторон отстаивает своё мнение, свою правоту. Полемика – это не просто спор, а столкновение, борьба принципиально противоположных мнений по тому или иному вопросу, публичный спор с целью защитить, отстоять свою точку зрения и опровергнуть мнение оппонента. Словом *диспут* называют публичный спор на научную и общественно важную тему. Словами *дебаты* и *прения* именуют споры, которые возникают при обсуждении докладов, сообщений, выступлений на собраниях, заседаниях, конференциях.

Споры можно характеризовать с точки зрения цели, социальной значимости, количества участников и формы проведения. По цели различают споры из-за истины, для убеждения оппонента, для победы, наконец, спор ради спора. С точки зрения социальной значимости проблемы различают споры, предметом которых бывают вопросы, отражающие общечеловеческие, национальные, профессиональные, групповые, семейные и личные интересы полемистов. По количеству участников споры делятся на три основные группы: спор-монолог (спор с самим собой, внутренний спор), спор-диалог (полемизируют два лица) и спор-полилог (который ведётся несколькими и многими лицами). Спор-полилог может быть массовым и групповым. Споры могут происходить при слушателях и без слушателей. Присутствие слушателей активизирует спорящих. Оппоненты более тщательно подбирают доказательства, действуют энергичнее. Наконец, споры

могут быть устными и письменными (печатными). Устная форма предполагает непосредственное общение конкретных лиц друг с другом, письменная (печатная) форма – опосредованное общение. Устные споры ограничены во времени и замкнуты в пространстве: они ведутся на занятиях, заседаниях, конференциях. Письменный (печатный) спор может быть очень продолжительным. В устном споре большое значение имеет манера уверенно держаться, быстрота реакции, живость мышления, остроумие. Робкий, застенчивый человек обычно проигрывает по сравнению с самоуверенным противником. Поэтому письменный спор более пригоден для выяснения истины, чем устный. Однако у него есть свои недостатки. Он иногда тянется слишком долго, несколько лет. Следить за таким спором очень трудно.

Необходимо знать некоторые общие правила спора. Нужно уважать оппонента и его точку зрения, стремиться её понять, сохранять выдержку и самообладание. Основное условие успеха оратора – прекрасное знание материала.

Подготовка речи и выступление

Речь должна тщательно готовиться: необходимо определить тему, цель, название выступления с учетом состава слушателей и обстановки. Затем составить предварительный план, подобрать теоретический и фактический материал. Необходимая часть подготовки – репетиция.

Следует знать состав аудитории, ее величину, интересы, настроение, степень подготовленности.

При подготовке выступления можно написать его полный текст, конспект, тезисы, развернутый или краткий план. Это зависит от привычки выступающего, его опыта, знаний и т.д. Вот мнение известного судебного деятеля П.С. Пороховщикова (П. Сергеича) из книги «Искусство речи на суде». Он утверждает: «Мы не будем повторять старого спора, писать или не писать речи. Знайте, читатель, что, не ис-

писав несколько сажен или аршин бумаги, вы не скажете сильной речи по сложному делу. Если только вы не гений, примите это за аксиому и готовьтесь к речи с пером в руке <...>

Остерегайтесь импровизации.

Отдавшись вдохновению, вы можете упустить существенное и даже важнейшее.

Можете выставить неверное положение и дать козырь противнику. У вас не будет надлежащей уверенности в себе.

Лучшего не будет в нашей речи. Импровизаторы, говорит Квинтилиан, хотят казаться умными перед дураками, но вместо того оказываются дураками перед умными людьми.

Наконец, имейте в виду, что и крылатый конь может изменить.

Люди знающие и требовательные и в древности, и теперь утверждают, что речь судебного оратора должна быть написана от начала до конца. Спасович, Пассовер, Андреевский – это внушительные голоса, не говоря уже о Цицероне.

Но если это не всегда бывает возможно, то во всяком случае речь должна быть написана в виде подробного логического рассуждения; каждая отдельная часть этого рассуждения должна быть изложена в виде самостоятельного логического целого и эти части соединены между собой в общее неуязвимое целое. Вы должны достигнуть неуязвимости, иначе вы не исполнили своего долга».

К.А. Тимирязев составлял сначала краткий план, расширял его до подробного, затем на его основе писал конспект, который неоднократно переписывал, уточняя формулировки и расположение материала.

Есть и другие мнения. Так, известный судебный деятель А.Ф. Кони в статье «Приемы и задачи прокуратуры. (Из воспоминаний судебного деятеля)» рассказывает, что свои речи он никогда не писал. Раза два пробовал набросать вступление, но убедился в бесплодности этого и ограничивался схемой речи, «отдельными словами или условными знаками». «Я всегда чувствовал, что заранее написан-

ная речь должна стеснять оратора, связывать свободу распоряжения материалом и смущать мыслью, что что-то забыто или пропущено». Такую форму подготовки к выступлению позволяют себе только опытные, одаренные ораторы. Это зависит также от длительности речи, ее рода и вида.

Умело подобранный фактический и цифровой материал делает речь конкретной, предметной, доходчивой и убедительной.

Параллельно идет работа над стилем изложения и композицией речи. Ораторская речь должна быть правильной, точной, содержательной, логичной, уместной, доступной, краткой, богатой, благозвучной, образной, эмоциональной и своеобразной. Итак, выступление полностью написано, осмыслено. Следующий этап работы над речью, особенно важный для начинающего оратора, – репетиция. Полезно прочитать речь полностью, уточнить время ее звучания, ориентируясь на соответствующий нормам публичной речи темп (одна машинописная страница – примерно две минуты). Лучше произнести текст вслух и перед зеркалом, чтобы видеть выражение своего лица и жесты, которые будут сопровождать речь.

На этом этапе подготовки особое внимание необходимо обратить на технику произношения – орфоэпию, дикцию, интонацию, темп. Оратор должен безупречно владеть орфоэпической нормой. Орфоэпические ошибки компрометируют выступающего. Дикция оратора должна быть ясной, четкой, «чистой», чтобы слушатели без всяких усилий воспринимали каждый звук. Исключительное значение имеет интонация – мелодия и паузы, выполняющие смысловую и эмоциональную функции. Ученые насчитывают свыше 20 интонаций, выражающих различные чувства: радости, восхищения, удивления, угрозы, злобы, страха, негодования, сомнения и т.д. Интонация должна точно соответствовать содержанию речи. При подготовке к выступлению нужно проверить фразовые и логические ударения в каждой фразе. Важную роль играет темп – скорость протекания речи во времени. Более важные слова произносят медленнее, менее важ-

ные – быстрее. Средний темп предполагает произношение 100-130 слов в минуту.

Большое значение в ораторской речи имеют паралингвистические средства – поза, жесты и мимика оратора.

Поза оратора должна быть естественной, способствующей восприятию смысла речи. Не нужно стоять боком к аудитории, смотреть вниз или в одну точку, в глаза какого-то одного слушателя.

Жесты – это движения рук, мимика – выражение лица. Некоторые исследователи считают, что жест и мимика несут 40 процентов информации. Жест, будучи эмоционально-смысловым движением рук (руки), должен «звучать» именно в те мгновения, когда произносимая фраза нуждается в усилении своей выразительности. Применяя тот или иной жест, оратор подчеркивает важность и глубину мысли, намекает на подтекст высказывания. Жест должен быть мотивированным, естественным, органически связанным с мыслью.

Мимика тоже должна быть не нарочитой, а естественной, выражающей действительное состояние оратора.

Человеческие качества оратора индивидуальны и неповторимы. Но есть качества, которыми должен обладать каждый оратор. Это простота и естественность, скромность и доброжелательность.

Подлинный оратор – это носитель высокой нравственности.

«Оратор должен обладать остроумием диалектика, мыслями философа, словами чуть ли не поэта, памятью законоведа, голосом трагика, игрою такой, как у лучших лицедеев. Вот почему в роде человеческого ничто не попадает так редко, как совершенный оратор» (Цицерон).

Существуют три способа выступления: чтение текста, воспроизведение его по памяти с чтением отдельных фрагментов и свободная импровизация. Читают текст в тех случаях, когда имеют дело с материалом большого объема. Чаще всего чтение совмещают с живой речью. Живая речь производит на слушателей наибольшее впечатление. При чтении текста нужно уметь имитировать устную речь.

После завершения речи могут быть заданы вопросы, в которых иногда заключается прямая или скрытая полемика. Это наиболее трудная часть выступления, поскольку требует быстрой реакции оратора.

Такова краткая характеристика основных понятий риторики.

Литература по культуре речи и стилистике

Азнаурова, Э.С. Очерки по стилистике слова / Э.С. Азнаурова. – Ташкент, 1973. – 405 с.

Аникин, А.И. Употребление однокоренных слов в предложении / А.И. Аникин. – М., 1965. – 100 с.

Арнольд, И.В. Стилистика декодирования: Курс лекций / И.В. Арнольд. – Л., 1974. – 76 с.

Артеменко, Е.П., Соколова, Н.К. Как готовиться к сочинению по русскому языку и литературе. Пособие для поступающих в вузы / Е.П. Артеменко, Н.К. Соколова – 3-е изд., перераб. и доп. – Воронеж, 1971. – 134 с.

Бабенко, Л.Г., Васильев, И.Е., Казарин, Ю.В. Лингвистический анализ художественного текста: Учеб. для вузов / Л.Г. Бабенко, И.Е. Васильев, Ю.В. Казарин. – Екатеринбург, 2000. – 534 с.

Баранов, М.Т. Современные критерии и нормативы оценки знаний, умений и навыков учащихся по русскому языку / М.Т. Баранов // Рус. яз. в школе. – 1994. – № 3. – С. 110-113.

Барлас, Л.Г. Русский язык. Стилистика: Пособие для учителей / Л.Г. Барлас. – М., 1978. – 256 с.

Бельчиков, Ю.А. Стилистика и культура речи / Ю.А. Бельчиков. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 2002. – 160 с.

Белянин, В.П. Психолингвистические аспекты художественного текста / В.П. Белянин. – М., 1988. – 123 с.

Болотнова, Н.С. Краткая история стилистики художественной речи в России: (к истокам коммуникатив. стилистики текста) / Н.С. Болотнова. – Томск, 1996. – 47 с.

Болотнова, Н.С. Филологический анализ текста / Н.С. Болотнова. – Томск, 2001 – Ч. 1. – 129 с.; Ч. 4. Методы исследования. – 2003. – 119 с.

Вакуров, В.Н., Кохтев Н.Н., Солганик Г.Я. Стилистика газетных жанров / В.Н. Вакуров, Н.Н. Кохтев, Г.Я. Солганик. – М., 1978. – 183 с.

Валгина, Н.С. Активные процессы в современном русском языке / Н.С. Валгина. – М., 2001. – 303 с.

Веселов, П.В. Аксиомы делового письма: культура делового общения и официальной переписки / П.В. Веселов. – 4-е изд., перераб. – М., 1993. – 79 с.

Веселов, П.В. Как составить служебный документ / П.В. Веселов. – М., 1982. – 64 с.

Виноградов, В.В. Итоги обсуждения вопросов стилистики / В.В. Виноградов // Вопр. языкознания. – 1955. – № 1. – С. 60-87.

Виноградов, В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика / В.В. Виноградов. – М., 1963. – 255 с.

Винокур, Т.Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц / Т.Г. Винокур. – М., 1980. – 237 с.

Головач, А.С. Оформление документов / А.С. Головач. – Киев; Донецк, 1979. – 151 с.

Головин, Б.Н. Основы культуры речи / Б.Н. Головин. – М., 1980. – 335 с.

Голуб, И.Б. Стилистика русского языка: Учеб. пособие / И.Б. Голуб. – 2-е изд., испр. – М., 1999. – 442 с.

Голуб, И.Б. Стилистика современного русского языка / И.Б. Голуб. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 1986. – 336 с.

Голуб, И.Б., Розенталь, Д.Э. Секреты хорошей речи / И.Б. Голуб, Д.Э. Розенталь. – М., 1993. – 279 с.

Горбачевич, К.С. Нормы современного русского литературного языка / К.С. Горбачевич. – 3-е изд., испр. – М., 1978. – 240 с.

Граудина, Л.К., Ицкович, В.А., Катлинская, Л.П. Грамматическая правильность русской речи / Л.К. Граудина, В.А. Ицкович, Л.П. Катлинская. – М., 1976. – 455 с.

Добромыслов, В.А. Речевые недочеты в письменных работах учащихся средней школы / В.А. Добромыслов // Рус. яз. в школе. – 1941. – № 1. – С. 36-41.

Документы и делопроизводство: Справ. пособие / Т.В. Кузнецова и др. – М., 1991. – 271 с.

Донецких, Л.И. Слово и мысль в художественном тексте / Л.И. Донецких. – Кишинев, 1990. – 166 с.

Еськова, Н.А. Популярная и занимательная филология / Н.А. Еськова. – М., 2004. – 175с.

Залевская, А.А. Текст и его понимание / А.А. Залевская. – Тверь, 2001. – 177 с.

Зализняк, А.А. Грамматический словарь русского языка: Словоизменение: Ок. 110 000 слов / А.А. Зализняк. – 4-е изд., испр. и доп. – М., 2003. – 795с.

Зализняк, А.А. Русское именное словоизменение с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию / А.А. Зализняк. – М., 2002. – I-VIII, 752с.

Ибраев, Л.И. Слово и образ. К проблеме соотношения лингвистики и поэтики / Л.И. Ибраев // Филол. науки. – 1981. – № 1. – С. 18-24.

Ицкович, В.А. Очерки синтаксической нормы / В.А. Ицкович. – М., 1982. – 199 с.

Ицкович В.А. Языковая норма /В.А. Ицкович. – М., 1968. – 94 с.

Калакуцкая, Л.П. Склонение фамилий и личных имён в русском литературном языке /Л.П. Калакуцкая. – М., 1984. – 221с.

Капинос, В.И. Об оценке речевых навыков учащихся / В.И. Капинос // Рус. яз. в школе. – 1973. – № 6. – С. 73-76.

Караулов, Ю.Н. О состоянии русского языка современности: Докл. на конф. «Рус. яз. и современность. Пробл. и перспективы развития русистики» и материалы почт. дискус., в которой приняли участие Ю.Д. Апресян и др. /Ю.Н. Караулов. – М., 1991. – 65 с.

Кожевникова, Н.А. Функциональные стили и язык художественной литературы / Н.А. Кожевникова // Рус. яз. в школе. – 1966. – № 6. – С. 23-30.

Кожина, М.Н. Стилистика русского языка / М.Н. Кожина. – 3-е изд., перераб. и доп. – М., 1993. – 223 с.

Коралова, А.Л. К вопросу о лингвистической образности / А.Л. Коралова // Сб. науч. тр. / МГПИИЯ. – 1972. – Вып. 70. Вопр. ром.-герм. филологии. – С. 72-89.

Костомаров, В.Г. Языковой вкус эпохи: Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа /В.Г. Костомаров. – 3-е изд., испр. и доп. – СПб., 1999. – 319 с.

Культура русской речи: Учеб. для вузов / Под ред. Л.К. Граудиной и Е.Н. Ширяева. – М., 2001. – 560 с.

Культура русской речи и эффективность общения. – М., 1996. – 440 с.

Культура русской речи: Энцикл. слов. – справ. – М., 2003. – 838с.

Левицкий, Ю.А. Проблема типологии текстов / Ю.А. Левицкий. – Пермь, 1998. – 108 с.

Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990. – 685 с.

Лукин, В.А. Художественный текст: Основы лингвистич. теории и элементы анализа: Учеб. / В.А. Лукин. – М., 1999. – 191 с.

Матвеева, Т.В. Учебный словарь: Русский язык. Культура речи. Стилистика. Риторика / Т.В. Матвеева. – М., 2003. – 431с.

Мещеряков, В.Н. Жанры школьных сочинений: Теория и практика написания: Учеб.-метод. пособие для студентов и учителей-словесников / В.Н. Мещеряков. – М., 1999. – 256 с.

Михайлов, М.М. Стилистика русской речи / М.М. Михайлов. – Чебоксары, 1968. – 370 с.

Мурат, В.П. Об основных проблемах стилистики / В.П. Мурат. – Изд-во Моск. ун-та, 1957. – 43 с.

Новиков, Л.А. Художественный текст и его анализ / Л.А. Новиков. – М., 1988. – 301 с.

Ожегов, С.И., Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 1994. – 928 с.

Орфографический словарь русского языка: Ок. 100 000 слов. – 35-е изд., стер. – М., 1999. – 686 с.

Орфоэпический словарь русского языка: Произношение, ударение, грамMAT. формы: Ок. 65 000 слов. – 6-е изд., стер. – М., 1999. – 416 с.

Петрищева, Е.Ф. Стилистически окрашенная лексика русского языка / Е.Ф. Петрищева. – М., 1984. – 222 с.

Петрищева, Е.Ф. СтилЬ и стилистические средства (обзор взглядов советских лингвистов) / Е.Ф. Петрищева // Стилистические исследования. – М., 1972. – С. 107-174.

Рахманин, Л.В. Стилистика деловой речи и редактирование служебных документов: Учеб. пособие / Л.В. Рахманин. – 4-е изд., испр. – М., 1997. – 192 с.

Розенталь, Д.Э. К итогам обсуждения вопроса о штампах / Д.Э. Розенталь // Вестн. Моск. ун-та. Серия журналистики. – 1968. – № 6. – С. 76-80.

Розенталь, Д.Э. Практическая стилистика русского языка / Д.Э. Розенталь. – 4-е изд., испр. – М., 1977. – 316 с.

Розенталь, Д.Э., Теленкова, М.А. Справочник лингвистических терминов: Пособие для учителя / Д.Э.Розенталь, М.А. Теленкова.– М., 1972. – 495 с.

Рудяков, Н.А. Основы анализа художественного текста / Н.А. Рудяков. – Киев, 1989. – 151 с.

Русская грамматика. – М., 1980. – Т. 1. – 783 с.; Т. 2. – 709 с.

Русский язык и советское общество. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка. – М., 1968. – 367 с.

Скребнев, Ю.М. Некоторые понятия стилистики в свете дихотомии «язык – речь» / Ю.М. Скребнев // Сб. науч. тр. / МГПИИЯ. – 1973. – Вып. 73. – С. 82-87.

Скребнев, Ю.М. Очерк теории стилистики / Ю.М. Скребнев. – Горький, 1975. – 175 с.

Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. – М., 1957-1961.

Солганик, Г.Я. Стилистика текста: Учеб. пособие / Г.Я. Солганик. – 4-е изд. – М., 2002. – 253 с.

Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожинной. – М., 2003. – 694с.

Суперанская, А.В., Суслова, А.В. Современные русские фамилии / А.В. Суперанская, А.В. Суслова. – М., 1981. – 176с.

Тимофеев Л.И. Слово в стихе /Л.И. Тимофеев. – 2-е изд., доп. – М., 1987. – 422 с.

Унбегаун, Б.-О. Русские фамилии: Пер. с англ. /Б.-О. Унбегаун. – 2-е изд., испр. – М., 1995. – 448 с.

Фельзер, А.Б., Миссерман, М.А. Делопроизводство: Справ. пособие / А.Б. Фельзер, М.А. Миссерман. – 3-е изд., стер. – Киев, 1988. – 320 с.

Филин, Ф.П. Истоки и судьбы русского литературного языка / Ф.П. Филин. – М., 1981. – 327 с.

Фоменко, Ю.В. Типы речевых ошибок: Учеб. пособие / Ю.В. Фоменко. – Новосибирск, 1994. – 60 с.

Формановская, Н. Речевой этикет и культура общения / Н. Формановская. – М., 1989. – 159 с.

Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. – 2-е изд., стер. – М., 1968. – 543 с.

Харченко, В.К. Разграничение оценочности, образности, экспрессии и эмоциональности в семантике слова / В.К. Харченко // Рус. яз. в школе. – 1976. – № 3. – С. 66-71.

Хованская, З.И. Принципы анализа художественной речи и литературного произведения / З.И. Хованская. – Саратов, 1975. – 429 с.

Храпченко М.Б. Язык художественной литературы / М.Б. Храпченко // Контекст. 1984. – М., 1986. – С. 3-57.

Цейтлин, С.Н. Речевые ошибки и их предупреждение: Учеб. пособие / С.Н. Цейтлин. – 2-е изд., испр. – СПб., 1997. – 188 с.

Человеческий фактор в языке: Язык. механизмы экспрессивности. – М., 1991. – 214 с.

Черемисин, П.Г. Русская стилистика: Учеб. пособие для студентов-заочников... / П.Г. Черемисин. – Л., 1979. – Ч. 1. – 132 с.; Ч. 2. – 9 с.

Чернухина, И.Я. Поэтическое речевое мышление / И.Я. Чернухина. – Воронеж, 1993. – 191 с.

Чуковский, К.И. Живой как жизнь. (О русском языке) / К.И. Чуковский. – 2-е изд., перераб. – М., 1963. – 232 с.

Юрина, Е.А. Образность как категория лексикологии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е.А. Юрина. – Томск, 1994. – 18 с.

Литература по риторике

Александров, Д.Н. Риторика: Учеб. пособие / Д.Н. Александров. – М., 2002. – 624 с.

Аннушкин, В.И. Зачем нужна риторика? / В.И. Аннушкин // Рус. речь. – 1988. – № 5. – С. 81-86.

Антология русской риторики: Учеб. пособие / Отв. ред. и сост. проф. М.И. Панов. – М., 1997. – 479 с.

Апресян, Г.З. Ораторское искусство / Г.З. Апресян. – 3-е изд., перераб. и доп. – М., 1978. – 278 с.

Баранов, М.Т. От риторики к развитию речи в школах России / М.Т. Баранов // Рус. яз. в школе. – 1998. – № 4. – С. 50-57.

Введенская, Л.А., Павлова, Л.Г. Культура и искусство речи: Современная риторика: Для высш. и сред. учеб. зав. / Л.А. Введенская, Л.Г. Павлова. – Ростов/Д, 1996. – 576 с.

Голуб, И.Б. Основы красноречия / И.Б. Голуб. – М., 2000. – 272 с.

Граудина, Л.К. Риторика / Л.К. Граудина // Русский язык: Энцикл. – М., 1997. – С. 420-423.

Граудина, Л.К., Кочеткова, Г.И. Русская риторика / Л.К. Граудина, Г.И. Кочеткова. – М., 2001. – 669 с.

Граудина Л.К., Миськевич Г.И. Теория и практика русского красноречия / Л.К. Граудина, Г.И. Миськевич. – М., 1989. – 255 с.

Гурвич, С.С., Погорелко, В.Ф., Герман, М.А. Основы риторики / С.С. Гурвич, В.Ф. Погорелко, М.А. Герман. – Киев, 1988. – 245 с.

Дюбуа, Ж., Эделин, Ф., Клинкенберг, Ж.-М. и др. Общая риторика / Ж. Дюбуа, Ф. Эделин, Ж.-М. Клинкенберг. – М., 1986. – 392 с.

Зарецкая, Е.Н. Риторика: Теория и практика речевой коммуникации / Е.Н Зарецкая. – М., 1999. – 477 с.

Карнеги, Д. Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей / Д. Карнеги. – М., 1990. – 281 с.

Кохтев, Н.Н. Основы ораторской речи / Н.Н. Кохтев. – М., 1992. – 240 с.

Кохтев, Н.Н. Риторика: Учеб. пособие / Н.Н. Кохтев. – М., 1994. – 207 с.

Кузнецов, И.Н. Современная риторика: Учеб. пособие / И.Н. Кузнецов. – М., 2003. – 480 с.

Культура русской речи и эффективность общения. – М., 1996. – 440 с.

Львов, М.Р. Риторика: Учеб. пособие для учащихся 10-11 кл. / М.Р. Львов. – М., 1995. – 256 с.

Марченко, О.И. Риторика как норма гуманитарной культуры: Учеб. пособие для вузов / О.И. Марченко. – М., 1994. – 191 с.

Ножин, Е.А. Мастерство устного выступления / Е.А. Ножин. – 2-е изд., доп. – М., 1982. – 256 с.

Ножин, Е.А. Основы советского ораторского искусства / Е.А. Ножин. – 2-е изд., перераб. – М., 1981. – 352 с.

Павлова, К.Г. Искусство спора: логико-психологические аспекты / К.Г. Павлова. – М., 1988. – 64 с.

Риторика: Учеб. / Под ред. Н.А. Ипполитовой. – М., 2006. – 447 с.

Риторика или Ораторски искусство: [Учеб. пособие для вузов] / Авт.-сост. И.Н. Кузнецов. – М., 2004. – 431 с.

Русская риторика: Хрестоматия / Автор-сост. Л.К. Граудина. – М., 1996. – 559 с.

Стернин, И.А. Практическая риторика: Учеб. пособие / И.А. Стернин. – М., 2003. – 269 с.

Хазагеров, Г.Г. Политическая риторика / Г.Г. Хазагеров. – М., 2002. – 313 с.

Хазагеров, Т.Г., Ширина, Л.С. Общая риторика: Курс лекций: Слов. ритор. приемов: Учеб. пособие / Т.Г. Хазагеров, Л.С. Ширина. – 2-е изд., перераб. и доп. – Ростов/Д, 1999. – 317 с.

Хрестоматия по лекторскому мастерству / Сост. А.Е. Михневич. – Минск, 1978. – 174 с.

Шейнов, В.П. Риторика / В.П. Шейнов. – Минск, 2000. – 592 с.

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	3
КУЛЬТУРА РЕЧИ	4
Цель и задачи курса	4
О культуре речи. Речь правильная и речь образцовая	6
Норма языка	8
Типы речевых ошибок	10
Нормы произношения и произносительные ошибки	19
Нормы лексики и лексические ошибки	23
Нормы фразеологии и фразеологические ошибки	36
Нормы морфологии и морфологические ошибки	39
Морфология фамилий	47
Нормы синтаксиса и синтаксические ошибки	52
Нормы стилистики и стилистические ошибки	60
Правила орфографии и орфографические ошибки	75
Правила пунктуации и пунктуационные ошибки	79
Правила логики и логические ошибки	80
Фактические ошибки	82
Способы обозначения ошибок	82
СТИЛИСТИКА РУССКОГО ЯЗЫКА	85
Общая характеристика стиля	85
Формы речи и стили языка	89
Стилистически окрашенные средства языка как материальная база стилей	90
Стилистическое согласование единиц языка	91
Стилистические синонимы	94
Функциональный, экспрессивный и жанровый принципы классификации стилей	96
Понятие стиля с позиций учения о языке и речи	100

Определение стилистики	102
Краткая характеристика функциональных стилей современного русского литературного языка.....	103
Разговорно-бытовой стиль.....	104
Научно-технический стиль	108
Официально-деловой стиль	109
Публицистический стиль	112
Литературно-художественный стиль.....	116
Текст. Типы текстов. Как писать сочинение.....	126
О качествах образцовой речи	134
РИТОРИКА.....	152
Что такое риторика	152
Роды и виды ораторского искусства	153
Стилистические признаки ораторской речи.	
Тропы и фигуры	158
Композиция (структура) ораторской речи.....	164
Основы полемического мастерства.....	166
Подготовка речи и выступление.....	167
Литература по культуре речи и стилистике	172
Литература по риторике	178

Учебное издание
Фоменко Юрий Викторович

КУЛЬТУРА РЕЧИ. СТИЛИСТИКА. РИТОРИКА
Учебное пособие

В авторской редакции
Компьютерная верстка *Т.В.Маноеenkova*

Подписано в печать 9.06.08 г. Формат бумаги 60x84/16.

Печать RISO. Усл. печ. л. 10.46. Уч.-изд. л. 11.25. Тираж 200 экз.

Заказ № 79.

Педуниверситет, Новосибирск, 126, Вилуйская, 28